

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

А.С. Фаминцын

**Божества древних славян
1 часть**

© Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

БОЖЕСТВА
ДРЕВНИХЪ
СЛАВЯНЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ал. С. Фаминцына.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Э. Аригольда, Литейный, 59.
1884.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

~~~~~

Матушка, красное солнце!.. Покажи рабу
Божию покламу сію! Матушка, святая вода!
покажи въ себѣ отъ небеси и земли, сквозь камни
и песка и красной глины поклажу! (Изъ закли-
нанія, провозосямаго при отмыскваніи вклада
(Слѣбпр. губ.1. *Майковс.* Великор. завл. 108).

Нѣсколько лѣтъ назадъ я поставилъ себѣ задачу, изслѣдовать вопросъ о пѣснопѣннн древнихъ, языческихъ Славянъ. Для разрѣшенія этой задачи потребовалось предварительно нѣсколько ближе взглядѣться въ тѣ условія, при которыхъ Славянинъ-язычникъ могъ проявлять и дѣйствительно проявлялъ поэтически-музыкальную дѣятельность; ознакомиться съ тѣми сторонами его общественной и частной жизни, которыя могли давать поводъ къ поэтическому и музыкальному выраженію его чувствованій, побуждать его къ поэтическому и музыкальному творчеству, къ музыкальнымъ упражненіямъ, хотя бы въ самыхъ элементарныхъ формахъ,—именно въ ту отдаленную эпоху, когда жизнь Славянскаго племени имѣла еще болѣе первобытный характеръ, когда еще не успѣли столь рѣзко, какъ въ наше время, очертиться индивидуальныя особенности отдѣльныхъ его вѣтвей, развившіяся съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ условій ихъ жизни. Различны были судьбы многочисленныхъ отраслей Славянскаго племени, взаимно разъединенныхъ, разбросанныхъ на небѣятномъ протяженіи отъ Адриатики до Урала, тяжелы и жестоки были претерпѣнныя ими, въ разныя времена, испытанія и невзгоды, много приняли они въ себя чуждыхъ элементовъ, а между тѣмъ, не смотря на прожитыя въ такомъ разъединеніи многія сотни лѣтъ, не смотря на всю силу дѣйствовавшихъ на нихъ постороннихъ вліяній,—по сіе время еще во многихъ пѣсенныхъ текстахъ и напѣвахъ Славянъ южныхъ, восточныхъ и западныхъ сохранились нѣкоторыя общія черты, проглядываетъ нѣкоторое, болѣе или менѣе значительное, взаимное фамиліальное сходство. Задача изслѣдователя древняго народнаго пѣснопѣнія — подмѣтить эти общія черты, отыскать и выдѣлить изъ массы пѣсенъ, нынѣ

— 2 —

распѣваемыхъ народомъ въ разныхъ концахъ Славянскихъ земель, тѣ изъ нихъ, въ которыхъ уцѣлѣли такія черты, очистить тексты и напѣвы ихъ отъ присущихъ имъ чуждыхъ, постороннихъ составныхъ частей, отъ наслоеній позднѣйшихъ временъ, и, извлеки, отпрепаровавъ, такъ сказать, изъ этихъ текстовъ и напѣвовъ основные, общеславянскіе ихъ элементы, по возможности возстановить, воссоздать изъ нихъ, хотя приблизительно, типъ древнѣйшей общеславянской народной пѣсни.

Приступить къ извлеченію изъ уцѣлѣвшихъ еще въ наше время старинныхъ народныхъ пѣсенъ тѣхъ частей ихъ, которыя могли бы принадлежать древнѣйшей, языческой эпохѣ, можно было, однако, не иначе, какъ по болѣе или менѣе основательномъ ознакомленіи съ религіознымъ міровоззрѣніемъ древняго Славянина. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что большинство древнѣйшихъ, сохранившихся до нашего времени пѣсенъ принадлежатъ къ числу обрядныхъ, которыя находятся, разумѣется, въ тѣснѣйшей связи съ унаслѣдованными народомъ изъ глубокой старины религіозными вѣрованіями и обрядами. Въ познаніи и уразумѣніи религіознаго міросозерцанія Славянина-язычника заключается, слѣдовательно, ключъ къ уразумѣнію и древне-славянской пѣсни. Съ глубокою вѣрою въ возможность, при помощи уже имѣющихся почтенныхъ трудовъ по предмету изученія Славянской миѳологіи, а также при извѣстной долѣ терпѣнія и усидчиваго труда, добыть этотъ желанный ключъ, я пустился въ путь отыскивать его, какъ кладъ, завѣщанный нашему времени языческими прародителями нашими, — какъ кладъ, далеко и глубоко сокрытый подъ «камнями, пескомъ и красной глиной», которые густымъ слоемъ, въ теченіи многихъ вѣковъ, заносили и все болѣе и болѣе скрывали отъ нашихъ взоровъ завѣтное достояніе предковъ, начинавшее уже становиться для насъ однимъ лишь преданіемъ, дорогимъ, но почти неуловимымъ, неосязаемымъ. На первыхъ же порахъ своихъ изслѣдованій я былъ пораженъ встрѣтившимся мнѣ заклинаніемъ Симбирскаго искателя клада: «Матушка, красное солнце!.. Матушка, святая вода! покажи рабу Божию поклажу!» Въ этомъ словѣ, съ полною искренностью вырвавшемся изъ груди простолюдина, онъ, самъ того не зная, выразилъ, какъ мнѣ стало ясно впоследствии, основное положеніе, основную мысль религіознаго сознанія всего многомилліоннаго Славянства и даже всего Арійскаго племени вообще. Оно, это слово, не разъ служило мнѣ путеводной звѣздой въ продолжительныхъ странствованіяхъ моихъ по темнымъ дебрямъ Славянской миѳологіи, между уцѣлѣвшими обломками Славянской старины, въ которые надлежало, по мѣрѣ силъ, вносить систему, вдыхать жизнь, сближая и связывая миѳологію Сла-

— 3 —

вянь съ вѣроученіями другихъ, родственныхъ имъ народовъ, болѣе изученными и уясненными.

Красное солнце, проливающее свѣтъ и тепло, столь необходимые для всей живой природы, и святая небесная влага, орошающая и оплодотворяющая нивы и пастбища, таковы главные факторы, обуславливающіе благосостояніе и довольство земледѣльца и скотовода. Къ этимъ благотворнымъ явленіямъ, но прежде всего къ небу, источнику свѣта и влаги, древній Арій съ благодарностью и любовью возносилъ свои взоры, къ нимъ съ благодарствіемъ припадалъ онъ, произнося молитвы и славословія, совершая умиловительныя и благодарственныя жертвоприношенія. Небо, въ лицѣ его представителя, единого верховнаго бога всеенной, солнце и небесная влага, въ свою очередь получавшія въ воображеніи первобытнаго Арія своихъ личныхъ представителей, — вотъ общій фундаментъ, на которомъ въ теченіи вѣковъ и тысячелѣтій воздвигались зданія разнообразѣйшихъ вѣроученій, вотъ зародышъ, изъ котораго возникли и разраслись родословныя деревья всѣхъ мѣологій народовъ Арійской семьи, въ томъ числѣ, разумѣется, и Славянъ.

Изученіе и изслѣдованіе довольно обширнаго матеріала изъ области литературы, касающейся народной жизни Славянъ, дало мнѣ возможность убѣдиться въ томъ, что всѣ Славянскіе народы, исходя изъ первоначальнаго сознанія божественности неба, солнца и небесной влаги, исповѣдывали многобожіе; послѣднее выражалось въ поклоненіи и прочимъ явленіямъ природы, которыя нерѣдко олицетворялись въ образѣ боговъ. Боги эти обыкновенно получали названія, обозначающія ихъ характеристическія свойства или качества; иногда, хотя и въ меньшинствѣ случаевъ, они изображались въ видѣ истукановъ. Независимо отъ этого многобожія, постоянно съ большею или меньшею ясностью сохранялась въ народѣ идея о единомъ верховномъ богѣ всеенной, представителѣ неба. Этотъ взглядъ на мѣологическую систему Славянъ находитъ себѣ подтвержденіе, какъ въ историческихъ данныхъ, правда, довольно скудныхъ, такъ въ особенностяхъ въ молитвенныхъ возгласеніяхъ, уцѣлѣвшихъ до нашихъ дней въ устахъ народа, именно: въ пѣсняхъ, обрядныхъ изреченіяхъ и заклинаніяхъ, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о возникновеніи своемъ на почвѣ языческаго міросозерцанія.

Проводимый въ статьѣ моей взглядъ на систему Славянской мѣологій, какъ въ общемъ, такъ и во многихъ частностяхъ, въ значительной степени уклоняется отъ взглядовъ другихъ авторовъ, занимавшихся до сего времени тѣмъ же предметомъ. Съ благодарностью пользуясь обильными матеріалами, собранными въ цитируемыхъ мною

— 4. —

почтенныхъ трудахъ Славянскихъ мѣологовъ, я останавливался лишь на тѣхъ изъ приводимыхъ авторами ихъ соображеній и объясненій, которыя могли имѣть для моихъ цѣлей положительное значеніе. Что же касается соображеній и объясненій, съ которыми, съ своей точки зрѣнія, я согласиться не могъ, то я оставлялъ ихъ въ сторонѣ, не входя съ авторами ихъ въ полемику. Poleмика составляла бы, по моему мнѣнію, лишь неужный балластъ въ трудѣ, имѣющему задачу не опроверженіе чужихъ мнѣній, а сильную попытку внести свѣтъ въ темный міръ Славянской мѣологии, при помощи фактовъ, хотя и давно уже всѣмъ извѣстныхъ, но получающихъ нынѣ, на основаніи сдѣланныхъ мною сближеній и сравненій съ религиозными воззрѣніями древнихъ народовъ, въ особенности Пелазговъ и древнихъ Италійцевъ, — иную окраску, иное значеніе. Изученіе Славянской мѣологии я началъ обратнымъ путемъ, т. е. прежде всего я ознакомился съ пѣсенной литературой главнѣйшихъ, нынѣ существующихъ Славянскихъ народовъ, въ связи съ обрядною стороною ихъ жизни. Пораженный единствомъ основныхъ воззрѣній и вѣрованій, проявляющихся въ пѣсняхъ и обрядныхъ изреченіяхъ, а также чрезвычайнымъ сходствомъ многихъ обычаевъ и обрядовъ Славянъ южныхъ, восточныхъ и западныхъ, давно уже разъединенныхъ, живущихъ самостоятельною жизнью, недопускающею коренныхъ взаимныхъ вліяній, я невольно сталъ искать въ этихъ общихъ обычаяхъ и обрядахъ, воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ — остатковъ далекой, языческой, общеславянской старины. Жизнь Славянина нынѣшняго, а тѣмъ болѣе древняго, находится и находилась въ тѣснѣйшей связи съ обрабатываемой имъ кормилицей матерью-землей. Въ этомъ отношеніи древніе Славяне естественнѣе всего могутъ быть сближаемы съ Пелазгами, которыхъ Греки называли „дѣтьми черной земли“. Сравненіе мировоззрѣнія древнихъ Славянъ, сказывающагося въ произведеніяхъ народнаго ихъ творчества, а также въ данныхъ, сообщаемыхъ скудными письменными памятниками, съ религиознымъ мировоззрѣніемъ Пелазговъ и древнихъ Италійцевъ, легшимъ въ основаніе мѣологической системы Грековъ и Римлянъ, открываетъ новый горизонтъ въ области изученія Славянскихъ древностей. Религія Пелазговъ и древнихъ Италійцевъ въ основныхъ своихъ положеніяхъ представляетъ весьма много общихъ чертъ съ религіею древнихъ Славянъ.

Не ограничиваясь сравненіемъ религіи Славянъ съ религіею Пелазговъ и древнѣйшихъ Грековъ и Италійцевъ, я старался отыскивать корни многихъ вѣрованій древнихъ Славянъ (и нынѣ еще продолжающихъ существовать въ народѣ, подъ именемъ суевѣрій) въ ре-

лігіозномъ міровоззрѣніи древнихъ Аріевъ Ирана и Індіи, съ которыми Славянство во многихъ отношеніяхъ представляеть непосредственную связь, поразительное сходство и сродство. Гимны Ведъ и Авесты могутъ во многихъ случаяхъ служить лучшими толкователями основныхъ положеній языческаго міросозерцанія Славянъ. Какъ произведенія спеціально выработавшагося класса жрецовъ или маговъ, они служатъ выраженіемъ, лишь въ болѣе художественной, болѣе цивилизованной формѣ, тѣхъ коренныхъ религіозныхъ воззрѣній, которыя, въ болѣе простой, первобытной, деревенской формѣ, проявляются въ произведеніяхъ творчества Славянина-простолюдина.

Съ цѣлью не слишкомъ распространяться и разбрасываться въ своемъ изслѣдованіи, я съ намѣреніемъ совершенно воздержался отъ проведенія параллелей со сродными явленіями въ міеологіи другихъ новѣйшихъ Европейскихъ народовъ, за исключеніемъ народовъ Литовскаго племени, наиболѣе близко родственнаго Славянскому и представляющаго съ послѣднимъ много общихъ чертъ, на которыя обращено мною нѣкоторое вниманіе. Кромѣ того, и по отношенію къ Славянской литературѣ, я держался предпочтительно литературы свѣтской, преимущественно обрядной, пѣсни и тѣхъ изъ обрядныхъ изреченій, заговоровъ и заклинаній, которые не имѣють ничего общаго съ христіанствомъ или представляютъ только внѣшнюю связь съ послѣднимъ; на томъ же основаніи я почти совсѣмъ оставилъ въ сторонѣ и литературу духовнаго стиха и ограничивался лишь матеріалами, которые, такъ сказать, вошли въ плоть и кровь народнаго сознанія, образуя необходимую, неотъемлемую часть народнаго обихода, и потому представляютъ наибольшую гарантію въ древности своего происхожденія. Имѣя въ виду народную поговорку: «Сказка—складка, а пѣсня—быль»¹⁾, я только съ крайнею осторожностью и въ рѣдкихъ случаяхъ пользовался былинами, въ особенности же сказками, въ которыхъ древнія черты, еще гораздо чаще, чѣмъ въ пѣсняхъ, являются перемѣшанными съ новѣйшими наслоеніями и чужеземными элементами.

По отношенію къ указаннымъ матеріаламъ, которыми я предпочтительно пользовался въ своемъ трудѣ, я слѣдовалъ иному пути, чѣмъ тѣ ученые, которые, признавая исторію народнаго суевѣрія въ Европѣ «немыслимой безъ углубленія въ христіанскіе источники», относятъ съ полнымъ скептицизмомъ не только къ народнымъ языческимъ преданіямъ, но и ко многимъ сочиненіямъ и даже историческимъ памятникамъ, способнымъ въ значительной степени разъ-

¹⁾ Буславъ. Ист. оч. I, 598.

яснить разные вопросы изъ области Славянской мѣологии. Такое «углубленіе въ христіанскіе источники», такое отрицаніе живущихъ въ народѣ языческихъ традицій, а равно и огульное отверженіе всѣхъ данныхъ, заключающихся въ сочиненіяхъ, составленныхъ безъ вполне строгой критики, въ памятникахъ, только заподозрѣнныхъ въ подложности, приводитъ иногда къ слѣдующимъ результатамъ: высказываются напр. предположенія, будто бы Ярило, древній культъ котораго до нашего времени оставилъ глубокіе слѣды въ обрядахъ цѣлаго ряда западныхъ, среднихъ и сѣверо-восточныхъ губерній Россіи и въ цѣлой серіи географическихъ названій мѣстностей, представляетъ не болѣе, какъ искаженіе образа Св. Юрія; что древнеславянской Волосъ (или Велесъ), засвидѣтельствованный Несторомъ и др., произошелъ изъ Св. Власія и т. п. Мною избранъ путь диаметрально противоположный: точкой отправленія въ моемъ трудѣ служили мнѣ точно изслѣдованныя основы религіознаго міровоззрѣнія древнихъ Аріевъ Ирана и Индіи, древнихъ Грековъ и Италійцевъ, во многихъ отношеніяхъ свойственныхъ и Славянамъ, свидѣтельства о религіи Славянъ древнихъ и средневѣковыхъ писателей, народныя пѣсни, обрядныя изреченія и заклинанія, возникшія на почвѣ языческаго міровоззрѣнія народа, наконецъ, нѣкоторыя свѣдѣнія, съ подлежащею осторожностью извлеченныя изъ памятниковъ, хотя и заподозрѣнныхъ въ подложности, изъ сочиненій, хотя и обвиняемыхъ въ недостаточно критическомъ отношеніи ихъ авторовъ къ излагаемому предмету, но несомнѣнно заключающихъ въ себѣ многія данныя, фактически доказанныя инымъ путемъ, и, въ свою очередь, проливающихъ нерѣдко новый свѣтъ на эти факты, способствующихъ къ болѣе ясному и полному ихъ уразумѣнію.

Разработка поставленной задачи совершена мною въ тѣхъ предѣлахъ, какіе приблизительно намѣчены были мною при самомъ началѣ изслѣдованія, съ цѣлью разъяснить темный смыслъ многихъ молитвенныхъ возглашеній, встрѣчающихся въ Славянскихъ пѣсняхъ, а также смыслъ многихъ обрядовъ и обычаевъ, отражающихся въ пѣсняхъ и, въ свою очередь, разъясняющихъ многія, на первый взглядъ, непонятныя мѣста и выраженія въ пѣсняхъ, коими обычаи и обряды эти сопровождаются.

Предлагаемая статья составляетъ, вслѣдствіе того, какъ бы введеніе въ другой, болѣе обширный трудъ, который я предполагаю озаглавить такъ: «Пѣсни и отражающіеся въ нихъ обряды и обычаи древнихъ Славянъ». Въ составъ этого труда я предполагаю включить статьи слѣдующаго содержанія: праздники, бракъ, смерть и могила, молитвы, стихосложеніе и музыкальный составъ пѣсенъ древнихъ Славянъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Славянское племя (именно южныя и западныя его вѣтви) начинаетъ играть самостоятельную роль въ исторіи съ V и начала VI столѣтія послѣ Р. X.; историческая же жизнь самыхъ сильныхъ, достигшихъ наибольшаго политическаго развитія, отраслей его—Руси и Польши—начинается лишь съ IX вѣка. Славяне были, однако, извѣстны и древнему міру. Древніе писатели Греческіе и Римскіе, начиная съ Гомера, нерѣдко упоминаютъ о нихъ, называя ихъ Венедами, Венетами, Энетами, Антами, наконецъ—Сербами. Занявъ за много вѣковъ до Р. X. обширныя земли, простиравшіяся на сѣверъ и востокъ отъ Карпатовъ,—земли, границы которыхъ подвергались неоднократнымъ, и притомъ значительнымъ, измѣненіямъ, вслѣдствіе столкновеній Славянъ съ сосѣдними народами, вслѣдствіе дальнѣйшихъ ихъ выселеній и переселеній, направленныхъ то на сѣверъ (когда тѣснили ихъ Кельты, Германцы, Римляне, съ VII вѣка до Р. X. по II вѣкъ послѣ Р. X.), то на югъ и западъ (съ III вѣка послѣ Р. X. до начала VII вѣка)—Славянское племя нѣкоторыми отраслями своими достигало Англій, Голландіи, Швейцаріи, Италіи, Пелопонеса ¹⁾. «Эне́ты» встрѣчаются въ древнѣйшія времена и въ Малой Азіи, именно въ Пафлагоніи ²⁾; память о «Венетахъ», жившихъ въ сѣверной Италіи, у Адриатическаго моря, увѣковѣчилась въ названіи города Венеціи, воздвигнутаго на прежней землѣ ихъ, много вѣковъ послѣ того, какъ они уже слились съ Римскою народностью (во II вѣкѣ до Р. X.) и исчезли въ ней. Древніе писатели (Юлій Цезарь, Страбонъ и др.) упоминаютъ въ краткихъ словахъ еще о Венетахъ Арморійскихъ, жившихъ въ Арморійской Галліи.

Свидѣтельства о древнихъ Славянахъ писателей имъ современныхъ, даже и въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія, чрезвычайно скудны. Причина этому явленію, по замѣчанію Шафарика, объяс-

¹⁾ Шафарикъ. Слав. древн. II, 1, 10 и сл.

²⁾ Пафлагонамъ предшествовалъ вождь Палемень, храброе сердце, родомъ Эне́тъ (ἔξ Ἐνετῶν). Ил. II, 851—852.—Эне́ты составляли самую значительную часть населенія Пафлагоніи. Strabo. XII, 543.

няється, какъ нравственными свойствами Славянъ, такъ и географическимъ положеніемъ занятыхъ ими странъ. Отличаясь отъ воинственныхъ сосѣдей своихъ сравнительною кротостію и спокойствіемъ права, любя земледѣліе, ремесла и торговую промышленность, они охотнѣе защищали свои земли, чѣмъ заботились о завоеваніяхъ, а потому «гораздо менѣе прославились у иноземныхъ историковъ, особенно Греческихъ и Римскихъ, обыкновенно слѣдившихъ громы битвъ и мало уважавшихъ тихое величіе народовъ, чѣмъ другіе народы, занимавшіеся грабительствомъ и покореніемъ свѣта, чѣмъ сосѣди и обидчики ихъ Скифы, Сарматы и т. п... Въ послѣдующее время, когда Славяне, часть отъ часа побуждаемые то примѣромъ Гунновъ, Аваровъ и Булгарь, то обидами, наносимыми имъ ихъ безпокойными сосѣдами, начали кровавыя войны на Дунаѣ съ Византійскими Греками, а на Эльбѣ съ Нѣмцами, то и иноземные историки стали болѣе и болѣе говорить о нихъ»¹⁾. По географическому положенію своему мало доступныя Грекамъ и Римлянамъ, страны закарпатскія, служившія жилищемъ древнимъ Славянамъ и названныя Птоломеемъ однимъ общимъ именемъ «Сарматія», оставались почти совершенно неизвѣстны писателямъ Греческимъ и Римскимъ. Однако, и изъ тѣхъ краткихъ свѣдѣній и замѣтокъ о древнихъ Славянахъ, которымъ удѣлили мѣсто въ своихъ трудахъ современные имъ историки, несомнѣнно вытекаетъ, что Славяне были народъ весьма многолюдный и притомъ осѣдлый, что они рѣзко отличались отъ кочующихъ сосѣдей своихъ, Сарматовъ, Гунновъ, Аваровъ и др., что они строили себѣ дома и воздѣлывали землю, вели значительную торговлю, славились гостепримствомъ и ласковымъ обращеніемъ съ чужеземцами; раздробленные на множество отдѣльныхъ обществъ, они избирали изъ среды своей, для веденія общественныхъ дѣлъ, старшинъ (носившихъ различныя названія: князей, боярь, жупановъ и др.), руководствовались древними законами, поклонялись одному верховному богу и многимъ другимъ, болѣе или менѣе важнымъ, божествамъ, которымъ приносили въ жертву плоды и животныхъ²⁾.

Начиная съ исхода V столѣтія послѣ Р. Х., вслѣдъ за паденіемъ Гунновъ и Западной Римской Имперіи, Славянскіе народы стали распространяться на югъ и западъ, къ Дунаю и Эльбѣ, и, вслѣдствіе того, приходили въ частыя столкновенія съ Греками и Германцами; тѣмъ неменѣе, однако, извѣстія о нихъ до X вѣка про-

¹⁾ Шафарикъ Слав. древн. I. ш, 269—270.

²⁾ См. Anton. Erste Lin. I, II. Stat.: Religion, Regierungsform и пр.—Суронецкій. Изсл. нач. и Слав. *.—Шафарикъ. Слав. древн. I. ш, 277 и сл.—Карамзинъ. Ист. гос. Росс. I. ш.—Соловьевъ. Ист. Росс. I. ш.—Макушевъ. Сказ. иностран. II.—Гаржави. Сказ. Мусульм.—Воцель. Древ. быт. ист. Сл. II.—Krek. Einl. in d. sl. Liter. I, 41 и сл. и др.

должаютъ быть все еще весьма скудными: «Миръ не имѣлъ уже болѣе Плиніевъ и Тацитовъ—говорить Шафарикъ—Греческіе писатели, не отличавшіеся своими обширными познаніями, оставили намъ только одни частныя извѣстія, и то о такихъ лишь поколѣніяхъ, которыя были всего ближе къ нимъ; напротивъ, ничего основательнаго не умѣли сказать намъ объ отдаленнѣйшихъ племенахъ ¹⁾). И западные сосѣди Славянъ, Германцы, оставили о бытѣ ихъ свѣдѣнія, относящіяся, однако, уже ко времени утвержденія и распространенія въ Германіи христіанства. Свѣдѣнія эти, не всегда безпристрастныя, напротивъ, нерѣдко окрашенныя враждебнымъ, по отношенію къ Славянамъ, оттѣнкомъ, сохранились въ Германскихъ лѣтописяхъ, составителями которыхъ, по преимуществу, были лица духовнаго званія, принимавшія весьма близко къ сердцу дѣло распространенія христіанства между сосѣдними Славянскими народами, съ живымъ интересомъ слѣдившія за ожесточенной борьбой, которую вели Германцы со Славянами, и излагавшія въ трудахъ своихъ событія, которымъ они нерѣдко сами были свидѣтелями. Достойны вниманія и труды средневѣковыхъ мусульманскихъ писателей, доставившихъ немало интересныхъ свѣдѣній о бытѣ древнихъ Славянъ. Наконецъ, въ срединѣ XI столѣтія, начинается отечественное бытописаніе наше—Несторова лѣтопись. При помощи названныхъ источниковъ, которые съ X столѣтія становятся все болѣе и болѣе обильными, и въ составъ которыхъ входило какъ изложеніе происшествій современныхъ ихъ авторамъ, такъ и описаніе событій предшествовавшихъ вѣковъ, почерпаемая изъ лѣтописей, еще болѣе раннихъ, нынѣ частью утраченныхъ, а также изъ древнихъ сказаній и пѣсенъ народныхъ,—мы можемъ до нѣкоторой степени уяснить себѣ не только взаимное географическое расположеніе, въ древнія времена, главнѣйшихъ вѣтвей Славянскаго племени, на громадномъ, занятомъ ими съ незапамятныхъ временъ пространствѣ, но и главнѣйшія событія, которыми ознаменовалось вступленіе ихъ въ историческую жизнь.

Всю массу Славянъ, по этнографическимъ особенностямъ, языку и религіи, привыкли раздѣлять на два главные разряда или отдѣла: южно-восточный и западный. Къ первому причисляются народы: Иллирскій (Сербы задунайскіе, Хорваты и Хорутане или Словяны), Болгарскій и Русскій (Великоруссы, Малоруссы и Бѣлоруссы), ко второму—народы: Ляшскій (Ляхи или Поляки, Силезцы и Поморяне), Чешскій (Чехи, Мораване и Словаки или Словены) и Полабскій (Славяне, жившіе и отчасти еще и теперь обитающіе въ

¹⁾ Слав. древн. II. 1, 14.

Сѣверной Германіи: Лютичи, Бодричи, Мильчане, Лужицкіе Сербы и др. ¹⁾ Многочисленные, часто враждовавшіе между собою, первоначально не представлявшіе политическаго сплоченія поколѣнія Славянскія, приходя въ столкновенія съ инородными сосѣдами своими, на западѣ—съ Германцами, на югѣ—съ Византіяцами, на востоцѣ—съ Азіатскими племенами, кочевавшими по ту сторону Днѣпра, по области Дона и Волги, наконецъ съ сѣвера—съ племенами Литовскимъ и Финскимъ (Чудью), то врѣзывались во владѣнія этихъ сосѣдей, то отступали обратно, тѣснимыя противниками.

Раньше всѣхъ становятся извѣстными южные Славяне (народы, получившіе впоследствии названія Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ), вследствие неоднократныхъ набѣговъ своихъ (начиная съ III вѣка послѣ Р. Х., сперва еще въ сообщничествѣ съ Гуннами) на задунайскія земли, которыя они и заселили окончательно въ исходѣ VI и въ началѣ VII вѣка. «На третій годъ послѣ смерти Юстиніана и царствованія Тиберія Побѣдоноснаго—пишетъ церковный историкъ Византіи, Іоаннъ Эфесскій (современникъ Юстиніана)—выступилъ проклятый народъ Славянскій и производилъ набѣги на всю Элладу, мѣстности Солуня и всю Фракію. Они завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, опустошали, жгли, грабили страну и овладѣли ею; они поселились въ ней безъ страха, какъ будто она имъ принадлежала. И до нынѣшняго дня Славяне живутъ, сидятъ и покоятся въ Римскихъ областяхъ безъ заботъ и страха, грабя ихъ и разоряя огнемъ и мечемъ. Они разбогатѣли, приобрѣли золото и серебро, табуны лошадей и множество оружія, которымъ научились владѣть лучше, чѣмъ Римляне» ²⁾. Въ VI же вѣкѣ другія Славянскія поколѣнія (Хорутане, называвшіеся у Нѣмцевъ Виндскими Славянами), тѣснимыя съ востока Аварами, покорившими Дакію (нынѣшнюю Румынію и Венгрію), двинулись на западъ и населили мѣстности, извѣстныя подъ названіями Восточной Марки, Каринтіи, Крайна, Штирія и Тироли. Вѣроятно къ тому-же времени относится заселеніе Хорутанами и Фріуля и Истріи. Къ сѣверу отъ Хорутанъ, въ концѣ V и началѣ VI столѣтія, заняли нынѣшнюю Богемію поколѣнія, получившія въ IX и X вѣкахъ общее названіе Чеховъ. Въ IX вѣкѣ становится извѣстнымъ народъ Моравскій, наименованіе котораго очевидно заимствовано отъ рѣки Моравы, орошающей занятую имъ землю. Отъ Мораванъ постепенно отдѣлялись вѣтви,

¹⁾ Такъ дѣлать Славянское племя Шафарикъ (Слав. древн. II, 1, 50). Нѣкоторые причисляютъ Поморанъ къ отдѣлу Полабскому или Балтійскому, а также разсматриваютъ Лужицкихъ Сербовъ какъ особую группу (Пыпинъ и Спасовичъ. Ист. Сл. Лит. I, 7; II, 1062).

²⁾ См. Макушевъ. Ист. Задуи. Сл. 6.—7. *

заселившія преимущественно склоны западныхъ Карпатовъ и значительную часть Панноніи, подъ именемъ Словаковъ. Къ сѣверу отъ Чеховъ, между рѣками Бобромъ и Салюю, по обѣимъ сторонамъ Эльбы (Лабы), поселились Сорбы (Сорабы) или Сербы, состоявшіе изъ нѣсколькихъ поколѣній, изъ которыхъ главнѣйшіе были Лужичане въ нынѣшней дольной Лузаци и Мильчане—въ горней. Еще далѣе на сѣверъ, по Балтійскому побережью, расположились (начиная съ V столѣтія) разныя поколѣнія, извѣстныя подъ общими названіями Бодричей (Оботритовъ), въ нынѣшней Голштиніи и Мекленбургѣ, и Велетовъ или Лютичей—на пространствѣ отъ Эльбы до Одера ¹⁾. На востокъ отъ Лютичей, до Вислы, поселились Поморяне (въ нынѣшней Помераніи), къ югу и юговостоку отъ нихъ—Слезяки (Силезяне) и Ляхи (Поляки) и, наконецъ, на крайнемъ востокѣ, многочисленныя поколѣнія Славянскія, которыя, по свидѣтельству нашего лѣтописца, сѣли по Днѣпру, Западной Двинѣ, около озера Ильмена, на верховьяхъ Волги, по Окѣ, Деснѣ, Бугу, Днѣстру ²⁾, и съ теченіемъ времени, слились въ одинъ народъ, въ одно государство Русское.

Движеніе Славянъ на югъ и западъ, начиная съ VII столѣтія, останавливается; встрѣчая, въ то же время, къ распространенію своему на востокъ преграду въ кочевавшихъ по равнинамъ Дона и Волги Азіатскихъ племенахъ, Славянство—именно восточныя его отрасли—направило свой путь на сѣверо-востокъ: въ эту сторону разстилалась передъ нимъ обширная равнина, слабо заселенная племенами Чудскими, которыя, находясь на сравнительно нисшей степени культуры, чѣмъ Славяне, частью были покоряемы ими, смѣшивались съ новыми пришельцами и терялись въ ихъ массѣ, частью, уступая напору ихъ, переселялись еще далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Разрозненность многочисленныхъ родовъ и поколѣній Славянскихъ и частые раздоры между ними имѣли слѣдствіемъ, что многія изъ этихъ поколѣній, преимущественно расположенныя на окраинахъ занятой Славянами области, не въ состояніи были противостоять нападеніямъ болѣе сильныхъ сосѣдей и подпадали ихъ власти. Съ другой стороны, однако, въ этой, если можно такъ выразиться, рыхлой массѣ Славянства постепенно возникали государственные центры, вокругъ которыхъ группировались и сплачивались ближайшія къ нимъ поколѣнія, образовались отдѣльныя, болѣе или менѣе могущественныя, Славянскія государства: въ VII вѣкѣ госу-

¹⁾ Krek. Einl. in d. sl. Liter. I, 68 и сл.

²⁾ П. С. Р. Л. I, 3, 5.

дарство Болгарское и недолго, впрочемъ, существовавшее обширное королевство или союзъ западныхъ Славянъ, основанное загадочною личностью Само; въ IX столѣтїи—государства: Велико-Моравское, Хорватское, Русское и Польское; въ XII вѣкѣ—королевство Сербское. Славяне сѣверо-западные (Полабскіе, т. е. жившіе по рѣкѣ Лабѣ или Эльбѣ, и Балтійскіе), никогда не составлявшіе одного политическаго цѣлаго, уже во второй половинѣ XII столѣтїя оказываются окончательно покоренными Нѣмцами; еще гораздо ранѣе того, въ VIII вѣкѣ, Хорутане, также не успѣвшіе, до того времени, слиться въ самостоятельное государство, подпали власти Баварцевъ, а затѣмъ страна ихъ вошла въ составъ монархіи Карла Великаго.

Славяне, говоритъ Гердеръ, „поселялись обыкновенно въ земляхъ, повинутыхъ другими народами и воздѣлывали ихъ какъ колонисты, въ качествѣ пастуховъ и земледѣльцевъ; такимъ образомъ, мирное, прилежное присутствіе ихъ приносило только пользу странамъ, опустошеннымъ и раззореннымъ предшествовавшими войнами и походами. Они съ любовью воздѣлывали землю, занимались и разными домашними искусствами и повсемѣстно открывали полезную торговлю произведеніями своей страны, плодами своего трудолюбія. Они построили по берегамъ Балтійскаго моря, начиная съ Любека, города, между которыми Винета на островѣ Руянѣ была Славянскимъ Амстердамомъ... На Днѣпрѣ они воздвигли Кіевъ, на Волховѣ—Новгородъ, вскорѣ сдѣлавшіеся цвѣтущими торговыми городами, они соединили Черное море съ Балтійскимъ и снабжали сѣверную и западную Европу произведеніями востока. Въ (нынѣшней) Германіи они разрабатывали рудники, умѣли плавить и лить металлы, приготавливали соль, ткали полотно, варили медъ, разводили плодовые деревья и вели по своему вкусу веселую, музыкальную жизнь. Они были щедры, гостепріимны до расточительности, любили сельскую свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ были покорны и послушны—враги разбоя и грабежа. Все это не избавило ихъ отъ притѣсненій со стороны сосѣдей, напротивъ, способствовало тому. Такъ какъ они не домогались владычества надъ міромъ, не имѣли жаждущихъ войнъ наслѣдственныхъ государей, и охотнѣе дѣлались данниками, если только тѣмъ можно было купить спокойствіе своей страны, то многіе народы, въ особенности принадлежавшіе Германскому племени, сильно погрѣшили противъ нихъ. Уже при Карлѣ Великомъ начались тѣ жестокія войны, которыя очевидно имѣли цѣлью приобрѣтеніе торговыхъ выгодъ, хотя и велись подъ предлогомъ распространенія христіанства: храбрые Франки, конечно, находили болѣе удобнымъ, обративъ въ рабство прилежный земледѣльческій и торговый народъ, пользоваться его трудами, чѣмъ самимъ изучать зем-

ледѣіе и торговлю, самимъ трудиться. То, что начали Франки, довершили Саксы; въ цѣлыхъ областяхъ Славяне были истребляемы или обращаемы въ крѣпостныхъ, а земли ихъ раздѣлялись между епископами и дворянами. Торговлю ихъ на Балтійскомъ морѣ уничтожили сѣверные Германцы; Винета была разрушена Датчанами, а остатки Славянъ въ Германіи походятъ на то, что Испанцы сдѣлали изъ природныхъ жителей Перу“. Упомянувъ затѣмъ о тяжелыхъ ударахъ, нанесенныхъ Славянству Монголами, Гердеръ, писавшій эти строки почти сто лѣтъ назадъ, какъ-бы въ пророческомъ видѣніи продолжаетъ: „Настанетъ время, когда и вы, нѣкогда прилежные и счастливые народы, освобожденные отъ цѣпей рабства, пробудитесь, наконецъ, отъ вашего долгаго, глубокаго сна, опять вступите во владѣніе прекрасными странами, разстилающимися отъ Адриатическаго моря до Карпатовъ, отъ Дона до Мульды, и будете вновь торжествовать въ нихъ вашу древній праздникъ мирнаго труда!“¹⁾

Географическое положеніе раскинутого на огромномъ пространствѣ Славянскаго племени и политическая разрозненность отдѣльных его отраслей повели къ тому, что, охваченные и увлеченные двумя могучими теченіями европейской культуры, исходившими изъ западнаго и восточнаго ея центровъ—Рима и Византіи, Славянскіе народы, вступая въ исторію, невольно разомкнулись и направились по двумъ различнымъ путямъ. Западные Славяне примкнули къ Романо-Германскому западу, приняли католицизмъ, которому удалось вытѣснить изъ Чехіи, Моравіи и Польши первоначально проникнувшее сюда и начавшее распространяться въ этихъ земляхъ ученіе греко-восточной церкви. Южно-восточные Славянскіе народы (за исключеніемъ Хорватовъ и Хорутанъ, также примкнувшихъ къ латинской церкви) приняли восточное православіе. Главная эпоха введенія тѣмъ и другимъ путемъ христіанства въ Славянскихъ земляхъ относится къ IX и X вѣкамъ, начало же обращенія Славянъ, въ особенности западныхъ и южныхъ, — ко временамъ гораздо болѣе раннимъ. Впрочемъ, язычество, лишь медленно и постепенно вытѣсненное христіанствомъ, господствовало у Славянъ далеко за предѣлы IX и X столѣтій, оставивъ и до нашихъ дней глубокіе слѣды во многихъ народныхъ обрядахъ, повѣртіяхъ и пѣсняхъ.

Христіанство, по выраженію Гримма, являлось у языческихъ народовъ (въ томъ числѣ, разумѣется, и у Славянъ), какъ нѣчто чужеземное, оно стремилось вытѣснить древнихъ, отечественныхъ боговъ, которыхъ народъ любилъ и почиталъ. Эти боги и поклоне-

¹⁾ Herder. Id. z. Phil. d. Gesch. IV, 37—42.

ніе имъ были связаны съ преданіями, государственнымъ строемъ и обрядами народа. Имена ихъ возникли на почвѣ роднаго языка, имъ воздавались почести по древнему обычаю. Народъ долженъ былъ отрекаться отъ своихъ боговъ и святилищъ; то, что прежде признавалось вѣрностью и независимостью, провозвѣстниками новаго ученія, называлось грѣхомъ и преступленіемъ. Не только жестокія кровавыя жертвоприношенія язычниковъ, но и чувственная, веселая сторона языческой жизни вселяла въ нихъ (распространителяхъ христіанства) отвращеніе и ужасъ ¹⁾. Христіанскіе пастыри обращались къ народу, принявшему христіанство, но долгое время еще сохранявшему многіе языческіе обычаи и вѣрованія, съ поученіями и увѣщеваніями, въ которыхъ строго порицались эти обычаи и суевѣрія; соборы издавали постановленія, направленные противъ тѣхъ же остатковъ въ народѣ языческаго міровоззрѣнія, — постановленія, предававшія отлученію отъ церкви и проклятію христіанъ, которые продолжали исполнять языческіе обряды. Эти поученія и соборныя постановленія принадлежатъ къ лучшимъ, наиболѣе цѣннымъ для изслѣдованій языческой старины источникамъ, такъ какъ въ нихъ нерѣдко, хотя и въ пристрастныхъ, непріязненныхъ выраженіяхъ, ясно обрисовываются различныя стороны языческой жизни.

— * —

---

¹⁾ Grimm. D. Myth. I, 4.

I. Предметы поклоненія древнихъ Славянъ, засвидѣтельствованные письменными памятниками.

Начинаю изслѣдованіе о божествахъ Славянъ съ изложенія имѣющихся свѣдѣній о нихъ и матеріаловъ, почерпаемыхъ изъ сочиненій древнихъ, преимущественно же средневѣковыхъ писателей о Славянахъ. Матеріалы эти распределены мною по тремъ группамъ, согласно главнѣйшимъ группамъ Славянскихъ народовъ: южныхъ, западныхъ и восточныхъ.

А. Южные Славяне.

Италійскіе Венеты ¹⁾, по словамъ Страбона (въ I вѣкѣ по Р. Хр.), имѣли близъ Адриатическаго моря посвященное Діомеду «замѣчательное святилище Тимаво», состоявшее изъ священной роши, озера и семи источниковъ прѣсной воды, которые изливались въ рѣку, впадающую въ море. (Рѣка эта и нынѣ извѣстна подъ названіемъ Тимаво.) Діомеду приносили въ жертву бѣлаго коня. Тотъ же писатель упоминаетъ и о другихъ двухъ рощахъ, посвященныхъ Венетамъ богинямъ, которыхъ онъ, какъ и вышеупомянутаго Діомеда, называетъ греческими именами: Геры Аргивской и Артемиды Этолійской ²⁾. По свидѣтельству Тита Ливія (X, 2), Венеты, еще во время своей независимости, имѣли въ главномъ го-

¹⁾ Полибій (во II вѣкѣ до Р. Х.), рассказывая о завоеваніи Галлами принадлежавшихъ Этрускамъ земель въ сѣверной Италіи, замѣчаетъ, что край, прилегающій къ Адриатическому морю, занимаетъ другое племя, весьма древнее, называемое Венетами; обычаями и образомъ жизни они не много отличаются отъ Кельтовъ, но употребляютъ другой языкъ. Гильфердингъ. Древ. пер. ист. Слав. II, 206 (прим.). *

²⁾ Strabo. V, 214—215.

родъ своею, Патавіи, старинный храмъ, который былъ посвященъ Юнонѣ. Это была вѣроятно та же богиня, которую Страбонъ называетъ Герой Аргивской. На многочисленныхъ древнихъ надписяхъ, найденныхъ въ Аквилеѣ, Градѣ и нынѣшней Венеціи, встрѣчается имя бога Бѣлена или Бѣлина (Belenus, Belinus), иногда являющееся въ видѣ эпитета Аполлона (напр. Apollini Beleno). Въ надписяхъ встрѣчается иногда и имя какого-то «добраго [бога] Бронтона», напр. въ Венеціи: «bono Brontoni» (въ Римѣ: «Iovi Sancto Brontonti»). О томъ, что Италійскіе Венеты поклонялись и огню, можно заключить изъ жизнеописанія св. Аврелиана (писаннаго въ IX вѣкѣ), гдѣ, между прочимъ, упоминается мѣстность Ignis близъ устья По, названная такъ по имени божества (in loco qui dicitur Ignis et Bajas, idem idolorumque nomine). Имя Ignis — замѣчаетъ Гильфердингъ — здѣсь очевидно замѣнило славянское огонь. Мы знаемъ — прибавляетъ онъ — что Римляне при боготвореніи огня никогда не давали ему этого простаго названія. Имя Bajas тотъ же авторъ сближаетъ со словомъ бая (хорутан.), въ смыслѣ жребія, чары, обаянія, и видитъ въ немъ названіе богини того же имени, быть можетъ соотвѣтствовавшей Римской Фортунѣ ¹⁾.

Прокопій Кесарійскій (въ VI в.) говоритъ, что *Славяне* (безъ сомнѣнія слова его относятся къ южнымъ Славянамъ) признаютъ творца молніи за единого бога, владыку міра. Ему они приносили въ жертву воловъ и другихъ животныхъ. Не вѣря въ судьбу и не приписывая ей никакой власти надъ людьми, они, однако, при приближеніи смерти, въ болѣзни или на войнѣ, давали обѣтъ богу, какъ скоро онъ спасетъ ихъ жизнь, принести жертву. Избѣжавъ опасности, обѣщанную жертву приносили и вѣрили, что жизнь свою сохранили ею. Кромѣ того, они почитали рѣкъ и нимфъ и нѣкоторыхъ другихъ духовъ (δαίμονια), которымъ всѣмъ они жертвовали и при томъ гадали о будущемъ ²⁾. Въ славянскомъ переводѣ слова Григорія Назіанзина встрѣчается вставка, которая вѣроятно относится къ южнымъ Славянамъ: „Овъ рѣку богиню нарицаеть, и звѣрь живущъ въ ней, яко бога нарицаая, требу творить“ ³⁾. О существованіи у южныхъ Славянъ идоловъ мы никакихъ свѣдѣній не имѣемъ; это даетъ поводъ предполагать, что у нихъ идолопоклонство не успѣло развиться. Нѣтъ даже и никакихъ указаній на то, чтобы они строили языческіе храмы, за исключеніемъ только вышеприведеннаго извѣстія Тита Ливія о старинномъ храмѣ Юноны въ Патавіи.

¹⁾ Гильфердингъ. Древ. пер. ист. Слав. II, 189, 227—228, 229.

²⁾ Штригеръ. Изв. Виз. ист. I, 14.

³⁾ Келпепъ. Библия. кн. № 7, 88.

Б. Западные Славяне.

Геродотъ упоминаетъ о *Будинахъ*, многочисленномъ народѣ, признаваемомъ Шафарикомъ за Славянскихъ жителей Волыни и Бѣлорусси. Въ городѣ ихъ Гелонѣ, жители котораго, по мнѣнію Геродота, были Греки, находились святилища греческихъ боговъ, идола, жертвенники и деревянные храмы. Тамъ же каждые три года отправлялось празднество въ честь бога, котораго Геродотъ называетъ Діонисіемъ ¹⁾. Шафарикъ оспариваетъ справедливость мнѣнія Геродота о греческомъ происхожденіи Гелонцевъ ²⁾. Если справедливо предположеніе Шафарика, что Будины были народъ Славянскаго племени, то въ приведенныхъ словахъ Геродота мы имѣемъ свѣдѣнія о языческихъ идолахъ, жертвенникахъ и храмахъ западныхъ Славянъ въ V вѣкѣ до Р. Хр.

Обращаюсь къ свидѣтельствамъ средневѣковыхъ писателей. Козьма Пражскій (въ XII в.) пишетъ, что еще въ его время *Чешскіе* поселяне поклонялись, будтобы язычниками, одни водамъ или огню, другіе—рѣкамъ и деревьямъ или каменьямъ, иные горамъ или холмамъ, иные—самодѣльнымъ истуканамъ. По словамъ того же писателя Тэтка, одна изъ дочерей Крока, научила народъ обожать дриадъ, т. е. лѣсныхъ дѣвъ. Онъ же упоминаетъ о пенатахъ, т. е. домовыхъ богахъ, принесенныхъ Чехомъ и его дружиной въ предназначенную имъ землю ³⁾. Можетъ быть, найденныя въ Кёнигсгрецкомъ округѣ, въ Богеміи, старинныя статуэтки представляютъ такихъ домовыхъ божковъ древнихъ Чеховъ ⁴⁾. Въ Краледворской рукописи говорится о поклоненіи богамъ въ дубовой рощѣ, на скалѣ, «любимомъ мѣстопребываніи боговъ», о предложеніи богамъ жертвы подъ деревьями ⁵⁾. Тамъ же встрѣчается сѣтованіе на враговъ, которые срубили всѣ деревья священной рощи и разбили всѣхъ боговъ ⁶⁾, т. е. идола боговъ. Послѣднія слова могутъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ извѣстія Козьмы Пражскаго о самодѣльныхъ истуканяхъ Чеховъ. Халкондила (въ XV в.) свидѣтельствуетъ, что незадолго до его времени въ Прагѣ боготворили огонь и солнце ⁷⁾. Къ солнцу зываетъ и авторъ древне-чешской пѣсни ⁸⁾.

¹⁾ Herod. IV, 108.

²⁾ Слав. древн. I, II, 17 и сл.

³⁾ Cosmas. Chron. Bohem. 7, 10.

⁴⁾ Изображенія ихъ см. въ ст.: Hammerstein. Echte Wend. Goetz. *

⁵⁾ Рукоп. Kraledv.: Cestmir

⁶⁾ Тамъ-же: Zaboï.

⁷⁾ Срезневскій. Обож. созн. 40.*

⁸⁾ Рукоп. Kraledv.: Beneš Негманов. См. ниже ст. «Солнце».

О священныхъ рощахъ, въ которыхъ *Поляки* совершали жертвоприношенія и отправляли языческія празднества, объ озерѣ, обитаемомъ духами (въ Краковской области), читаемъ у Длугоша (XV в.). Онъ же свидѣтельствуешь, что Поляки воздвигали богамъ и богинямъ идолы и небольшіе храмы. Три разбитые идола Польскихъ боговъ, долгое время лежавшіе на полу въ церкви св. Троицы въ Краковѣ, видѣлъ еще Мѣховита (ум. въ 1523 г.)¹⁾. Боговъ и богинь Польскихъ Длугошъ сравниваетъ и сопоставляетъ съ Римскими божествами: «Юпитера на своемъ языкѣ называютъ они *Iessa*» (Apellabant Jovem Jeszam [Jessem, Jessem]), говоритъ Длугошъ. Отъ него, какъ отъ высшаго бога, Поляки-язычники ожидали всякихъ земныхъ благъ, ему воздавались, сравнительно съ прочими божествами, высшія почести. Марса они называли *Ляда* (Martem vocabant Lyadam), отъ него они испрашивали мужества и побѣдъ. *Дзидзилія* (Dzidzielia) соотвѣтствовала Венерѣ, ее, какъ богиню брака, молили объ изобиліи потомства; *Нія* (Nya, Nia) почиталась божествомъ преисподней, соотвѣтствующимъ Плутону. Бога яснаго времени они называли *Погода* (Pogoda), бога жизни—*Жй въе* (Zywue), *Діана* именовалась Поляками *Дзѣваною* (Dzewana, Dziewanna) а *Церера*—*Маржаною* (Marzanna, Marzana)²⁾. Извѣстія о Польскихъ богахъ Длугоша повторялись и позднѣйшими писателями, съ нѣкоторыми вариантами и прибавленіями, внесшими значительную неясность и запутанность въ польскую мифологію. Бѣльскій (XVI в.), кромѣ *Iессы*, *Дзѣваны*, *Дзидзиліи*, *Ніи*, которымъ даетъ тоже значеніе, какъ Длугошъ, и *Маржаны*, которую отождествляетъ съ *Марсомъ*, называетъ еще *Леля* и *Полеля* (Lel, Polel), подъ именами которыхъ нѣкоторые, по его словамъ, разумѣли *Кастора* и *Поллукса*. «Почитали за бога и *Жизнь*, *Zywot*—говоритъ Бѣльскій—очевидно подъ этимъ именемъ авторъ понималъ божество, названное Длугошемъ *Zywue*, *Погоду* (ср. выше *Погода* у Длугоша) и *Непогуду*, которую звали *Похвистомъ* (Pochwistem), инынѣ еще (т. е. въ XVI в.) онъ въ Мазовшѣ называется *Похвищель* (Pochwisciel)³⁾. *Стрыйковскій* (XVI в.) къ вышепоименованнымъ богамъ присовокупляетъ *Леду* (*Ладу*), называя ее матерью *Леля* и *Полеля*⁴⁾. *Прокошъ* называетъ слѣдующія имена боговъ: *Trzy*, *Potrzy* (*Zywie?*), *Ziemne*, *Nya*, *Jessa*, *Ladon*, *Marczyn*, *Lel*, *Polel*. Главнѣйшими изъ нихъ былъ: *Trzy* (*Три*, *Трое*, *Троякъ*), истуканъ котораго, по словамъ летописца, имѣлъ три головы на одной шеѣ, и *Zywie*, *Жива*, дочь его, богиня жизни. Имъ повиновались всѣ прочіе боги. Въ честь *Живы* былъ построенъ храмъ на возвышенности, названной по имени

¹⁾ М. Bielski. Kron. I, 70.

²⁾ Dlugosz. Hist. Pol. I. 1, 47—48; II. vii, 447.

³⁾ М. Bielski. Kron. I, 70—71.

⁴⁾ Strykowski. Kron. Pols. I, 137.

ея—Живецъ. Въ этому храму въ первые дни мая стекался народъ, прося богиню, которую почиталъ источникомъ жизни, долгаго и благополучнаго здравія. «Въ особенности-же — прибавляетъ лѣтописецъ—приносили ей жертвы люди, услышавшіе первое пѣніе кукушки, суевѣрно полагая, что имъ осталось жить столько лѣтъ, сколько разъ повторился ея голосъ. Полагали, что высшій владыка вселенной превращался въ кукушку и предвѣщалъ имъ срокъ жизни»¹⁾. О рощахъ Живы упоминаетъ Марескалкъ Турій²⁾. Ziempne, Земня (Ziempnia Dea), была богиня земли. Передъ идоломъ ея, по словамъ Прокоша, ставились приношенія изъ всякаго рода хлѣбовъ во время жатвы, изъ всякаго рода древесныхъ плодовъ—во время сбора послѣднихъ³⁾.

Гораздо болѣе ясныя, подробныя и обстоятельныя извѣстія имѣемъ мы о природныхъ святилищахъ, идолахъ и храмахъ *Балтійскихъ Славянъ*. Природными святилищами были священныя деревья и рощи, священныя воды и горы. Лѣса, воды, также дома, по представленію народа, заселены были духами или божествами, которые почитались народомъ или безъ всякаго образа, или-же въ видѣ идоловъ, нерѣдко имѣвшихъ фантастическій видъ, снабженныхъ двумя, тремя и болѣе головами. Истуканы же помѣщались или въ рощахъ, или въ горахъ, на площадяхъ, или же, наконецъ, въ особенныхъ, съ значительнымъ искусствомъ сооруженныхъ храмахъ. «Гломуци—пишетъ Титмаръ Мерзбургскій (въ XI в.)—источникъ, протекающій на разстояніи не болѣе двухъ миль отъ Эльбы; онъ образуетъ стоячее озеро, которое, по увѣренію мѣстныхъ жителей и многочисленныхъ очевидцевъ, часто обнаруживаетъ чудесныя явленія. Пока царствуетъ въ странѣ миръ и спокойствіе, пока земля родитъ плоды, названное озеро, покрытое пшеницей, овсомъ и желудями, наполняетъ радостью души стекающихся къ берегамъ его окружныхъ жителей. Когда же грозятъ ужасы войны, оно посредствомъ крови и пепла предвѣщаетъ будущее. Названный источникъ пользуется, вслѣдствіе того, въ средѣ мѣстныхъ жителей большимъ уваженіемъ, чѣмъ церквы». По свидѣтельству того-же автора, священная роща Zutibure (святой боръ) пользовалась божескимъ почетомъ и полною неприкосновенностью; въ странѣ же Силези (Силезіи) высокая гора (нынѣ называемая Zobtenberg), по своей высотѣ и свойствамъ, а также по совершавшемуся на ней служенію языческимъ богамъ, высоко почитались мѣстными жителями. Титмаръ упоминаетъ также объ очищеніи моря, по-

¹⁾ Procosz. Chron. Slav. 112—113.

²⁾ Maresch. Thurius. Annal. Herul. I, iv. *

³⁾ Chron. Slav. 113.

средством погруженія въ него камней, политыхъ освященнымъ масломъ, и вливанія въ него святой воды,—отъ живущихъ въ немъ демоновъ ¹⁾. Гербордъ (въ XII в.) свидѣтельствуеъ о находившемся въ Штетинѣ густолиственномъ дубѣ, у подножія его протекалъ источникъ, который народъ считалъ святымъ и почиталъ съ глубокимъ благоговѣніемъ, признавая его жилищемъ божества; онъ же упоминаетъ о находившемся въ Штетинѣ орѣховомъ деревѣ необычайной красоты, посвященномъ божеству. Въ приводимой тѣмъ же авторомъ рѣчи Оттона, обращенной къ Поморянамъ, говорится между прочимъ: «Я знаю, что вы боитесь духовъ, обитающихъ въ рощахъ» ²⁾. По словамъ Гельмольда, славяне почитали священныя рощи и имѣли обыкновение приносить клятвы у деревьевъ, источниковъ и камней ³⁾, чѣмъ, разумѣется, доказывается боготвореніе этихъ предметовъ.

Перехожу къ имѣющимся свѣдѣніямъ о личныхъ божествахъ, объ изображавшихъ ихъ истуканахъ и храмахъ, въ которыхъ истуканы эти помѣщались. Говоря о народныхъ суевѣріяхъ, Титмаръ упоминаетъ о жертвоприношеніяхъ, предлагаемыхъ домовымъ богамъ. Онъ слышалъ также о шестѣ, на вершинѣ котораго была прикрѣплена рука, державшая желѣзное кольцо. Шестъ этотъ носилъ по селенію, изъ дома въ домъ мѣстный пастухъ, который, при входѣ въ каждый домъ, вмѣсто привѣтствія, произносилъ: «Бди, Генниль, бди!» Такъ назывался этотъ шестъ на мужицкомъ языкѣ; затѣмъ они начинали пировать, въ убѣжденіи, что находятся подъ его охраною ⁴⁾. Въ землѣ Редарей, по свидѣтельству Титмара, находился городъ ⁵⁾, по

¹⁾ Chron. I, 3; VI, 26; VII, 44, 52.

²⁾ Herbord. Vita S. Ott. II, 30; III, 22, 32.

³⁾ Chron. I, 83

⁴⁾ Достойно вниманія то обстоятельство, что въ Староградскомъ гербѣ, вошедшемъ, со временемъ, въ составъ Мекленбургскаго герба, встрѣчается рука держащая кольцо. Rentzmann. Num. Wappenb. Taf. 12: №№ 80, 95; Taf. 27: №№ 136, 137, 143—146.—Siebmacher. N. vollst. Wappenb. I, 34.

⁵⁾ Считаю излишнимъ дать здѣсь мѣсто небольшой замѣткѣ о городахъ древнихъ Славянъ: «Все народонаселеніе области—говоритъ Макушевъ—сосредоточивалось въ деревняхъ и селахъ; центромъ же административнымъ и религіознымъ былъ городъ... Городъ, въ противоположность деревнѣ, означалъ огороженное и укрѣпленное мѣсто. Города были деревянные (срубить городъ) и земляные (сметать городъ). Не имѣя постоянного народонаселенія, города служили для окрестныхъ жителей надежнымъ убѣжищемъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Сюда сходились также для поклоненія и жертвоприношенія богамъ, равно какъ и для общественныхъ дѣлъ. Отъ того въ городѣ не было другихъ построекъ, кромѣ храма (въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вообще сооружались храмы) и княжескаго двора. Въ особыхъ пригородахъ жило торговое сословіе. Вплѣдствіе же пригороды сдѣлались въ одно съ городомъ: такимъ образомъ произошли торговые города... Города у *Валтійскихъ Славянъ* постоянно сохраняли свой древній характеръ, служа сборнымъ мѣстомъ для сельскаго народа. Значеніе ихъ религіозное и административное. Даже тамъ, гдѣ была развита обширная торговля, городъ оставался незастроенною крѣпостью, а около него лѣпились пригороды и слободы, населенные купцами и промышленниками. Города укрѣплялись деревянными стѣнами или землянымъ валомъ». Сказ. иностран. 112, 116.

имени Ридигость (Riedigost—Петра), треугольной формы, снабженный тремя воротами, и со всѣхъ сторонъ окруженный тщательно сберегаемой мѣстными жителями, священной рощей. Двой изъ этихъ воротъ доступны были каждому, кто желалъ войти въ городъ, третья же, расположенная на восточной сторонѣ, обращены были къ морю, представлявшему страшное зрѣлище. У этихъ воротъ находилось искусно построенное изъ дерева святилище, покоявшееся, вмѣсто фундамента, на рогахъ звѣрей. Наружныя стѣны храма украшены были чудесной рѣзбой, представлявшей изображенія различныхъ боговъ и богинь; внутри же храма стояли истуканы боговъ, страшные на видъ, такъ какъ они были снабжены полнымъ вооруженіемъ и одѣты въ шлемы и латы. На подножии каждаго истукана было написано его имя. Главнѣйшій изъ боговъ, по имени Сварожичъ (Zuagasic), пользовался, по словамъ лѣтописца, между всѣми язычниками особеннымъ обожаніемъ и уваженіемъ. Здѣсь же находились и знамена, которыя выносились изъ храма только въ крайнемъ случаѣ, когда народъ отправлялся въ битву,—несли ихъ пѣшіе воины ¹⁾. Тщательный присмотръ за всѣмъ этимъ поручаемъ былъ особеннымъ, поставленнымъ мѣстными жителями, жрецамъ. Сколько было въ странѣ областей—продолжаетъ Титмаръ—столько было и храмовъ и кумировъ; между всѣми Ретрскій храмъ пользовался предпочтительнымъ уваженіемъ ²⁾. Адамъ Бременскій, писавшій свою исторію Гамбургской церкви около полустолѣтія позже лѣтописи Титмара, упоминаетъ также о Ретрскомъ святилищѣ. Городъ ихъ (Редарей), пишетъ онъ, была знаменитая Ретра, средоточіе языческаго богослуженія, гдѣ воздвигнуть большой храмъ въ честь демоновъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ Редигастъ (Redigast). Истуканъ его сдѣланъ изъ золота (вѣроятно украшенъ или покрытъ золотомъ), а ложе—изъ пурпуровой ткани. Самый городъ имѣетъ девять воротъ, со всѣхъ сторонъ окруженъ глубокимъ озеромъ, черезъ которое перекинуть деревянный мостъ; проходить по этому мосту разрѣшалось каждому, кто желалъ принести жертву или спросить оракула ³⁾. Гельмольдъ (въ XII в.) повторяетъ, относительно Ретрскаго

¹⁾ На этихъ знаменахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, были написаны изображенія боговъ. Такъ, по словамъ Титмара, на знаменахъ Лютичей была изображена какая-то богиня (Chron. VII, 47). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что Лютичи, идя войной, слѣдовали за богами, низъ предшествовавшими (Chron. VI, 16.) . Это, разумѣется, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что впереди войска несли военные знамена или значки съ изображениями на нихъ боговъ.

²⁾ Chron. VI, 17, 18; VII, 50.

³⁾ Adam Brem. Hist. eccl. II, 18. Здѣсь рѣчь идетъ очевидно о томъ же истуканѣ, который Титмаромъ названъ Сварожичемъ. Можетъ быть, это послѣднее имя было только эпитетомъ Редигаста, именемъ котораго Титмаръ называетъ, какъ мы видѣли выше, самый городъ Ретру. Позднѣйшіе писатели упоминаютъ о Редигастѣ, имя же Сварожича болѣе в

храма и главнаго идола его, называемаго имъ Радигастомъ, слова Адама Бременскаго, прибавляя отъ себя, что храмъ этотъ пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ и почестями со стороны всѣхъ Славянъ (разумѣется, Балтійскихъ), вслѣдствіе оракула названнаго бога. Радигаста Гельмольдъ называетъ также богомъ Бодричей. Славяне, по свидѣтельству Гельмольда, признавали еще различныхъ боговъ, которымъ принадлежали пашни и лѣса, печали и радости. Виды идолопоклонства у Славянъ были многообразны, такъ какъ и самыя вѣрованія ихъ были неодинаковы. Нѣкоторые ставили фантастическіе идолы свои во храмы, таковъ былъ напр. истуканъ богини Подаги въ Плуи; иные боги, какъ напр. Прове въ Староградѣ, населяли лѣса и роци; многіе боги изображались съ двумя, тремя и болѣе головами. Въ отдѣльныхъ же странахъ Славянскихъ земель специально почитались мѣстныя божества, каковы напр., кромѣ Радигаста у Редерянъ и Бодричей, Прове въ землѣ Староградской (Aldenburg), Сива у Полабанъ; но самымъ большимъ почетомъ пользовался Святovitъ въ Арконѣ, на островѣ Руянѣ, славившійся своимъ оракуломъ. Въ сравненіи со Святovitомъ, всѣ прочіе боги признавались лишь полубогами; Святovitъ же считался богомъ боговъ. Въ честь его ежегодно закалался христианинъ; въ пользу его храма ежегодно присылались дары и денежныя приношенія изъ всѣхъ Славянскихъ (Балтійскихъ) земель. Даже пріѣзжіе купцы обязаны были, прежде чѣмъ приступить къ совершенію продажъ или покупокъ, принести Святovиту въ жертву часть драгоценнѣйшаго своего товара. По свидѣтельству того-же автора, Славяне вѣрили, что всякое счастье исходитъ отъ добраго, а всякое несчастье — отъ злаго бога; поэтому они называли послѣдняго Чернобогомъ. Гельмольдъ, въ качествѣ очевидца, въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ Староградское святилище: „Тамъ, между старыми деревьями, увидѣли мы священные дубы, которые были посвящены богу того края, Прове. Они окружены были дворомъ и деревянной, тщательно отдѣланной оградой съ двумя воротами. Кромѣ пенатовъ (домовыхъ боговъ) и идоловъ, которыми переполнена была вся страна, это мѣсто было святилищемъ для цѣлаго края, имѣло своего жреца, свои праздники и разные обряды при жертвоприношеніяхъ. Сюда послѣ праздника сходился народъ на судъ, со жрецомъ и княземъ. Входъ во дворъ запрещенъ былъ всякому, кромѣ жреца и тѣхъ, кто желалъ приносить жертвы, или кто, угрожаемый опасностью

рѣшается у западныхъ лѣтописцевъ. Вообще, и въ описаніяхъ города Ретры у Татиара и
находимъ разногласіа, можетъ быть, обусловленныя нѣкоторыми пере-
мѣнами города въ теченіи полустолѣтій, раздѣлявшаго обоихъ названныхъ писателей.

смерти, искалъ тутъ убѣжища⁴⁾. — Подробное описаніе идола Святювита и знаменитаго Арконскаго храма, въ которомъ идолъ этотъ помѣщался, оставилъ намъ очевидецъ разрушенія этого храма, Саксонъ Грамматикъ (ум. 1204 г.). «Городъ Аркона—пишетъ онъ—лежитъ на вершинѣ высокой скалы; съ сѣвера, востока и юга огражденъ природною защитою... съ западной стороны защищаетъ его высокая насыпь въ 50 локтей... Посреди города лежитъ открытая площадь, на которой возвышается деревянный храмъ, прекрасной работы, но почтенный не столько по великолѣпію зодчества, сколько по величію бога, которому здѣсь воздвигнуть былъ кумирь. Вся внѣшняя сторона зданія блистала искусно сдѣланными барельефами различныхъ фигуръ, но безобразно и грубо раскрашенными. Только одинъ входъ былъ во внутренность храма, окруженнаго двойною оградою: внѣшняя ограда состояла изъ толстой стѣны съ красною кровлею; внутренняя—изъ четырехъ крѣпкихъ колоннъ, которыя, не соединяясь твердою стѣною, увѣшаны были коврами, достигавшими до земли, и примыкали ко внѣшней оградѣ лишь немногими арками и кровлею. Въ самомъ храмѣ стоялъ большой, превосходившій ростъ человѣческой, кумирь, съ четырьмя головами, на столькихъ же шеяхъ, изъ которыхъ двѣ выходили къ груди и двѣ къ хребту, но такъ, что изъ обѣихъ переднихъ и обѣихъ заднихъ головъ, одна смотрѣла направо, а другая налево; волосы и борода были подстрижены коротко; и въ этомъ, казалось, художникъ соображался съ обыкновеніемъ Руянъ. Въ правой рукѣ кумирь держалъ рогъ изъ различныхъ металловъ, который каждый годъ обыкновенно наполнялся виномъ изъ рукъ жреца, для гаданія о плодородіи слѣдующаго года; лѣвая рука, которою кумирь опирался въ бокъ, подобилась луку. Верхняя одежда спускалась до берцовъ, которые составлены были изъ различныхъ сортовъ деревъ и такъ искусно были соединены съ колѣнями, что только при точномъ разсматриваніи можно было различать fugи. Ноги стояли наравнѣ съ землею, ихъ фундаментъ сдѣланъ былъ подъ поломъ. Въ небольшомъ отдаленіи видны были узда и сѣдло кумира съ другими принадлежностями; разсматривающаго болѣе всего поражалъ мечъ огромной величины, котораго ножны и черенъ, кромѣ красивыхъ рѣзныхъ формъ, отличались прекрасною серебряною отдѣлкою... Для содержанія кумира каждый житель острова обоихъ половъ вносилъ монету. Ему также отдавали третью часть добычи и хищенія, вѣря, что его защита даруетъ успѣхъ; кромѣ

⁴⁾ Helmold. Chron. I, 2, 6, 21, 52, 83; II, 12. Здѣсь и ниже, приводя переводы текстовъ иностранныхъ писателей, я позволяю себѣ пользоваться, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, переводами соответствующихъ отрывковъ, встречающимися въ сочиненіяхъ Косторскаго, Ботлиревскаго, Срезневскаго, Макушева, Гаркави, Аванасьева и др.

того въ его распоряженіи были триста лошадей и столько же всадниковъ, которые все, добываемое ими наспліемъ или хитростью, вручали верховному жрецу; отсюда приготавлились различныя украшенія храма; прочее сохранялось въ сундукахъ подъ замками; въ нихъ, кромѣ огромнаго количества золота, лежало много пурпуровыхъ одеждъ, но отъ ветхости гнилыхъ и зудыхъ. Можно было видѣть здѣсь и множество общественныхъ и частныхъ даровъ, жертвованныхъ благочестивыми объѣтами требующихъ помощи, потому что этому кумиру давала дань вся Славянская земля. Даже сосѣдніе государи посылали ему подарки съ благоговѣніемъ: между прочими, король Датскій Свенонъ, для умилоствленія его, принесъ въ даръ чашу искуснѣйшей отдѣлки... Этотъ богъ имѣлъ также храмы въ очень многихъ другихъ мѣстахъ, управляемые жрецами меньшей важности. Кромѣ того, при немъ былъ конь, совершенно бѣлый, у котораго выдернуть волосъ изъ гривы или хвоста почиталось нечестіемъ. Только верховный жрецъ могъ его кормить и на немъ ѣздить, чтобы обыкновенная ѣзда не унизила божественнаго животнаго. Вѣрили, что на этомъ конѣ Святovitъ ведетъ войну противъ враговъ своего святилища; это слѣдовало изъ того, что конь, ночью стоявшій въ стойлѣ, часто утромъ былъ покрытъ пѣною и грязью, какъ будто онъ воротился изъ дальней дороги». Святovitъ имѣлъ свои боевые значки (Signa) или знамена. Главнѣйшее изъ нихъ называлось Станица (Stancia). «Оно было—говоритъ Саксонъ—отлично по величинѣ и цвѣту и почитаемо народомъ Руянскимъ почти столько, сколько величіе всѣхъ боговъ. Нося его передъ собою, они считали себя въ правѣ грабить все человѣческое и божеское, и все считали себѣ дозволеннымъ. Съ нимъ они могли опустошать города, разрушать алтари, неправое дѣлать правымъ, всѣхъ пенатовъ Руянскихъ разрушать и сожигать,—и власть этого небольшого куска полотна была сильнѣе власти княжеской». Къ числу боевыхъ значковъ принадлежали и орлы, вѣроятно рѣзные. Въ другомъ городѣ острова Руяны—Кореницѣ, по свидѣтельству Саксона, было три храма, изъ которыхъ въ одномъ стоялъ громаднхъ размѣровъ истуканъ бога Руіевита, о семи лицахъ: семь мечей въ ножнахъ было привязано къ его боку на одномъ поясѣ, а восьмой, вынутый изъ ноженъ, идолъ держалъ на-голо въ правой рукѣ, и былъ онъ крѣпко прибитъ къ ней гвоздемъ. Въ другомъ храмѣ находился идолъ Поревита, о пяти головахъ, и въ третьемъ—идолъ Поренута о стырехъ лицахъ, а пятое лицо было на груди. Саксонъ описываетъ такъ первый изъ этихъ храмовъ: «Городъ Кореница—пешеть онъ—руженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложенъ толь одинъ ходъ. Необитаемый во время мира, онъ былъ полонъ жи-

лицъ (во время Датской войны) до такой степени, что камень, пущенный въ городъ, не упалъ-бы на голую землю. Онъ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище (majus fanum) находилось посреди передней части храма, которая, такъ же какъ и капище, не имѣя стѣнъ, завѣшано было пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однѣхъ колоннахъ. Когда сорваны были оба покрова, то дубовый идолъ Руевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ» ¹⁾. Квинтлингъ-сага, давая Кореницкимъ идоламъ названія Ривита, Турупида и Пурувита, упоминаетъ еще о двухъ Руанскихъ идолахъ—Пизамара и Чарноглава, и, называя послѣдняго богомъ побѣдъ, говоритъ, что онъ изображался съ серебряными усами ²⁾.

Интересныя и подробныя свѣдѣнія объ идолахъ и храмахъ Поморянъ находимъ въ жизнеописаніяхъ Оттона Бамбергскаго. Важнѣйшимъ въ Поморскомъ краѣ богомъ былъ Триглавъ, истуканы котораго находились въ Штетинѣ, Волини (или Юлині) и другихъ мѣстахъ. Въ Волини, кромѣ того, народъ почиталъ, какъ великую святыню, огромной величины столбъ, съ вонутымъ въ него копьемъ, посвященный, по преданію, Юлію Цезарю и потому именованійся Юломъ. Тутъ-же, по свидѣтельству Эбона, на открытой площади, стояли большіе и малые идолы, которыхъ авторъ, однако, не называетъ специальными именами. Въ Волегасть и Гавельбергъ боготворили Геровита или Яровита. Идолы (также не названные), стоявшіе въ Гостьковѣ (Chozogowa, Gozgania), во храмѣ, по словамъ Эбона, были изваяны съ невѣроятнымъ изяществомъ и отличались столь удивительной величиной, что, при разрушеніи этого святилища, нѣсколько паръ быковъ едва могли сдвинуть ихъ съ мѣста. О штетинскомъ истуканѣ Триглава узнаемъ изъ словъ Эбона и Герборда, что это былъ идолъ съ тремя головами на одномъ туловищѣ. Золотая повязка закрывала очи и уста его. Онъ стоялъ на высшемъ изъ трехъ холмовъ, на которыхъ построенъ городъ, въ главномъ изъ четырехъ священнѣхъ зданій (континъ, см. стр. 26). Подобно Святовиту Арконскому, Триглавъ былъ воинъ-наѣздникъ, однимъ изъ атрибутовъ его святилища былъ огромный вороной конь, который, какъ конь Святовита, считался столь священнымъ, что никто не осмѣливался сѣсть на него: круглый годъ онъ стоялъ безъ всякаго употребленія, смотрѣлъ-же за нимъ внимательно одинъ изъ четырехъ храмовыхъ жрецовъ. Изображеніе Триглава въ Волини, сдѣланное изъ золота, вѣроятно было не особенно большихъ размѣровъ, такъ какъ при раззореніи Оттономъ языческихъ святилищъ и идоловъ въ названномъ городѣ, жрецамъ удалось унести истуканъ сво-

¹⁾ Saxo. Hist. Dan. 826, 830—831, 842—843.

²⁾ Срезневскій. Яз. богосл. 53.

его Триглава и спрятать его въ дуплистомъ пнѣ дерева. Въ зданіи, гдѣ пень этотъ скрывался, на стѣнѣ висѣло сѣдло Триглава, по словамъ Эбона, очень ветхое и негодное ни къ какому употребленію. Изъ этого заключаемъ, что и Волынской Триглавъ былъ воиномъ-наѣзникомъ, какъ и Штетинскій. — О Яровитѣ узнаемъ изъ разсказа Эбона, что въ Гавельбергѣ, въ честь этого бога, въ срединѣ апрѣля, отправлялось торжество, при чемъ городъ отовсюду былъ окруженъ знаменами. Это послѣднее обстоятельство указываетъ на воинственный характеръ Яровита. О Яровитѣ, почитавшемся въ Волегастѣ, читаемъ у Герборда, что въ святилищѣ этого бога, на стѣнѣ, висѣлъ огромной величины щитъ, обтянутый золотомъ и искуснѣйшей работы; никому изъ смертныхъ не дозволено было прикасаться къ нему въ обыкновенное время, ибо язычники соединяли съ этимъ какое-то религіозное предзнаменованіе; щитъ былъ посвященъ богу Яровиту, «по латыни называемому Марсомъ» — прибавляетъ Гербордъ — и только въ военное время могъ быть тронуть съ мѣста. Тогда его несли впереди войска и вѣрили, что черезъ это останутся побѣдителями въ битвахъ. Яровитъ имѣлъ, впрочемъ, въ Волегастѣ еще и другое значеніе: онъ является здѣсь и какъ божество весенняго плодородія и изобилія вообще. Въ такомъ смыслѣ Яровитъ охарактеризованъ въ рѣчи жреца его, который отъ имени своего бога обратился къ встрѣченному имъ, въ лѣсу, крестьянину: «Я богъ твой — произнесъ жрецъ — я тотъ, который одѣваетъ поля муравою и листовіемъ лѣса; въ моей власти плоды нивъ и деревъ, приплодъ стадъ и все, что служить въ пользу человѣка: все это даю чтущимъ меня и отнимаю отъ отвергающихъ меня». — О священникахъ зданіяхъ Поморанъ свидѣтельствуешь Гербордъ: «Въ городѣ Штетинѣ находились четыре зданія, называемыя континами¹⁾» — пишетъ онъ. — Одна изъ нихъ, главнѣйшая, была построена съ удивительной отдѣлкой и искусствомъ: внутри и снаружи, по стѣнамъ ея находились рѣзныя выдающіяся изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныя столь естественно и вѣрно, что, казалось, они дышатъ и живутъ; но, что рѣдко встрѣчается, краски наружныхъ изображеній отличались особою прочностью: ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ; таково было искусство живописцевъ! Въ это зданіе, по старому обычаю предковъ, приносилась закономъ опредѣленная десятина награбленныхъ богатствъ, оружія враговъ и всякой добычи, приобрѣтенной въ морскихъ или сухопутныхъ бояхъ; здѣсь

¹⁾ Название храма или вообще священнаго зданія: Contina несомнѣнно находится въ связи со словами: кѣтъ (болг.), кут (серб.), kot (словин.), kaut (чеш.), kat (польск.) — уголь, кутъ (руссск.) — задній уголъ въ избѣ, къща (болгар.), кућа (сербск.) — домъ, куща (руссск.) — наметь, шатеръ. Ср. старо-слав. кѣтина, польск. касіна. Срезневскій. Яз. богосл. 39, прим. 3.

сберегались золотые и серебряные сосуды и чаши, которые въ праздничные дни выносились, какъ будто изъ святилища, и знатные и сильные люди гадали, пировали и пили изъ нихъ. Въ честь и украшеніе боговъ, въ главной континѣ сохранялись также огромные рога туровъ, украшенные позолотой и драгоценными каменьями и пригодные для питья, рога приспособленные къ музыкѣ, кинжалы, ножи и всякая драгоценная утварь, рѣдкая и прекрасная на видъ. Три другія континны менѣе уважались и менѣе были украшены; внутри ихъ кругомъ разставлены были скамьи и столы, потому что тутъ происходили совѣщанія и сходки гражданъ: въ опредѣленные дни и часы они собирались затѣмъ, чтобы пить, играть, или разсуждать о своихъ дѣлахъ. Въ городѣ Гостыковѣ находился храмъ, отличавшійся, по словамъ Эбона и Герборда, своей величиной, искусной отдѣлкой и великолѣпіемъ. На постройку его жители истратили триста талантовъ и гордились имъ, такъ какъ онъ составлялъ замѣчательное украшеніе города ¹⁾.

Кромѣ приведенныхъ, болѣе обстоятельныхъ, свѣдѣній объ идолахъ и храмахъ Балтійскихъ Славянъ, встрѣчаются еще отрывочныя упоминанія о нихъ у разныхъ писателей. Такъ Видукинъ (въ X в.) говоритъ о мѣдномъ идолѣ Са турна, находившемся въ одномъ изъ городовъ Вагрии ²⁾. Въ окружныхъ посланіяхъ Полабскихъ епископовъ 1110 года упоминается богъ Припег(к?)ала, котораго сравниваютъ съ богомъ плодородія Припомъ: «Pripegala, ut ajunt, Priapus et Beelphegor impudicus» ³⁾. Объ идолахъ въ городѣ Колобрегѣ, говоритъ Титмаръ ⁴⁾. О храмѣ и идолѣ Бодричей, въ Ростокѣ, говоритъ Саксонъ Грамматикъ, о другомъ Оботритскомъ храмѣ съ идолами, находившемся близъ города Мальхова, и его разрушеніи крестоносцами упоминаетъ хронографъ Саксонъ (подъ 1148 г.). Эбонъ говоритъ о храмѣ въ землѣ Лютичей, Пулкава—о храмѣ и треглавомъ идолѣ Браниборскомъ, Гербертъ—о множествѣ идоловъ Браниборскихъ ⁵⁾, наконецъ, имѣемъ свидѣтельство о томъ, что богиня Полабанъ, Сива, почиталась именно близъ нынѣшняго Мекленбургскаго города Варена (Westphalen. Mon. ined. IV.) ⁶⁾.

¹⁾ Котляревскій. Сказ. объ Отт. 23, 47, 49, 52, 53, 60, 61, 64, 73, 74, 75.

²⁾ См. у Макушева. Сказ. иностр. 81.

³⁾ Zeuss. D. Deutsch. 38.

⁴⁾ Chron. VII, 52

⁵⁾ Срезневскій. Яв. богосл. 42, 52.

⁶⁾ Hammerstein. Echte Wend. Goetz. 178. *—Къ этой статьѣ приложены маленькія изображенія божковъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ, нѣкогда заселенныхъ Балтійскими Славянами, а именно: въ Варгін, Штральзундѣ, Верхней Лужицѣ и Ней-Стрелицѣ. Всѣ они, по характеру и одѣянію своему, очень похожи другъ на друга. Ушки и выступы на нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣтельствуютъ о томъ, что идолы эти прикрѣплялись къ чему-то. Это были вѣроятно пенаты, т. е. домовые божки, о почитаніи которыхъ, какъ мы видѣли выше, неоднократно упоминается лѣтописцами Балтійскими, и въ такомъ случаѣ они вѣроятно прикрѣплялись къ стѣнамъ коиматъ; можетъ быть, они насаживались на шести и служили боевыми значками, о которыхъ пишетъ Титмаръ.

Не могу не упомянуть и о фантастическомъ, но не лишенномъ интереса описаніи идоловъ и священныхъ зданій Славянъ (въроятно Балтійскихъ), нашедшемъ мѣсто въ сочиненіи «Золотые луга» мусульманскаго писателя X вѣка, Аль-Масуди, по свидѣтельству котораго Славяне въ то время частью исповѣдывали христіанство, частью же были язычниками и солнцепоклонниками. «Въ славянскихъ краяхъ, пишетъ названный авторъ далѣе, были зданія, почитаемыя ими. Между другими было у нихъ одно зданіе на горѣ, о которой писали философы, что она одна изъ высокихъ горъ въ мірѣ. Объ этомъ зданіи существуетъ разсказъ о качествѣ ея постройки, о расположеніи разнородныхъ ея камней и различныхъ ихъ цвѣтахъ, объ отверстіяхъ сдѣланныхъ въ верхней ея части, о томъ, что построено въ этихъ отверстіяхъ для наблюденія надъ восходомъ солнца (или: о томъ, какъ солнце восходитъ въ этихъ отверстіяхъ), о положенныхъ туда драгоцѣнныхъ камней и знакахъ, отиѣченныхъ въ немъ, которыя указываютъ на будущія событія и предостерегаютъ отъ происшествій предъ ихъ осуществленіемъ, о раздающихся въ верхней ея части звукахъ и о томъ, что постигаетъ ихъ при слушаніи этихъ звуковъ (или: о дѣйствіи [впечатлѣніи], производимомъ этими звуками на слушателей). Другое зданіе было построено однимъ изъ ихъ царей на черной горѣ; его (или: ее, т. е. гору) окружаютъ чудесныя воды, разноцвѣтныя и разнovidныя, извѣстныя своей пользой (своими цѣлительными свойствами)¹⁾. Въ немъ они имѣли большаго идола въ образѣ челоуѣка (или: Сатурна), представленнаго въ видѣ старика съ палкою въ рукѣ, которою онъ двигаетъ кости мертвецовъ изъ могилъ. Подъ правой ея ногой находятся изображенія разнородныхъ муравьевъ, а подъ лѣвой — изображенія пречерныхъ вороновъ, черныхъ крыльевъ и другихъ, также изображенія странныхъ Хабашцевъ и Занджцевъ (Абиссинцевъ и Зангебарцевъ). Еще другое зданіе имѣли они на горѣ, окруженное (или: окруженной) морскимъ рукавомъ; оно было построено изъ краснаго коралла и зеленаго смарагда. Въ его срединѣ находится большой куполь, подъ которымъ находится идолъ, коего члены сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней четырехъ родовъ: зеленаго хризолита, краснаго яхонта, жел-

¹⁾ Близъ истока рѣки Гаволи (Havel), въ Герцогствѣ Мекленбургскомъ, на берегу Дамбескаго озера, дѣйствительно находилось языческое святилище въ Черномъ городѣ (Castellum Czarnitz). Городъ этотъ упоминается въ дарственной грамотѣ XIII в. Вуег. D. Landw. d. Redag. 107. *—Кромѣ того, нынѣ извѣстна Черная гора (Czarna Gora) въ восточныхъ лѣсныхъ Карпатахъ, у верховьевъ рѣкъ Тиссы, Прута и Черемоша. Головацкій. Геогр. слов. 349. (Ср. выше (стр. 17) о храмахъ Геродотовыхъ Будинновъ, которыхъ Шафарикъ признаетъ за Славянскихъ жителей Волини и Бѣлоруссіи. Czarna Gora лежатъ нѣсколько западиѣ нынѣшней Волинской губерніи). Можетъ быть, упоминаемое Масуди священное зданіе Славянъ находилось въ выше названномъ «Черномъ городѣ», или на «Черной горѣ» въ Карпатахъ.

таго сердолика (или: агата) и бѣлаго хрустала; голова же его изъ червоннаго золота. Напротивъ его находится другой идолъ въ образѣ дѣвицы, которая приносить ему жертвы и ладонь (или: ему приносили жертвы и ладонь [по Шармуа: и просо]). Это зданіе (т. е. его сооруженіе) приписываютъ какому-то мудрецу, бывшему у нихъ въ древнее время»¹⁾.

Фантастическій, баснословный характеръ свидѣтельства Аль-Масуди, по мнѣнію Срезневскаго, объясняется тѣмъ, что Арабы, слыша о богатствахъ, хранившихся въ Славянскихъ языческихъ храмахъ, въ своихъ преданіяхъ могли рисовать себѣ эти храмы иначе и впадать въ преувеличиванія, сообразно своимъ мѣстнымъ понятіямъ. Срезневскій склоненъ приписать храмы, о которыхъ рассказываетъ Аль-Масуди, Славянамъ восточнымъ или сѣверо-западнымъ, въ виду извѣстныхъ намъ сношеній ихъ съ Арабами, тѣмъ болѣе что о храмахъ юго-западныхъ Славянъ ни въ предѣлахъ Византійской Имперіи, ни за ними къ Карпатамъ и Альпамъ, нѣтъ никакихъ опредѣлительныхъ свѣдѣній (Срезневскій, очевидно, не имѣлъ здѣсь въ виду Венетовъ Италійскихъ), какъ нѣтъ свѣдѣній и объ ихъ идолослуженіи²⁾.

В. Восточные Славяне.

Въ лѣтописяхъ, церковныхъ уставахъ и, въ особенности, въ поученіяхъ духовныхъ лицъ нерѣдко встрѣчаются указанія на божества, которымъ *Русскій народъ* поклонялся въ язычествѣ; во многихъ мѣстахъ почитаніе языческихъ божествъ сохранялось въ народѣ въ теченіи еще нѣсколькихъ столѣтій послѣ принятія имъ христіанской вѣры, и слѣды этого поклоненія далеко не исчезли еще и въ наше время. Наиболѣе распространено было, очевидно, поклоненіе стихійнымъ божествамъ, явленіямъ природы, а имен-

¹⁾ Гаркави. Сказ мусульм. 125, 139—140.

²⁾ Яз. Богосл. 38. — Макушевъ, между прочимъ, такъ выражается о приведенномъ свидѣтельствѣ Масуди: «Сравнивая описанія Масуди и нѣмецкихъ лѣтописцевъ, мы должны согласиться, что въ существенномъ они сходны: всѣ три храма, по показанію Масуди, были построены на горѣ, и кромѣ того, одинъ изъ нихъ, при морѣ. Что Славяне любили строить свои храмы на возвышеніи и у моря или озера, свидѣтельствуютъ Титмаръ, Адамъ Бременскій, Гельмольдъ, Саксонъ Грамматикъ, Сефридъ и другіе. Славянскіе храмы отличались великолѣпіемъ и искусствомъ... Въ храмахъ ставили изображенія боговъ... Существующее у Балтійскихъ Славянъ поклоненіе идолу, котораго называли Сатурномъ, подтверждается свидѣтельствомъ Валукинда. Въ описаніи Масуди, по мнѣнію Макушева, остаются необъяснимыми и потому сомнительными, слѣдующіи мѣста: 1) извѣстіе объ отверстіяхъ, вдѣланныхъ въ крышѣ перваго изъ вышеописанныхъ храмовъ, для наблюденія за восходомъ солнца, 2) о звукахъ, исходящихъ изъ вершины этого зданія, и 3) объ изображеніяхъ Абиссинцевъ и Эѳіоплянъ во вторыхъ храмахъ. Сказ. иностр. 98—99. — Попытка въ объясненію 1-го и 3-го изъ этихъ пунктовъ, а также вообще характера и значенія идола Сатурна, сдѣлана мною ниже. (См. стат.: «Звѣзды и Зори и т. д.», «Чернобогъ».)

но: свѣтиламъ небеснымъ, огню и водѣ, землѣ, камнямъ и горамъ, деревьямъ и роцамъ (и живущимъ въ нихъ духамъ). Константинъ Багрянородный (въ X в.) рассказываетъ, что «Россы (на пути въ Царьградъ въ 949 г.) у весьма великаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ ¹⁾. Въ церковномъ уставѣ, приписываемомъ Владиміру Святому, запрещалось молиться подѣ «овиномъ (т. е. огню), или въ рощени, или у воды» ²⁾. «И огневѣ молятся, зовуще его Сварожичемъ... молятся огневѣ подѣ овиномъ» говорится въ Словѣ Христолюбца (по списку XIV в.) ³⁾. Въ «словѣ о томъ, како первое погани суще языци кланялися идоломъ», приписываемомъ Св. Григорію (по списку XIV в.), огонь также называется Сварожичемъ: «и огневи сварожичи молятся». Въ словѣ, точно такъ же озаглавленномъ (по списку XIV же вѣка), но приписываемомъ Св. Іоанну Златоустому, читаемъ: «инѣми (куры) въ водахъ потопляеми суть, а друзіи къ кладязѣмъ приходяще молятся и въ воду мечють веллеару жертву приносяще; а друзіи огневи и каменію и рѣкамъ, и источникомъ, и берегынѣмъ, и въ дрова, нетокможе преже въ поганьствѣ; но мнози и нынѣ то творять... и чересь огонь скачють, мнящесь крестяны, а поганьская дѣла творять» ⁴⁾. «И еже яроуть (т. е. приносятъ жертву) бесомъ и болотомъ и колодяземъ», писалъ въ посланіи своемъ Митрополитъ Іоаннъ Русскій (въ XII в.) ⁵⁾. «Уже бо не нарекуются Богомъ стихіа, ни солнце, ни огонь, ни источникни, ни дрevesа» говоритъ Кириллъ Туровскій ⁶⁾. «Людіе же тогда... тмою идолюбѣсія помрачены суще, жертвы богомерзкія богомъ своимъ приношаху, и озеромъ и кладяземъ и рощениамъ и проч.» говорится въ Густинской лѣтописи ⁷⁾. Въ словѣ Св. Кирилла «о злыхъ дусѣхъ» (по списку XV в.) читаемъ: «не нарицайте себѣ Бога на земли, ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ, ни въ птицахъ, ни на въздуси, ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ, ни въ каменіи» ⁸⁾. Еще въ XVI столѣтіи Макарій, Архіепископъ Новгородскій и Псковской, писалъ Іоанну Грозному, что, хотя «скверныя молбища идольскіе» и были разворены въ Русской землѣ при крещеніи народа Владиміромъ Святымъ, однако въ Чудѣ, Ижерѣ, Карѣли и во многихъ Русскихъ мѣстахъ (именно въ окрестностяхъ Новгорода, на всемъ протяженіи отъ рѣки Наровы до Невы, по Невѣ и около Ла-

¹⁾ Штритеръ. Изв. Виз. ист. III, 39.

²⁾ Голубинскій Ист. р. церк. I, 533.

³⁾ Буславъ. Ист. христ. 519, 522.

⁴⁾ Тихонравовъ. Лѣт. р. Лнт. IV. 3: 99, 108.

⁵⁾ Рус. Достоп. I, 94.

⁶⁾ Калайдовичъ. Пам. XII. в. 19.

⁷⁾ П. С. Р. I. II, 234.—Ср. Тамъ же: V, 84.

⁸⁾ Москвит. 1844. I, 243.

дожскаго озера) до сего времени (онъ писалъ въ 1534 г.) «обычая держакхся отъ древнихъ прародителей... Суть же скверные молбища ихъ лѣсъ и каменіе, и рѣки и блата, источники и горы и холмы, солнце и мѣсяць и звѣзды, и озера и проста рещи всей твари поклонихуса ако Богу, и чтяху и жертву приношаху кровную бѣсомъ воли и овцы, и всякъ скотъ и птицы» ¹⁾. Большимъ уваженіемъ пользовались (нерѣдко это встрѣчается и въ наше время) небесныя свѣтила. Кромѣ приведенныхъ на предыдущей страницѣ свидѣтельствъ о поклоненіи, между прочими божествами, и свѣтиламъ, укажу еще на слѣдующія: въ апокрифѣ «Хожденіе Богородицы по мукамъ» (XII или XIII в.) читаемъ: «они все боги прозваша: слънце и мѣсяць, землю и воду, звѣри и гады» ²⁾; «аще кто цѣлуетъ мѣсяць, да будетъ проклятъ» сказано въ «Заповѣди» Георгія Митрополита ³⁾; «начаша жрети молніи и грому, и солнцю и лунѣ», «луче же ли поклонятися лучю мерькнущему (т. е. солнцу), нижъ лучю безсмертному и богу створенну, а не Богу все створшу» ⁴⁾—такія и подобныя имъ выраженія неоднократно встрѣчаются въ поученіяхъ духовныхъ лицъ, возстававшихъ противъ сохранявшихся въ народѣ остатковъ языческаго поклоненія явленіямъ природы. Солнце въ Ипатьевской лѣтописи называется сыномъ Сварога (слѣдовательно однимъ именемъ съ огнемъ—Сварожичемъ), оно же именуется и Дажьбогомъ: «Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ» ⁵⁾.

Нельзя не упомянуть еще о свидѣтельствахъ средневѣковыхъ мусульманскихъ писателей о почитаніи Славянами (вѣроятно восточными или Балтійскими) солнца, небесныхъ свѣтилъ и огня. Ибраимъ-бенъ-Весифъ Шахъ (ок. 1200 г.) въ сочиненіи своемъ «Великая книга Чудесъ» говоритъ, что нѣкоторые Славяне исповѣдуютъ христіанскую вѣру, другіе же—язычники и поклоняются солнцу. По словамъ того же писателя, одинъ изъ Славянскихъ народовъ, живущій между Славянами и Франками, исповѣдуетъ христіанство и поклоняется небеснымъ свѣтиламъ. Захарія Казвини (1275 г.) рассказываетъ, что нѣкоторые изъ Славянъ поклоняются огню. То же самое утверждаетъ и Хукръ-Улла-бенъ-Хебабъ (1456 г.) ⁶⁾.

Народъ поклонялся выше названнымъ предметамъ, преимущественно какъ явленіямъ природы, но въ то же время нѣкоторые изъ этихъ явленій въ воображеніи народномъ воплощались въ образы личныхъ боговъ и богинь, въ честь которыхъ воздвигались мѣстами

¹⁾ П. С. Р. Л. V, 73.

²⁾ Костомаровъ. Нам. стар. р. лит. III, 118.

³⁾ Голубинскій. Ист. р. церк. I, 521.

⁴⁾ Тихонравовъ. Лѣт. р. лит. IV. 3:107—108.—Срезневскій. Обож. солн. 38.*

⁵⁾ П. С. Р. Л. II, 5.

⁶⁾ Charmoy. Rel. de Mas. 325, 340, 367.

даже идола. Таковы были истуканы, стоявшіе въ Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, также вѣроятно близъ Владиміра и въ другихъ мѣстахъ. О Кіевскихъ идолахъ неоднократно упоминаетъ Несторъ. Описывая заключеніе договора Игоря съ Греками (въ 945 г.), лѣтописецъ говоритъ, что христіане должны были клясться церковью Св. Ильи и лежащимъ честнымъ крестомъ, «а некрещеная Русь полагаютъ щиты своя и мечѣ свои наги. обручѣ свои и прочая оружья, да кленутся о всемъ, яже суть написана на харатѣи», въ случаѣ же преступленія присяги «ли хрестеянъ, или нехрестеянъ... да будетъ клятвѣ отъ Бога и отъ Перуна... Приде (Игорь) на холмъ, гдѣ стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеянную Русь водмша ротѣ въ церкви святаго Ильи». Подъ 980 г. Несторъ пишетъ: «и нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ и постави кумиры на холму внѣ двора терзнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ ¹⁾, и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. Жряху имъ, наричюще ѧ боги, привожаху сыны свои и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и оскверниша кровьюи земля Руска и холмъ отъ». Послѣ же крещенія своего Владиміръ (въ 988 г.) приказалъ «кумиры испроверщи, овы осѣчи, а другія огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневи въ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети (бити) жезльемъ... влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрніи людье, еще бо не бяху пріяли святаго крещенья; и привлекше, вринуша ѧ въ Днѣпръ... пзверже ѧ вѣтръ на рѣнѣ, и оттолѣ прослу Перуняна рѣнѣ, яко же и до сего дне словеть» ²⁾. Въ житіи Св. Владиміра, составленномъ монахомъ Іаковымъ (XI в.), подъ заглавіемъ «Память и похвала Владиміру» (по списку XVI в.), читаемъ: «Поганьскыя боги, начежъ и бѣсы, Перуна и Хорса и ины многы попра, и съ круши идола и отверже всю безбожную лествъ» ³⁾. Въ числѣ вышепоименованныхъ боговъ не находимъ Волоса, одного изъ важнѣйшихъ боговъ Русскихъ. Это произошло вѣроятно по ошибкѣ, такъ такъ Волосъ несомнѣнно былъ извѣстенъ въ Кіевѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ договоръ Святослава съ Греками (въ 971 г.), въ которомъ встрѣчаемъ выраженіе: «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ

¹⁾ По свидѣтельству Густинской лѣтописи, «Перконось, си есть Перунъ, баше у нихъ (Русскихъ) старѣйшый богъ, созданъ на подобіе человекѣ, ему же въ рукахъ баше камень многоцѣнный аки огонь, ему же яко Богу жертву приношаху и огонь неугасающій въ дубоваго древіа непрестанно полаху. П. С. Р. Л. II, 257. Паленіа неугасающаго огня было, кажется, въ обычаѣ только у Лѣтовцевъ. Несторъ, по крайней мѣрѣ, о таковомъ обычаѣ у Русскихъ умалчиваетъ.

²⁾ П. С. Р. Л. I, 22—23, 34, 50.

³⁾ Голубинскій. Ист. р. церк. I, 209.

его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса скотья бога» ¹⁾. Въ «Житіи блаженнаго Володимира» неизвѣстнаго автора (по списку XVI в.), въ свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ Несторовой лѣтописи, прибавлено: «и Волоса идола, его же именовашу скотья бога, повелѣ въ Почайну вѣврещи» ²⁾.—Относительно Новгорода Несторъ сообщаетъ подъ 980 г.: «пришедъ Добрыня Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Ноугородстїи аки Богу». Что кумиръ этотъ былъ вѣроятно истуканъ Перуна, можно судить по словамъ Софійской лѣтописи, въ которой подъ 991 г. читаемъ о его низверженіи: «И приде къ Ноугороду архіепискупъ Якимъ, и требища разори, и Перуна постѣче и повелѣ вѣврещи въ Волховъ. И повязавше ужи, влечашуть ѣ по калу, біюще жезліемъ и пихающе... и вринуша его въ Волховъ... иде Пидьблянинъ рано на рѣку... али Перунъ приплы къ берви, и отрину ѣ шестомъ: «ты, рече, Перунице (или: Перушице), до сыти еси ѣлъ и пилъ, а нынче попови прочь» ³⁾. Воспоминаніе о Перунѣ сохранилось въ названіи Перыньскаго монастыря въ Новгородѣ. Баронъ Герберштейнъ пишетъ, что Перунъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находится монастырь Перунскій ⁴⁾. Волосъ былъ несомнѣнно также навѣстенъ въ Новгородѣ,—на это указываетъ древнее названіе одной изъ Новгородскихъ улицъ Волосовою; на ней, по преданію, стоялъ кумиръ Волосовъ, а впоследствии воздвигнута была церковь св. Власія ⁵⁾, покровителя скота, какъ извѣстно, замѣнившаго собою въ христіанствѣ языческаго Волоса. Были въ Новгородѣ и монастырь Волоотовъ, и церковь Богоматери на Волоотовѣ ⁶⁾.—Исаія Чудотворецъ (въ XI в.), по словамъ патерика Киевскаго, разорялъ языческія капища въ Ростовской области. «Гдѣ же идола обрѣтаеть, вся огню предаваше», говорится въ житіи этого святаго, относимомъ къ XIII в. ⁷⁾. Въ Ростовѣ же, по преданію, находился идолъ Велеса, который сокрушенъ былъ Св. Аврааміемъ Ростовскимъ (въ XII в.) ⁸⁾: «Видѣвъ же преподобный (Авраамій) прелесть идольскую соушу (въ Ростовѣ)—читаемъ въ повѣсти о водвореніи Христіанства въ Ростовѣ (XVII в.)—не оубо бѣ еще прїяша святое крещеніе, но чудескый (или: чуд-

¹⁾ П. С. Р. Л. I, 31.

²⁾ Голубинскій. Ист. р. церк. 200.—Почайна—нынѣ маленькая рѣчка, текущая вѣтъ города Киева, къ сѣверу, и впадающая въ Днѣпръ. Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. I, прим. 383.

³⁾ П. С. Р. Л. I, 34; У, 121.—Ср. Тамъ же: IX, 64, 65.

⁴⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. I, прим. 463.

⁵⁾ Погодинъ. Древ. р. ист. II, 637.—Ср. также Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. II, прим. 414.

⁶⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. V, прим. 107, 137.

⁷⁾ Тамъ же. I, прим. 225.—Макарій. Ист. р. церк. II, 29, пр. 60.

⁸⁾ Карамзинъ. Ист. Гос. Рос. I, прим. 463.

ский) конецъ поклоняешся идолу камену». Авраамій встрѣчаетъ старца, который спрашиваетъ его: «что ради скорбя сѣдиши близъ страстнаго сего идола Велеса». Далѣе читаемъ, что Іоаннъ Богословъ вручилъ Авраамію трость, съ которою «приде (Авраамій) къ идолу безъ возбраненія, и избодѣ его тростию во имя Іоанна Богослова» (въ другомъ спискѣ прибавлено: «и абіе идолъ Велеса въ прахъ бысть окаянный») ¹⁾.—Во Владимірскихъ преданіяхъ, по словамъ Буслаева, сохранилась память о Волосѣ, въ наименованіи стоявшаго на возвышенности, надъ рѣкою Каличкою, Волосова Никольскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго (въ 16 верстахъ отъ Владиіира). По преданію, сохранившемуся въ народѣ, Николаевскій монастырь воздвигнутъ былъ на мѣстѣ уничтоженнаго языческаго капища, посвященнаго богу Волосу ²⁾.

Арабскій писатель начала X вѣка, Ибнъ-Фадланъ, оставилъ интересное описаніе поклоненія Русовъ идоламъ. Хотя вопросъ о томъ, кто именно были эти Русы—Норманы или Славяне, еще не рѣшенъ, но, въ виду того, что многіе изслѣдователи русской старины склонны видѣть въ нихъ русскихъ Славянъ, приведу здѣсь разсказъ названнаго писателя. Рѣчь идетъ о Русахъ—купцахъ, пріѣзжавшихъ и располагавшихся со своими товарами на берегу рѣки Итиля, т. е. Волги. «Во время прибытія ихъ судовъ къ якорному мѣсту—говоритъ Ибнъ-Фадланъ—каждый изъ нихъ выходитъ, имѣя съ собою хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и горячій напитокъ, подходитъ къ высокому вставленному столбу, имѣющему лицо, похожее на человѣческое, а кругомъ его малыя изображенія, позади этихъ изображеній вставлены въ землю высокіе столбы. Онъ же подходитъ къ большому изображенію, простирается предъ нимъ и говоритъ: о господине! я пришелъ изъ далека, со мной дѣвушекъ—столько и столько-то головъ, соболей—столько и столько-то шкуръ, пока не упоминаетъ все, что онъ привезъ съ собой изъ своего товара. Затѣмъ говоритъ: «этотъ подарокъ принесть я тебѣ», и оставляетъ принесенное имъ передъ столбомъ, говоря: «желаю, чтобы ты мнѣ доставилъ купца съ динарами и диргемами, который купилъ бы у меня все, что желаю (продать) и не прекословилъ бы мнѣ во всемъ, что я ему ни скажу (не торговался бы со мною)»; послѣ онъ удаляется. Если продажа бываетъ затруднительна, и время ея продолжается долго, то онъ возвращается съ другимъ подаркомъ во второй, въ третій разъ, и если желаемое имъ все еще промедляется, то онъ приноситъ одному изъ тѣхъ малыхъ изображеній подарокъ и проситъ его о ходатайствѣ,

¹⁾ Костомаровъ. Пам. стар. р. лнт. I, 221—222, 225.

²⁾ Мѣст. сказ. 8—9. *

говора: «ети суть жены господина нашего и его дочери», и онъ не пропускаетъ ни одного изображенія, котораго не просилъ бы и не молилъ бы о ходатайствѣ и не кланялся бы ему униженно. Часто же продажа бываетъ ему легка, и когда онъ продаетъ, говоритъ: «господинъ мой исполнилъ мое желаніе, должно вознаградить его за то». И беретъ онъ извѣстное число рогатаго скота и овецъ, убиваетъ ихъ, часть мяса раздаетъ бѣднымъ, остальное же приносить и бросаетъ предъ большимъ столбомъ и малыми, его окружающими, и вѣшаетъ головы рогатаго скота и овецъ на столбы, вставленные въ землѣ, а когда настаетъ ночь, то приходятъ собаки и съѣдаютъ это, тогда тотъ, который это сдѣлалъ, говоритъ: «мой господинъ соблаговолилъ ко мнѣ и съѣлъ мой подарокъ»¹⁾.

Наконецъ, многочисленныя названія городовъ и селеній, рѣкъ, долинъ, горъ и т. п., разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, — названія, очевидно данныя въ честь разныхъ языческихъ божествъ (на названія эти будетъ ниже обращено вниманіе), несомнѣнно доказываютъ почитаніе народомъ въ язычествѣ соответствующихъ боговъ, въ данныхъ мѣстностяхъ, хотя и не засвидѣтельствованное письменными памятниками.

Имена Русскихъ боговъ нерѣдко упоминаются въ поучительныхъ «словахъ» и повѣствованіяхъ разныхъ авторовъ, изъ которыхъ приведу нѣсколько примѣровъ, и въ которыхъ, какъ увидимъ, встрѣчаются, кромѣ вышеназванныхъ, еще многія другія имена боговъ, частью оригинальныя Славянскія, частью переводныя или прямо заимствованныя авторами изъ мифологіи Грековъ и Римлянъ. Эти послѣднія имена или примѣняются къ соответствующимъ или сходнымъ богамъ Славянскимъ, или же называются въ первоначальномъ своемъ смыслѣ, при обличеніи язычества и остатковъ его въ средѣ принявшаго христіанство народа вообще. «Се вѣтры, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами», «Дивъ влечетъ врѣху древа», «оуже врѣже ся Дивъ на землю», «рыща (Боянь) въ тропу Трояню», «были вѣчи Трояни», «на седьмомъ вѣцѣ Трояни», «погибашеть жизнь Дажьбожа внука», «въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука: вѣстоупивъ дѣвою на землю Трояню», «великому Хрѣсови влькомъ путь прерыкаше», «вѣщей Бояне, Велесовъ внуче» — вотъ выраженія, встрѣчающіяся въ Словѣ о Полку Игоревѣ, памятникѣ XII вѣка. Въ апокрифѣ «Хожденіе Богородицы по мукамъ» (XII или XIII в.) читаемъ: «отъ камени ту устроя Трояна, Харса, Велеса, Перуна»²⁾. Въ Словѣ Христолюбца (по

¹⁾ Гаркави. Сказ. Мусульм. 95—96.

²⁾ Костомаровъ. Пам. стар. р. лит. III, 119.

списку XIV в.) находимъ слѣдующее перечисленіе боговъ рускихъ, отчасти заимствованное изъ Несторовой лѣтописи, причѣмъ загадочное имя Синарьгла разбито на два самостоятельныя имени: „вѣрують в Перуна, и в Хорса, и в Мокось, и в Сина, и ве Рьгла, и в Вилан, ихъ же числомъ тридцать сестриницъ, глаголють невѣгласи и ивятъ богиници (или: то все ивятъ боги и богиници), и та покладывають ихъ теребы, и куры ихъ рѣжють и огневѣ молятся, зовуще его Сварожиченъ... молятся огневѣ похъ овинюць, и Виланъ, и Мокоси, и Сину, и Рьглу, и Перуну (въ „Златой Чѣнѣ“ прибавлено: „и Волосу скотью богу“), и Роду и Рожаницѣ (или: Рожаницамъ), и всѣмъ тѣмъ иже суть тѣмъ водобни“¹⁾. Въ различныхъ редакціяхъ „Слова о томъ, како первое погани суще языци кланялися идоломъ“ встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: (послѣ перечисленія суевѣрій разныхъ языческихъ народовъ) „такоежъ и до Словѣтъ донде се слово, и ти начаша треби кланити Роду и Рожаницамъ, прежде Перуна бога ихъ, а перже того клани требу Упиремъ и Берегинямъ. По святѣмъ же крещеніи Перуна отринута и Христа бога яшась, но и поже по украинамъ молятся ему прохлятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоси, и Вилу (или: Вилонъ), и то творять ота“; „отшенися истечивыхъ жрѣць, Діева служенія и кладенія требъ“ (въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Слова св. Григорія Богослова читаемъ: „не Діева се стѣла“); „тѣмъ же богомъ требу кладуть и творять и Словенскій языкъ, Виланъ и Мокоси, Дивѣ, Перуну, Хорсу, Роду и Рожаници, Упиремъ и Берегинямъ и Перенлуту, и вергычеса иють ему въ розкъ, и огневи Сварожичю молятся и Навѣмъ ивъ творять, и въ тѣстѣ носты дѣлають и колодязѣ и ина иногая же утѣхъ, салликамъ (фаллисы) и въ образъ створены и кланяются ихъ и треби ихъ кладуть“; „человѣчи... приступиша къ идоломъ и начаша жрѣти колѣни и грому, и салнию и дунѣ, а друзи Перуну, Хорсу, Виланъ и Мокоси, Упиремъ и Берегинямъ, ихъ же нарицають тридцать сестриницъ, а инии в Сварожитна вѣрують и въ Артемиду, ихъ же неведгласи молятся и куры ихъ рѣжють, ...Навѣмъ ивъ творять, и попель посреде сплзить и крововедающе иже и молоко, и масло, и яйца и вся потребная бessonъ ... А друзи вѣрують въ Стрибога, Дажьбога и Перенлута, иже вѣргчеса ему иють въ розкъ“²⁾. Въ Словѣ и откровеніи св. Аностаго (по рукописи XVI в.) читаемъ: „ивяще боги ивоги, Перуна и Хорса, Дия и Урогна и инии ивоги...

¹⁾ Голубрицкий, Изг. 2, стр. IV, 3: 89. — Булгаковъ, Изг. хрест. 333.

²⁾ Голубрицкий, Изг. 2, стр. IV, 3: 97, 98, 99, 102.

и тако прѣлѣсть вниде въ челоувѣкы и до сего дне есть въ поганыхъ, глаголять ово суть боги небесниі, а другиі земниі, а другиі польстїи (полевые), а другиі водниі“¹⁾. Въ Густинской лѣтописи, кромѣ боговъ, названнхъ Несторомъ, упоминаются еще нѣсколько боговъ, имена которыхъ мы встрѣтили у Польскихъ лѣтописцевъ, каковы: Позвиздъ (Похвистъ) и Ладѡ; кромѣ того Купало (этимъ именемъ [kupala] Стрыйковскій называетъ народныя празднества (или сходки), въ особенности отправлявшіяся, по его словамъ, 25 мая и 25 іюня²⁾) и Коляда³⁾, представляющіе уже позднѣйшія олицетворенія двухъ великихъ всенародныхъ праздниковъ, лѣтняго и зимняго. Имена Купала и Коляды продолжаютъ и нынѣ жить въ устахъ народа. Въ позднѣйшихъ памятникахъ встрѣчаемъ еще имена Тура и Усеня или Таусеня; въ народныхъ пѣсняхъ, играхъ, поговоркахъ находимъ еще цѣлый рядъ именъ, принадлежащихъ олицетвореннымъ представителямъ разныхъ явленій природы и вообще сельской жизни, возведеннымъ народной фантазіей въ божеское достоинство. О нихъ будетъ рѣчь ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Идолы у Русскихъ, какъ мы видѣли выше, помѣщались на холмахъ или на берегахъ рѣкъ. О храмахъ же языческихъ русскія лѣтописи умалчиваютъ вовсе. Трудно, впрочемъ, предположить, чтобы идолы во всякое время года стояли подъ открытымъ небомъ и чтобы всегда подъ открытымъ же небомъ совершались передъ ними религиозныя обряды и жертвоприношенія. Вѣроятно были устраиваемы какіе либо навѣсы, если не надъ самимъ идоломъ, то по крайней мѣрѣ надъ „требищемъ“, т. е. мѣстомъ, гдѣ совершались требы или жертвоприношенія—жертвенникомъ. Вѣроятно о такомъ навѣсѣ или шатрѣ говорится въ извѣстной сагѣ объ Олавѣ Тригвессонѣ, гдѣ читаемъ, что Олавъ ѣздилъ всегда ко храму съ княземъ Владиміромъ, но никогда не входилъ въ него, а стоялъ за дверями, когда Владиміръ приносилъ богамъ жертвы⁴⁾. Въ вышеупомянутомъ повѣствованіи монаха Іакова, озаглавленномъ „Память и похвала Владиміру“, сказано, что блаженный князь Владиміръ, принявъ св. крещеніе, крестилъ и всю землю русскую, „раздружи (разруши) храмы идольскыя со лжеименными боги“ и далѣе: „хра-

¹⁾ Тамъ же. III. 2: 5. Божества, упоминаемыя въ этомъ памятникѣ—замѣчаетъ Тихонравовъ—принадлежатъ именно русской мѡлологіи, т. е. Нерунъ, Хоръ и Тронъ; но и письмо и произношеніе обнаруживаютъ въ памятникѣ Болгарское происхожденіе. Отсюда, какъ и изъ нѣсколькихъ другихъ свидѣтельствъ, съ вѣроятностію можно заключить, что древнѣйшія мненскія основы были общи у Славянъ восточныхъ, т. е. у Русскихъ, Болгаръ и Сербовъ. Тамъ же. III. 2: 3.

²⁾ Krop. Poln. I, 137.

³⁾ П. С. Р. Л. II. 257.

⁴⁾ Рус. ист. сбор. IV, 46—47.

ны идольския и требища всюду раскопа и посѣче и идола сокруши“¹⁾). И здѣсь рѣчь вѣроятно идетъ о какихъ либо совершенно простыхъ сооруженіяхъ; дѣйствительныхъ же храмовъ, болѣе или менѣе художественно отдѣланныхъ, подобно храмамъ Балтійскихъ Славянъ, у Русскихъ очевидно не было. «Лѣтописи молчать о существованіи храмовъ и жрецовъ у нашихъ восточныхъ Славянъ, замѣчаетъ Соловьевъ; нельзя предположить, что еслибы храмы существовали, то лѣтописцы умолчали бы о ихъ разрушеніи или превращеніи въ церкви, при рассказѣ о введеніи христіанства и испроверженіи идоловъ»²⁾). Въ памятникахъ Русскихъ говорится лишь о разореніи требищъ и капищъ, т. е. жертвенниковъ; капище, впрочемъ, означаетъ и идолъ (капъ = истуканъ, идолъ; капище = идолище)³⁾.

— * —

---

¹⁾ Голубинскій. Ист. р. церк. I, 210, 211.

²⁾ Ист. Росс. I, 88.

³⁾ Аванасьевъ. Поэт. воз. II, 269.

II. Жертвенные обряды.

Къ описаннымъ выше святилищамъ, въ извѣстные дни года и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ общественной, такъ и частной жизни, стекались толпы народа, для совершенія жертвоприношеній и прочихъ богослужебныхъ обрядовъ. Здѣсь, въ таинственной чащѣ лѣса или подъ сѣнью величественнаго дуба, у источника, на берегу рѣки или озера, у пылающихъ костровъ или жертвенниковъ, которыми служили холмы и скалы или насыпи городищъ, или передъ чудовищными, фантастически разукрашенными, нерѣдко многолицыми и многоголовыми истуканами, вооруженными копьями, мечами или палицами, или, наконецъ, въ преддверіи храмовъ, въ которыхъ стояли или возсѣдали идолы, окруженные священными предметами (знаменами, щитами, копьями, рогами и пр.) и драгоценными сокровищами,—народъ воздавалъ божествамъ своимъ хвалу и благодареніе, испрашивалъ у нихъ всякихъ благъ, умолялъ и вопрошалъ ихъ, произнося молитвы, совершая жертвоприношенія и гаданія, исполняя религиозныя, обрядныя пѣсни и пляски, предаваясь шумнымъ игрищамъ, пирамъ и попойкамъ.

Общественное богослуженіе совершалось въ извѣстные праздничные, т. е. наиболѣе знаменательные въ пастушеской и земледѣльческой жизни народа дни, въ честь того или другаго божества, покровителя стада и полей, плодородія, представителя той или другой стихійной силы; кромѣ того, въ извѣстныхъ, выходящихъ изъ ряду, случаяхъ народной жизни, напр. передъ выступленіемъ въ походъ, или по возвращеніи изъ похода, при появленіи въ странѣ тяжелыхъ болѣзней или иныхъ невзгодъ (падежа скота, засухи и т. п.),—съ цѣлью отстраненія этихъ невзгодъ. Согласно даннымъ обстоятельствамъ прославляли боговъ, молили ихъ о дарованіи плодородія, уро-

жаа, счастья и богатства, молили о пощаде или защите против врагов, недугов и других бед, вопрошали о будущем, прося советов и указаний в сомнительных случаях. Еще гораздо разнообразие в мелочных своих подробностях были, разумеется, частныя молитвы отдельных лиц. Подлинных текстовъ

МОЛИТВЪ

древнихъ Славянъ мы почти не имѣемъ, но лѣтописцы нерѣдко упоминаютъ, хотя и въ общихъ словахъ, о предметахъ молитвъ. Ибнъ-Даста, арабскій писатель X вѣка, сообщаетъ текстъ молитвы Славянъ, не обозначая, однако, о какомъ именно изъ Славянскихъ народовъ идетъ рѣчь. «Всѣ они (Славяне) идолопоклонники, пишетъ онъ. Болѣе всего сѣютъ они просо. Во время жатвы берутъ они просыныя зерна въ ковшъ, поднимаютъ ихъ къ небу и говорятъ: „*Господи, ты, который снабжалъ насъ пищею* (до сихъ поръ), *снабди и теперь насъ ею въ изобилии!*“¹⁾ Къ древнѣйшимъ же молитвеннымъ текстамъ, дошедшимъ до насъ, принадлежатъ слова русскаго (?) купца, обращенныя къ большому и малымъ истуканамъ на берегу Волги, записанныя другимъ арабскимъ писателемъ X вѣка, Ибнъ-Фадланомъ (см. выше стр. 34—35).

О южныхъ Славянахъ свидѣтельствуетъ Прокопій²⁾: при приближеніи смерти, въ болѣзни или на войнѣ, они давали обѣтъладыка мѣра, единому богу,—это слѣдуетъ, разумеется, понимать такъ, что они просили бога о защитѣ и покровительствѣ отъ врага, смерти или болѣзни—а по избѣжаніи опасности приносили богу жертву,—разумеется, благодарственную, несомнѣнно сопровождавшуюся благодарственными молитвами. Въ молитвахъ же, безъ сомнѣнія, выражалось и почитаніе, воздавшееся Нимфамъ, рѣкамъ и другимъ духамъ.

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнія встрѣчаемъ въ историческихъ памятникахъ, касающихся западныхъ Славянъ. *Чехи*, по словамъ Козьмы Пражскаго, возносили къ «самодѣльнымъ истуканамъ» свои молитвы о благосостояніи своемъ и домовъ своихъ³⁾. Въ Краледворской рукописи читаемъ о возглашеніи къ богамъ, о провозглашеніи славы богамъ. «На вершинѣ скалы сотвори обѣтъ (т. е. жертву) богамъ-спасамъ—восклицаетъ Честмиръ—за побѣду совершившуюся, за побѣду грядущую»⁴⁾. Благодарственное и уми-

¹⁾ Гаркави. Сказ. Мусульм. 265.

²⁾ См. выше стр. 16.

³⁾ Chron. Bohem. 10.

⁴⁾ Cestmir. Zboj.

II. Жертвенные обряды.

Въ описанномъ выше святилищамъ, въ извѣстные дни года и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ общественной, такъ и частной жизни, стекались толпы народа, для совершения жертвоприношений и прочихъ богослужбныхъ обрядовъ. Здѣсь, въ таинственной чащѣ лѣса или подъ сѣнію величественнаго дуба, у источника, на берегу рѣки или озера, у пылающихъ костровъ или жертвенниковъ, которыми служили холмы и скалы или насыпи городищъ, или передъ чудовищными, фантастически разукрашенными, нерѣдко многолицыми и многоголовыми истуканами, вооруженными копьями, мечами или палицами, или, наконецъ, въ преддверіи храмовъ, въ которыхъ стояли или возсѣдали идолы, окруженные священными предметами (знаменами, щитами, копьями, рогами и пр.) и драгоценными сокровищами,—народъ воздавалъ божествамъ своимъ хвалу и благодареніе, испрашивалъ у нихъ всякихъ благъ, умолялъ и вопрошалъ ихъ, произнося молитвы, совершая жертвоприношенія и гаданія, исполняя религиозныя, обрядныя пѣсни и пляски, предаваясь шумнымъ играмъ, пирамъ и попойкамъ.

Общественное богослуженіе совершалось въ извѣстные праздничныя, т. е. наиболее знаменательныя въ пастушеской и земледѣльческой жизни народа дни, въ честь того или другаго божества, покровителя стадъ и полей, плодородія, представителя той или другой стихійной силы; кромѣ того, въ извѣстныхъ, выходящихъ изъ ряду, случаяхъ народной жизни, напр. передъ выступленіемъ въ походъ, или по возвращеніи изъ похода, при появленіи въ странѣ тяжелыхъ болѣзней или иныхъ невзгодъ (падежа скота, засухи и т. п.),—съ цѣлью отстраненія этихъ невзгодъ. Согласно даннымъ обстоятельствамъ прославляли боговъ, молили ихъ о дарованіи плодородія, уро-

вамъ Гельмольда, «пили круговую чашу, причежь произносили во имя боговъ добраго и злаго, слова не благословенія, а проклятія» ¹⁾). Подъ этими словами слѣдуетъ разумѣть какія либо заклинанія, которыя также должны быть причислены къ разряду молитвъ, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству лѣтописца, они произносились во имя добраго или злаго бога.

О восточныхъ Славянахъ имѣемъ свѣдѣнія, касающіяся жертвоприношеній, которыя безъ сомнѣнія совершались съ соответствующими молитвенными изреченіями. Такъ напр. Владиміръ, послѣ битвы съ Ятвягами, по свидѣтельству Нестора, «твори потребу кумиромъ съ людьми своими». По поставленіи Владиміра идоловъ въ Кіевѣ, «жраху имъ, наричюще я боги». Такъ и въ Новгородѣ, послѣ того, какъ Добрыня поставилъ кумира, «жраху ему людье Ноугородстїи аки Богу». Именемъ Бога и Перуна, или Перуна и Волоса, произносились клятвы, при заключеніи договоровъ ²⁾). Кроме того, въ приведенныхъ выше отрывкахъ изъ церковныхъ поученій, составившихъ противъ остатковъ язычества въ народѣ, неоднократно говорится о молитвахъ, которыя обращались къ древнимъ языческимъ божествамъ стихійнымъ и личнымъ, хотя и безъ обозначенія спеціальнаго ихъ содержанія, напр. «молятся огневѣ подъ овинномъ, и Виламъ, и Мокъши и т. д.», «молятся ему поганому богу Перуну, и Хорсу, и т. д.». «Навъмъ мѣвь творять», «въ Сварожитца вѣрують и въ Артемиду, имъ-же невеглаши молятся», «къ кладезямъ приходяще молятся» и т. п.; упоминается также о питіи «въ розѣхъ» въ честь боговъ, питіе-же изъ роговъ или чашъ въ честь божества несомнѣнно сопровождалось какими-либо молитвенными изреченіями (заклинаніями) или славословіемъ. Предоставляя себѣ впоследствии подробнѣе рассмотреть вопросъ о молитвахъ языческихъ Славянъ, перехожу къ главнѣйшему акту языческаго служенія божествамъ—

жертвоприношеніямъ,

нерѣдко связаннымъ съ

гаданіями.

Самыя скудныя и лишь отрывочныя свѣдѣнія о жертвенныхъ обрядахъ и гаданіяхъ мы имѣемъ относительно

¹⁾ Chron. I, 52.

²⁾ П. С. Р. Л. I, 22—23, 31, 34.

Южныхъ Славянъ.

Италийскіе Венеты, по словамъ Страбона, приносили въ жертву богу, котораго авторъ называетъ греческимъ именемъ Діомеда, бѣлаго коня ¹⁾). Теопомпъ (въ IV вѣкѣ до Р. Х.) рассказываетъ, что Венеты, трижды перепахавъ поле и приступая къ посѣву, клали на землю какіе-то пироги и лепешки изъ муки, старательно смѣшанной. Эти лепешки и пироги были, какъ увѣрялъ Теопомпъ, приношеніе галкамъ, чтобы ихъ умилостивить — не выклеивать изъ земли посѣянныхъ зеренъ. Венеты наблюдали и загадывали: если оказывалось, что галки вкушали ихъ дара, то они считали это предвѣстіемъ мирнаго года; въ противномъ случаѣ ожидали непріятельскаго нашествія ²⁾). Изъ словъ Прокопія узнаемъ, что южные Славяне предлагали въ жертву верховному богу, творцу молніи, быковъ и другихъ животныхъ. Приносили жертвы и другимъ, второстепеннымъ божествамъ и при этихъ жертвоприношеніяхъ гадали, вѣроятно по крови или внутренностямъ жертвеннаго животного. Жертвоприношенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ можно съ достовѣрностію заключить изъ словъ Прокопія, приносились въ благодарность за избавленіе отъ опасности и смерти ³⁾).

Отсутствіе въ древнихъ письменныхъ памятникахъ свѣдѣній объ обрядахъ, коими сопровождалось жертвенныя приношенія южныхъ языческихъ Славянъ, невольно заставляетъ насъ бросить взглядъ на нѣкоторые современные намъ обряды и обычаи славянскихъ народовъ, преимущественно за-Дунайскихъ, наименѣе подвергавшихся вліянію западно-европейской цивилизаціи. Можетъ быть удастся подмѣтить въ этихъ обычаяхъ уцѣлѣвшія изъ древняго времени черты, которыя могли-бы пролить нѣкоторый свѣтъ на разсматриваемый нами вопросъ. Замѣчательно, что еще въ настоящее время въ Болгаріи, когда рѣжутъ свиней и иной скотъ, нѣкоторые старцы предсказываютъ, глядя «въ утробу» заколотога животного ⁴⁾). На святкахъ Болгары гадаютъ по салу убитаго животного ⁵⁾). Этотъ обычай предсказыванія или гаданія по внутренностямъ убитаго (жертвеннаго) животного очевидно сохранился въ народѣ изъ временъ глубокой старины и совпадаетъ съ обычаемъ, о которомъ рассказываетъ Прокопій. Въ извѣстные дни года, нынѣ, разумѣется, соответствующіе праздникамъ по христіанскому календарю, исполняются южными Славянами обряды, несомнѣнно имѣющіе чисто языческій

¹⁾ Strabo. V, 215.

²⁾ Гильфердингъ. Древ. пер. ист. Слав. II, 187.*

³⁾ Штриттеръ. Изв. Виз. ист. I, 14.

⁴⁾ Раковскій. Показал. I, 13

⁵⁾ Чолаковъ. Българ. н. сб. 29.

характеръ. Такъ, въ Варваринъ день, Сербо-Хорваты готовятъ изъ хлѣбныхъ зеренъ «варяцу» и гадаютъ по ней о будущемъ урожаѣ. Затѣмъ въ иныхъ мѣстахъ (напр. въ Которской Боккѣ въ Далмаціи и др.) отправляются къ водѣ, при соблюденіи строгаго молчанія. Пришедши туда, посыпаютъ воду варицей, при чемъ привѣтствуютъ воду, предлагаютъ ей въ даръ варицу, а за то испрашиваютъ разныхъ благъ: козлищъ, ягнятъ и т. п. ¹⁾ Болгарскія дѣвушки, въ окрестностяхъ Копривштицы, въ вербное воскресенье собираются къ рѣкѣ и бросаютъ въ нее куски хлѣба, послѣ чего слѣдуютъ пѣсни, игры и угощеніе ²⁾. Въ случаяхъ тяжелой болѣзни у Сербо-Хорватовъ, родственники больного предлагаютъ умиловительныя жертвы Богородицѣ или кому-либо изъ святыхъ, а именно приносятъ въ церковь курицу или какой-либо другой продуктъ сельскаго хозяйства (курица поступаетъ на кухню священнику) ³⁾. Болгары, чтобы дѣти хорошо росли, приносятъ какому-нибудь святому въ жертву ягнятъ, вино, медъ и проч., со словами: «Эту жертву приносимъ тебѣ, святой (такой-то)!» Затѣмъ закалываютъ ягненка и устраиваютъ общій пиръ, на которомъ съѣдается все приготовленное ⁴⁾. Во всѣхъ приведенныхъ и подобныхъ имъ случаяхъ нельзя не видѣть остатковъ языческихъ жертвоприношеній стихійнымъ и личнымъ божествамъ, мѣсто которыхъ заняли въ народномъ воображеніи святыя христіанской церкви. Достоинно вниманія, что въ Панагюриште, въ Болгаріи, въ нѣкоторые большіе праздники соблюдается обычай, послѣ обѣдни собираться толпами отъ 20—30 человекъ на какойнибудь дворъ и тамъ варить въ котлахъ и съѣдать мясо только что заколотого (жертвеннаго) барашка, пить, пировать и веселиться. Обычай этотъ называется церкованіемъ (черкуваніе, черкувать), а мѣсто пира—церковью (черква) ⁵⁾. Особенно замѣчательны обряды, соблюдаемые въ день св. Георгія. «На Гергѣвъ день (т. е. Юрьевъ день) колятъ жертву», говоритъ Каравеловъ о Болгарахъ и описываетъ обрядъ этого торжества. Рассказъ автора невольно переноситъ насъ въ воображеніи въ самую глубь языческой эпохи Славянства—такъ много описываемый обрядъ сохранилъ чисто-языческихъ чертъ: приносятъ бѣлаго ягненка, связываютъ ему ноги, завязываютъ глаза, на его рогахъ зажигаютъ свѣчку; домохозяинъ читаетъ тропарь св. Георгію и другія молитвы и начинаетъ рѣзать ягненка. «Подниметь кверху и скажетъ: «Св. Гѣрги, на ти ѣгне!» а вокругъ ходятъ старухи, кадятъ

¹⁾ Карадић. Срп. рјечи. Сл. «варяца».

²⁾ Чолаковъ. Българ. и. сб. 35.

³⁾ Березинъ. Хорват. II, 508.

⁴⁾ Канитцъ. Дун. болг. 81.

⁵⁾ Чолаковъ. Българ. и. сб. 46.

ладаномъ и мажутъ медомъ ротъ барашка. Подъ голову барашка подставлена чашка, куда стекаетъ кровь; кровь эта употребляется на лѣченіе людей и животныхъ». Еще подробнѣе описать авторомъ тотъ-же обрядъ у Болгаръ Пиротскаго округа, которому онъ былъ свидѣтелемъ въ 1856 году: «Выносятъ барашковъ изъ каждаго дома на чистое поле, завязываютъ имъ ноги и глаза платками, головки убираютъ вѣнками и ставятъ ихъ въ кружокъ. Вокругъ барашковъ дѣвушки и парни пляшутъ и поютъ и, поплясавъ, становятся въ кружокъ около барашковъ. Старцы начинаютъ ихъ колоть; кровь течетъ по травѣ, дѣвушки собираютъ и кровь и траву, а старухи разводять огонь и сожигаютъ веревки и платки, которыми были связаны барашки. Старцы уносятъ барашковъ домой и жарятъ на вертелѣ, а потомъ вмѣстѣ съ вертеломъ выносятъ ихъ на гору св. Георгія, а старухи несутъ боговицу (хлѣбъ), дѣвушки-же лукъ, чеснокъ, кислое молоко, и, собравшись на горѣ, ожидаютъ попа. Попъ, прочтя молитвы, беретъ съ каждаго хозяина по четверти барашка, четверть боговицы, немного луку, чесноку и кислаго молока, а потомъ уже позволяеть ѣсть всѣ эти вещи». Послѣ обѣда дѣвушки поютъ пѣсни и качаются на качеляхъ¹⁾. Стоить только замѣнить имя св. Георгія именемъ языческаго божества, и изъ описанной картины исчезнетъ и послѣдній намекъ на какое-либо соотношеніе даннаго обряда съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ. Весь обрядъ сохранилъ вполне языческій характеръ и даетъ наглядное представленіе о древнихъ языческихъ жертвоприношеніяхъ южныхъ Славянъ. Жертву закаляютъ, творя молитву, старцы (старшіе въ родѣ), при обрядныхъ пѣсняхъ и пляскахъ молодежи. Жертвенная кровь, которой приписывается чудодѣйственная, цѣлительная сила, собирается или прямо въ чашу, или съ орошенной ею травы, атрибуты жертвенныхъ животныхъ сожигаются старухами. Божеству, въ лицѣ «попа», удѣляется добрая часть приношеній, остальное-же съѣдается жертвователями — жертвенное пиршество, съ которымъ связаны пѣсни и увеселенія собравшейся толпы.

Дошедшія до насъ, въ письменныхъ памятникахъ, свѣдѣнія о богослужебныхъ обрядахъ

западныхъ Славянъ

относятся преимущественно до Славянъ Балтійскихъ. Извѣстія же о жертвенныхъ обрядахъ прочихъ западныхъ Славянъ чрезвычайно скудны, кратки и отрывочны. *Чехи*, по свидѣтельству Козьмы Пражскаго, еще въ XI столѣтіи соблюдали удержавшійся у нихъ со временъ языче-

¹⁾ Пис. болг. I, 211—212.—Ср. также Ефименко. О Яригѣ 102 и сл. •

ства обычай. въ извѣстные дни приносить жертвы водамъ и закалать животныхъ въ честь демоновъ¹⁾. Козьма Пражскій, по замѣчанію Вонсея, могъ-бы дать, въ качествѣ непосредственнаго свидѣтеля, важныя показанія о состояніи язычества, не угасшаго еще въ его время въ Чехіи, еслибы, однако, не воспретяствовала этому брезгливость христіанскаго священника и чванная ученость, пренебрегавшая жизнью простаго народа²⁾. Въ Краледворской рукописи читаемъ: «у всякаго дерева приносили огнь (Честмиръ) богамъ жертвы» и далѣе: «гдѣ отецъ давалъ богамъ яства, куда ходилъ возглашать къ нимъ,—тамъ враги порубили всё деревья»; тамъ же описанъ обрядъ жертвоприношенія «богамъ-спасамъ» за побѣду совершившюся и грядущю (т. е. жертва благодарственная и умилоствительная): «на вершинѣ скалы, любимой богами, Воймиръ возжегъ имъ обѣтъ (т. е. жертву), принесъ имъ въ жертву кравлицу бодрю, червоная (рыжая) шерсть на ней лоснилась.... Пылала жертва и приближались войны; каждый, проходя мимо жертвы, возглашалъ богамъ славу и звучалъ оружіемъ.» «Тамъ покориниъ боговъ, принесемъ богамъ-спасамъ большія жертвы и возгласимъ имъ честь и славу»³⁾. До настоящаго времени сохранились у Чеховъ обычай, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ извѣстные дни приносить жертвы стихіямъ или святымъ. Такъ напр. отъ каждой яствы полагается часть въ огонь; при печеніи хлѣба изъ новой ржи, бросаютъ въ огонь кусокъ тѣста; при жатвенномъ и храмовомъ праздникахъ забалаютъ пѣтуха и кровью его обрызгиваютъ народъ⁴⁾. Въ день св. Вита (15 іюня), еще въ XVII столѣтіи Чешскіе простолюдины приносили этому святому чернаго иѣтуха, пирогъ и вино, какъ жертвенные дары. Около того же времени, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, многіе крестьяне, заселявшіе бере-

¹⁾ Cosmas. Chron. Bohem. 197.

²⁾ Древн. быт. ист. Слав. 188—189.—Подобное же отношеніе большинства средневѣковыхъ писателей къ остаткамъ неважнаго имъ язычества послужило причиною тому, что многія черты языческаго богослуженія, не успѣвшія сохраниться въ направленныхъ противъ язычества и его обрядовъ пастырскихъ посланіяхъ или соборныхъ постановленіяхъ, для насъ остаются неизвѣстными. Еще въ XVII столѣтіи Павелъ Эйнгоръ, писавшій о Бурандскихъ Латыжахъ, въ главѣ о языческихъ ихъ празднествахъ, указавъ на то, что о нравствѣхъ этихъ почти никакъ извѣстій не имѣется, прибавляетъ: «лучше ничего не знать о такихъ бѣсовскихъ дѣлахъ, чѣмъ имѣть о нихъ какіи либо свѣданія». (Kinaborn. Reform. g. Lett. IV.)—Если такъ могли выражаться писатели XVII вѣка, то понятно, что съ неменьшею брезгливостію отворачивались отъ всего языческаго христіанскіе писатели болѣе раннихъ столѣтій, которые могли-бы, въ качествѣ очевидцевъ, изобразить въ своихъ сочиненіяхъ многія интересныя черты языческаго быта европейскихъ народовъ. Отсюда чрезвычайная скудость познаній нашихъ и о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ.

³⁾ Cestmir. Zaboj.

⁴⁾ Grohmann. Abergl. u. Böhm. 41, 75, 103.

га Эльбы, Изера и другихъ рѣкъ, ходили на богомолье въ Исполиновы горы. Мужчины несли черныхъ пѣтуховъ, а женщины—черныхъ куръ. Первыхъ выпускали въ лѣсу на волю, послѣднихъ же топили въ какомъ нибудь озерѣ, прудѣ или болотѣ. При этомъ преклоняли колѣна и молились. Въ день св. Якова (25 юля), замѣнившій у Чеховъ, вѣроятно, древній Перуновъ праздникъ (у православныхъ Славянъ — Ильинъ день), въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сего времени сохранился обычай, при особыхъ церемоніяхъ низвергать съ церковной башни, или съ крыши, или изъ высшаго окна какого либо частнаго дома, жертвеннаго козла съ позолоченными рогами, украшеннаго цвѣтами. Кровь этого животнаго собирають, тщательно высушиваютъ и хранять, какъ дѣйствительное цѣлебное средство. Мясо его съѣдается собравшеюся толпой, которая, по окончаніи этого жертвеннаго пира, предается увеселеніямъ и пляскамъ¹⁾.

Свѣдѣнія наши о жертвоприношеніяхъ *Поляковъ* ограничиваются свидѣтельствомъ Длугоша, который говоритъ, что Поляки во время народныхъ празднествъ закалали въ жертву быковъ и овецъ. Празднества же эти, очевидно, состояли изъ общественныхъ жертвоприношеній со слѣдовавшими за ними пиромъ и играми: «Въ честь боговъ—говоритъ Длугошъ—введены были игры въ определенное время года. На нихъ толпы обоюдо пола изъ деревень сходились въ города и праздновали эти игры сладострастными разговорами и жестами, кривляньями, любовными пѣснями, рукоплесканіями и разными движеніями». Сборища эти на народномъ языкѣ носили названіе стадо (stado), т. е. толпа. Стрыйковскій называетъ эти народныя празднества или сходки именемъ купала. Богинѣ Земнѣ, по свидѣтельству Прокоша, поселяне предлагали въ жертву плоды полей и садовъ своихъ. По словамъ Длугоша, въ числѣ жертвъ, приносились богамъ и люди, взятые въ плѣнъ на войнѣ²⁾.

О богослужбныхъ обрядахъ *Балтійскихъ Славянъ* мы имѣемъ извѣстія болѣе подробныя и обстоятельныя. По свидѣтельству Титмара, Лютичи, выступая въ походъ, преклонялись передъ идолами, а по счастливомъ окончаніи войны приносили имъ дары, причемъ гадали о томъ, какая именно жертва (приносимая чрезъ посредство жреца) будетъ благоугодна богамъ³⁾. Богамъ своимъ Славяне, по словамъ Гельмольда, посвящали жрецовъ, имъ приносились особенныя жертвы, ихъ почитали разнымъ образомъ. Жрецъ—пишетъ Гельмольдъ—по указанію жребія (т. е. посредствомъ гаданія) опредѣляетъ праздники, которые должны быть отправляемы

¹⁾ Reinsb. Düringsfeld. Festkal. 300—301, 363—365.

²⁾ Dlugosz. Hist. Pol. I, 48.—Ср. выше стр. 37.—Prokosz. Chron. Slav, 113,

³⁾ Chron. VI, 18.

въ честь боговъ. Сходятся мужчины, женщины и дѣти и воздаютъ богамъ жертвы, состоящія изъ быковъ и овецъ; очень многіе приносятъ въ жертву и людей, именно христіанъ, такъ какъ они убѣждены, что христіанская кровь пріятна богамъ». По закланіи жертвы, жрецъ пилъ кровь ея, въ убѣжденіи, что она сообщаетъ ему даръ прорицанія. «Храмовую службу—продолжаетъ лѣтописецъ—они исполняютъ съ необыкновеннымъ тщаніемъ и благоговѣніемъ»¹⁾. Порядокъ богослужебнаго обряда въ Ретрскомъ храмѣ въ краткихъ словахъ описанъ Титмаромъ: когда сходятся ко храму народъ, для принесенія идоламъ жертвъ и умилостивленія ихъ гнѣва, одни жрецы садятъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе стоятъ. «Съ тайнымъ трепетомъ и шепетомъ—пишетъ авторъ—они (жрецы) роютъ землю и бросаютъ жеребья, по которымъ развѣдываютъ истину въ сомнительныхъ случаяхъ». По окончаніи этого гаданія, они закрывали дерномъ жеребья и обращались къ гаданію посредствомъ священнаго коня. Последняго со смиренными молитвами проводили черезъ острія двухъ воткнутыхъ въ землю, перекрещивающихся копій, и, если ходомъ коня подтверждался результатъ предшествовавшаго гаданія (посредствомъ жеребьевъ), то предпринятое намѣреніе приводилось въ исполненіе, въ противномъ же случаѣ съ печалью оставляли начатое²⁾. Весьма сходно съ описаннымъ было гаданіе, также посредствомъ жеребьевъ и по ходу коня, совершавшееся жрецами Штетинскаго храма³⁾. Съ наибольшей подробностью описано торжество въ честь Святовита Арконскаго на островѣ Руянѣ, жители котораго, по словамъ Адама Бременскаго и Гельмольда, въ дѣлѣ служенія богамъ играли между Балтійскими Славянами первенствующую роль. «Въ честь кумира (Святовита)—пишетъ Саксонъ Грамматикъ—совершали годовой праздникъ слѣдующимъ образомъ: вскорѣ послѣ жатвы собирались жители со всего острова передъ храмомъ, приносили жертвы и потомъ отправляли общественный пиръ, именемъ своей вѣры. Жрецъ, который, вопреки обыкновенію страны, не стригъ ни головы, ни бороды, еще за день до праздника, святилище храма, куда входъ только ему былъ дозволенъ, выметалъ вѣвникомъ, какъ можно лучше, притомъ стараясь совсѣмъ не дышать внутри храма; потомъ всякій разъ, принужденный выдохнуть и вдохнуть воздухъ, онъ выбѣгалъ къ дверямъ, чтобы не осквернить присутствія божества дыханіемъ человѣческимъ. На другой день народъ располагался вокругъ храма. Верховный жрецъ, въ виду

¹⁾ Chron. I, 52; II, 12.

²⁾ Chron. VI, 17.

³⁾ Herbord. Vita S. Ott. II, 32. См. ниже ст.: «Мѣсяць» (Триглавъ).

всѣхъ, бралъ рогъ изъ рукъ кумира и, если находилъ, что вина убыло или испарилось въ большемъ количествѣ, то онъ возвѣщалъ бесплодный годъ и повелѣвалъ беречь хлѣбъ на другой годъ; но если вино стояло въ рогѣ такъ, какъ ожидали, верховный жрецъ предсказывалъ плодородный годъ. По мѣрѣ сего знаменія, совѣтовалъ народу или беречь, или изводить хлѣбъ; потомъ онъ выливалъ старое вино къ ногамъ кумира, въ возліяніе ему, и наполнялъ снова рогъ; почтивъ идола, какъ будто онъ долженъ былъ пить прежде своего жреца, желалъ, исчисляя его проименованія, себѣ и отечеству счастья, гражданамъ приращенія имущества и побѣдъ. Окончивъ рѣчь, осушалъ рогъ скоро, за одинъ разъ, потомъ наполнялъ его опять виномъ и давалъ въ руки кумиру. При семъ праздникѣ употребляли еще пирогъ круглый, сладкій, необыкновенной величины, почти съ человѣка. Жрецъ ставилъ пирогъ между собою и народомъ и потомъ спрашивалъ, видятъ ли его? Когда Руяне говорили, что видятъ, то онъ обнаруживалъ желаніе, чтобы годъ былъ такъ плодороденъ, чтобы его за пирогомъ совсѣмъ было не видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ не только благосостоянію народа, но и обилью слѣдующей жатвы. Наконецъ, верховный жрецъ привѣтствовалъ присутствующій народъ именемъ бога, увѣщевалъ его ревностно приносить жертвы и общалъ за то непреложно побѣду на морѣ и сушѣ». Тотъ же писатель рассказываетъ и о гаданіи посредствомъ священнаго Святовитова коня: «При наступающей войнѣ, его (коня) спрашивали объ успѣхѣ войны слѣдующимъ образомъ: служители бога передъ храмомъ втыкали въ землю тройной рядъ копій, острымъ концомъ; ряды копій, связанныхъ по два на-крестъ, отстояли одинъ отъ другаго ровно; жрецъ, по совершеніи торжественнаго моленія, выводилъ изъ воротъ коня за узду; если конь дѣлалъ шагъ черезъ копыя прежде правою, а потомъ лѣвою ногою, почитали за счастливый признакъ, но если онъ шагнулъ хотя одинъ разъ сперва лѣвою, то планъ войны измѣнялся. Точно такъ они не прежде почитали путешествіе по морю безопаснымъ, какъ когда три раза сряду предсказанъ будетъ счастливый успѣхъ» ¹⁾. Въ Штетинскомъ святилищѣ также посредствомъ метанія деревянныхъ жеребьевъ производились предвѣщанія объ удачѣ морскихъ битвъ или грабежа ²⁾. Предпринимая какое-либо дѣло, жители острова Руяны гадали и по первому встрѣченному животному: судя по оказавшимся признакамъ, или приводили намѣреніе свое въ исполненіе, или же съ грустью возвращались домой ³⁾. Къ гаданіямъ же должны быть отнесены и чу-

¹⁾ Saxo. Hist. Dan. 824—827.

²⁾ Herbord. Vita. S. Ott. II, 32.

³⁾ Saxo. Hist. Dan. 827.

десныя явленія, обнаруживавшіяся на озерѣ Гломуци, о которыхъ упоминаетъ Титмаръ (см. выше стр. 19). Окрестные жители вѣроятно гадали, посыпая поверхность озера хлѣбными зернами, желудями, пепломъ, или изливая въ воду кровь. Озеро, какъ видно изъ словъ лѣтописца, покрытое перечисленными предметами, предвѣщало будущее.—Выше приведено было свидѣтельство Гельмольда о томъ, что, по мнѣнію Балтійскихъ Славянъ, христіанская кровь была пріятна богамъ. По словамъ Гельмольда, Руяне ежегодно приносили въ жертву Святовиту христіанина, по указанію жребія ¹⁾). Подтвержденіе извѣстія о человѣческихъ жертвахъ находимъ и у другихъ писателей: «Страшный гнѣвъ боговъ они умилостивляли кровью людей и животныхъ», пишетъ Титмаръ ²⁾). Адамъ Бременскій рассказываетъ, какъ жители Ретры (въ 1066 г.) убили епископа Іоанна. Тѣло убитаго было выброшено на улицу, голова же его, насаженная на шесть, была принесена въ жертву богу Редигасту ³⁾). Возвращаясь къ жертвеннымъ обрядамъ. «Послѣ совершенія, по обычаю, жертвоприношенія—говоритъ Гельмольдъ—собравшіеся обращались къ пиршеству и забавамъ» ⁴⁾). Въ Штетинской главной континѣ хранились чаши, которыя въ праздничные дни выносились оттуда и служили знатнымъ людямъ для гаданія и пированія ⁵⁾). Пиромъ заключался и праздникъ въ честь Святовита Арконскаго: «Остальная часть дня (послѣ совершенія вышеописанныхъ гаданій, молитвъ и увѣщаній народа) проходила въ пышномъ пиру, на которомъ потреблялись жертвы—пишетъ Саксонъ Грамматикъ. Здѣсь неумѣренность была добродѣтелью, а воздержаніе—стыдомъ» ⁶⁾). Ре-

¹⁾ Chron. I, 52.

²⁾ Chron. VI, 18. — Рассказывая объ обезглавленіи Лютичами начальника взятаго ими города Nimci, Титмаръ называетъ этотъ актъ жертвою богамъ. Тамъ-же. IV, 9.

³⁾ Hist. eccl. II, 50.

⁴⁾ Chron. I, 52.

⁵⁾ Herbord. Vita. S. Ott. II, 32.

⁶⁾ Hist. Dan. 825. — Мясо жертвенныхъ животныхъ съѣдалось жертвователями, кости же вѣроятно зарывались въ землю: Лужицкіе Сербы еще въ прошедшемъ столѣтіи зарывали косточки отъ телячьей головы, составлявшей обрядное пасхальное кушанье, подъ воротами хлѣва, какъ средство, ограждающее отъ колдовства. (Prov.-blätter d. Oberlaus. G. d. Wiss. 1783. 72.) Обязательное зарываніе въ землю костей животныхъ, составляющихъ въ нѣкоторые праздничные дни обрядную трапезу, наблюдается нерѣдко въ числѣ обычаевъ разныхъ Славянскихъ народовъ. Народы Литовскаго племени, во времена язычества, также зарывали обыкновенно кости жертвенныхъ животныхъ, дабы они не сдѣлались добычей звѣрей и тѣмъ не подверглись оскверненію. — Что же касается неумѣренности за праздничнымъ пиромъ, то до настоящаго времени Словаки въ головой зимнѣй (рождественскій) праздникъ считаютъ необходимымъ, за обрядной трапезой наѣдаться до изнеможенія, или, какъ они выражаются, «до гофрики», вслѣдствіе чего и самый св. вечеръ получилъ у нихъ, на народномъ языкѣ, названіе «обжорнаго». (Sbor. Mat. Slov. 167.)—Малоруссы при томъ же случаѣ считаютъ долгомъ насыщаться взваромъ и кутьей до крайней возможности, послѣдствіемъ чего обыкновенно бываетъ боль въ животѣ. (Терещенко. Быть р. нар. VII, 63.)—Народы Литовскіе, какъ увидимъ ниже, за обрядной трапезой наѣдались «до рвоты».

лігіозне значеніє этого пиршества (и другихъ подобныхъ ему) подтверждается словами Саксона, что оно совершалось «именемъ вѣ-ры». Выше (стр. 42) было приведено свидѣтельство Гельмольда о томъ, что Славяне на своихъ пирахъ и попойкахъ пили круговую чашу и при этомъ произносили «во имя боговъ» (добраго и злаго) слова не благословія, а проклятія, т. е. заклинанія. Это также указываетъ на несомнѣнно религіозный характеръ такихъ пировъ. Употребленіе въ Штетинѣ на праздничныхъ пирахъ, для питія и гаданій, чашъ, хранившихся въ главной континѣ, т. е. представлявшихъ въ нѣкоторомъ родѣ священную утварь, точно такъ же подтверждаетъ религіозное значеніе праздничныхъ пооекъ.—Гербордь упоминаетъ о ночномъ празднествѣ Поморянъ близъ Пирца, происходившемъ 4 Іюня 1121 года: «Приблизившись—разсказываетъ у него Сефридъ—мы увидѣли около 4000 человекъ, собравшихся со всей страны. Былъ какой-то языческій праздникъ, и мы испугались, увидѣвъ, какъ безумный народъ справлялъ его играми, сладострастными тѣлодвиженіями, пѣснями и громкими крикомъ», при чемъ толпа была въ опьяненіи отъ напитковъ и праздничнаго веселья ¹⁾.

Приведенныя данныя съ достовѣрностью показываютъ, что у Балтійскихъ Славянъ богослужебные обряды получили сравнительно болѣе развитыя формы. Здѣсь богослуженіе сдѣлалось достояніемъ жрецовъ, приставленныхъ къ храмамъ и, слѣдовательно, связанныхъ извѣстными обязанностями, по болѣе или менѣе точно выработанному уставу. Жрецы имѣли особое бѣлое одѣяніе [въ такомъ одѣяніи предсталъ въ лѣсу, какъ разсказываютъ жизнеописатели св. Оттона Бамбергскаго, крестьянину жрецъ Яровита, вѣщавшій ему отъ имени своего бога ²⁾]; на нихъ возложено было, въ Арконскомъ, Ретрскомъ, Штетинскомъ и др. святилищахъ, наблюденіе за священными конами, содержавшимися при храмахъ, забота о сохранности храмовыхъ сокровищъ, о чистотѣ внутри храма; они, по свидѣтельству Гельмольда, назначали дни праздниковъ, закалали жертву и вдохновлялись жертвенною кровью, которую пили, вопрошали боговъ и предвѣщали народу будущее, рѣшая предлагаемые богамъ вопросы, посредствомъ гаданій, возглашали молитвы, подавали присутствовавшимъ совѣты и поученія. И самый обрядъ богослуженія долженъ былъ естественно принять здѣсь болѣе точно опредѣленную, болѣе развитую форму, чѣмъ у южныхъ (и, какъ увидимъ ниже, также

¹⁾ Vita. S. Ott. II, 14.

²⁾ Тамъ-же. III, 4.

у восточныхъ) Славянъ, у которыхъ приносили жертвы и руководили общественными молитвенными обрядами не жрецы, связанные специальными храмовыми уставами, а князья или старейшины, т. е. старшие въ родѣ, слѣдовавшіе въ этомъ дѣйствиі лишь общими, разумѣется, болѣе простымъ, традиціоннымъ формамъ и приемамъ. (Ср. также слова «Кралев. рукоп.»: «гдѣ отецъ давалъ богамъ яства», т. е. именно старшій въ домѣ). О томъ, что храмовая служба у Балтійскихъ Славянъ исполнялась, по словамъ Гельмольда, съ особеннымъ тщаніемъ и благоговѣніемъ, было говорено выше. Наибольшей подробностью отличается дошедшее до насъ въ сочиненіи Саксона Грамматика описаніе службы въ честь Святовита Арконскаго,—въ ней заключаются главные моменты богослуженія: жертвоприношеніе, гаданіе, молитвы жреца и обращенныя имъ къ народу поученія, наконецъ, жертвенная трапеза съ попойкой и увеселеніями народа; служеніе Святовиту въ Арконскомъ храмѣ выработалось въ совершенно специальную форму, въ точности установленную и ежегодно въ такомъ видѣ исполняемую. Въ такомъ же родѣ, хотя, разумѣется, съ мѣстными специальными оттънками, было служеніе богамъ въ Штетинскомъ и Ретрскомъ храмахъ (см. выше стр. 48) и въ другихъ мѣстахъ. Что касается Волини (Поморской), то тамъ, по словамъ Эбона, «народъ имѣлъ обычай праздновать въ началѣ лѣта торжество какого-то божества; на этотъ праздникъ для игръ и плясокъ сходилось множество народа. Когда Волиницы обращались въ христіанство—продолжаетъ тотъ-же авторъ—тогда, по приказу Оттона, преданы были огню большіе и малые идолы, стоявшіе на открытомъ мѣстѣ. Нѣкоторые изъ жителей тайно унесли и скрыли нѣсколько небольшихъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ изваяній. Пришло время названнаго языческаго праздника, сошелся съ обычнымъ усердіемъ изъ всей области народъ и предавался различнымъ играмъ и пиршеству, когда передъ него вынесли сохраненныя изображенія его прежнихъ боговъ. Этого было достаточно, чтобы разгоряченный веселіемъ народъ снова возвратился къ старому языческому обряду служенія имъ»¹⁾).

Кромѣ описанныхъ общественныхъ жертвоприношеній и служеній богамъ, совершались и частныя приношенія и молитвы. Заключаемъ объ этомъ изъ слѣдующихъ словъ Адама Бременскаго: «Ходъ черезъ мость (который велъ къ Ретрскому храму) — пишетъ онъ—разрѣшается только тѣмъ, которые желаютъ совершить жертвоприношеніе или вопрошать боговъ»²⁾. Гельмольдъ говоритъ,

¹⁾ См. у Бодларевскаго. Связ. съ Отт. 60.

²⁾ Hist. eccl. II, 18.

что во дворъ святилища бога Прове допускались только жрецы, а также желавшіе приносить жертву ¹⁾. О предложениі въ даръ богамъ частными лицами разныхъ драгоценныхъ предметовъ, какъ добровольныхъ приношеній, видно изъ словъ Саксона Грамматика: «можно было видѣть здѣсь (въ Арконскомъ храмѣ) и множество общественныхъ и частныхъ даровъ—говоритъ Саксонъ—жертвованныхъ благочестивыми обѣтами требующихъ помощи» ²⁾.

Восточные Славяне

также приносили, какъ стихійнымъ, такъ и личнымъ божествамъ своимъ жертвы и гадали. «Россы, по свидѣтельствѣ Константина Багрянороднаго, у весьма высокаго дуба приносили въ жертву живыхъ птицъ. Дѣлали также кругъ стрѣлами, другіе вляли туда хлѣбъ или что другое при себѣ имѣли. Послѣ того бросали жеребья и гадали, колотъ ли имъ птицъ и ѣсть, или выпустить на волю» ³⁾. Воины Святослава, по словамъ Льва Діакона, погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ, по совершеніи погребенія воиновъ, павшихъ въ битвѣ ⁴⁾. Обрядъ этотъ вѣроятно имѣлъ значеніе жертвоприношенія водѣ. Выше (стр. 30 и сл.) приведены были разныя свидѣтельства о принесеніи Русскими жертвъ кровныхъ и безкровныхъ болотамъ, колодезямъ, озерамъ, роцамъ, горамъ, холмамъ, свѣтиламъ небеснымъ, наконецъ личнымъ божествамъ. Несторъ, перечисливъ русскихъ кумировъ, поставленныхъ Владиміромъ въ Кіевѣ, прибавляетъ: «жряху имъ, наричующы ѧ богы; привожаху сыны своя и дѣщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровныи земля руска и холмъ отъ» (на которомъ стояли кумиры). «Жряху ему (кумиру, поставленному Добрыней въ Новгородѣ) люди Ноугородстии, ази Богу» ⁵⁾. Въ житіи Константина Му-

¹⁾ Chron. I, 83.

²⁾ Hist. Dan. 825.—Къ жертвеннымъ обрядамъ слѣдуетъ отнести и характеристическій обычай Лютичей, упоминаемый Титмаромъ: «При заключеніи мира—говорятъ онъ—Лютичи отрѣзываютъ у себя волосы съ макушки и передаютъ ихъ другой, договаривающейся съ ними сторонѣ, правой рукой, виѣсть съ пучкомъ травы» (Chron. VI, 18). Замѣчательно, что, по свидѣтельству Геродота, сходнымъ образомъ чествовались на островѣ Делосѣ умершія Гибрборейскія дѣвы: вѣстныя дѣвушки и юноши, въ видѣ чествованія умершихъ дѣвъ, приносили на могилу ихъ свои волосы, намотанные на прилки (дѣвушки) или на наколибо растеніе (юноши). (IV. 34).—Бѣльскій рассказываетъ, что Чехи въ 734 году, оплакивая смерть Любуши, бросали въ возженный у ея могилы огонь обрѣзанные волосы и ногти (M. Bielski. Krop. ws. sw. L. 220).—До сего времени въ Черногоріи матери и сестры умершаго отрѣзываютъ свои косы и кладутъ ихъ въ могилу виѣсть съ дорогими покойникомъ. (Аванасьевъ. Поэт. воз. I, 117.)

³⁾ Штритгеръ. Изв. Виз. ист. III, 39.

⁴⁾ Срезневскій. Изв. богосл. 21.

⁵⁾ П. С. Р. Л. I, 34.

ромскаго говорится, что Русскіе язычники приносили требы озерамъ и рѣкамъ, прибѣгали къ водѣ въ немощахъ и повергали въ колодези деньги. «Гдѣ коня закалающіи?» восклицаетъ авторъ житія обьяскоренномъ языческомъ обычая¹⁾. «Твое конунгонское величество и твое лицо, воспитатель мой, остаются всегда масковы и свѣтлы, говорилъ Олавъ князю Владиміру, когда ты не ѣдишь въ капище, и не приносишь божествамъ жертвъ; въ противномъ случаѣ ты представляешься мнѣ мрачнымъ и скучнымъ»²⁾. Въ Словѣ Христолюбца упоминается о «жертвахъ идольскихъ», «покладывахуть имъ (богамъ) теребы и куры имъ рѣжють», тамъ же и въ другихъ упомянутыхъ выше (стр. 36) поученіяхъ говорится о «нечестивыхъ жертвахъ», о «Діевомъ служеніи и владеніи тревъ», о «владеніи тревъ Роду и Рожаницамъ, ушремъ и берегинямъ», о «моленіи короваевъ», о питіи чашъ на пирахъ въ честь идоловъ, о закланіи куръ идоламъ, о метаніи жертвъ въ воду, о предложеніи «бѣсамъ» молока, масла, яицъ и «всего потребнаго». Архіепископъ Макарій Новгородскій писалъ еще въ 1534 г. въ Вотскую Пятину: «И молятца деи по сввернымъ своимъ молебницомъ древесомъ и каменью.... и жертву деи и питья жрутъ и піють мерзкимъ бѣсомъ»³⁾. Обычаи языческихъ жертвоприношеній оставили глубокіе, неизгладимые слѣды и въ современной намъ народной жизни. До сего времени народъ предлагаетъ стихійнымъ божествамъ и духамъ или святымъ, замѣнившимъ собою древнихъ боговъ, жертвенные дары. Приведу нѣсколько примѣровъ: Великорусскія поселянки встрѣчаютъ весну съ пирогомъ, который кладутъ въ даръ ей, на землю⁴⁾. Въ городѣ Котельничѣ (Вятской губерніи) сохранился обычай приносить въ жертву куръ, съ цѣлью отвратить болѣзнь или какое нибудь другое несчастіе. Избираютъ для этого куръ-троецыпятницъ, т. е. такихъ, которыя вывели цыплятъ по три раза; перья ихъ и внутренности тщательно собираются въ корчагу, а оципанныхъ куръ варятъ и ставятъ на столъ. Призывается священникъ; отслуживъ молебенъ, онъ благословляетъ жертвенное мясо и окропляетъ его св. водою. Оставшіяся отъ этихъ куръ кости складываютъ въ ту же корчагу, въ которую прежде положены были перья и внутренности, и все это вмѣстѣ съ корчагою бросаютъ въ рѣку или прячутъ въ лѣсу⁵⁾. (Ср. въ Словѣ христолюбца: «Куры имъ (богамъ) рѣжють»; въ словѣ о томъ, како первое погани вѣ-

¹⁾ Костомаровъ. Нам. стар. р. лит. I, 235.

²⁾ Сага Олав. Тригвес. Рус. Ист. Сбор. IV, 47.

³⁾ Доп. къ лит. ист. I, 27—28.

⁴⁾ Сахаровъ. Сказ. р. нар. II, VII, 22.

⁵⁾ Этн. Сбор. V. 68—72.

ровали въ идола: «о убогая курята, оже не на честь святемъ породипаса, ни на честь вѣрнымъ человекомъ, но на жертву идоламъ рѣжутся.) Въ Орловской губ. и донинѣ рѣжутъ курь подь овиномъ 4-го сентября, слѣдовательно, при началѣ молотбы; въ другихъ-же мѣстахъ уцѣлѣлъ обычай рѣзать въ овины пѣтуха 1-го ноября ¹⁾. (Ср. въ церковномъ уставѣ Владимира о молитвахъ «подь овиномъ», въ словѣ Христолюбца: «молятся огневѣ подь овиномъ».) Въ Пошехонскомъ уѣздѣ (Ярославск. губ.) до сего времени нѣкоторыя деревья, роши, колодези, считаются святыми и чествуются приношеніями, молебнами и крестными ходами ²⁾. Сувѣрные рыболовы весною умилостивляютъ водянаго, бросая ему въ даръ лошадь въ рѣку и дѣлая въ честь его же возліаніе масла въ рѣку, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ мельники приносятъ ему (черту) въ даръ разъ въ годъ черную откормленую свинью ³⁾. (Ср. въ церковномъ уставѣ Владимира о молитвахъ «въ рощени и у воды», въ посланіи митрополита Іоанна Русскаго: «и еже жрутъ бесомъ и болотомъ и кладезямъ»; въ Густинской лѣтописи: «инне кладеземъ, езеромъ, рощеніямъ жертву приношаху» и т. п.) Ублаженіе домоваго и двороваго духовъ посредствомъ жертвенныхъ угощеній во многихъ мѣстахъ еще не вышло изъ обычая. (См. ниже въ статьѣ: «Огонь»). Сохранился также обычай въ извѣстные праздничные дни, въ честь празднуемаго въ соотвѣтствующій день святаго, убивать купленнаго на общій (мірской) счетъ быка, теленка или барашка. «На Петровъ день барашка въ лобъ», говорятъ крестьяне. Мясо животныхъ, закланыхъ къ праздникамъ, называется «моленнымъ кусомъ». (Ср. въ словѣ Христолюбца выраженія: «коровай молятъ», «моленное то брашно» ⁴⁾.) Пермьки въ Ильинъ день приносятъ въ часовни, въ коихъ празднуютъ Пророку Іліи, жаренныя козы и бараньи головы съ горохомъ, служатъ молебны и просятъ защиты скоту и овощамъ. Празднуя день Маріи Голендухи, приносятъ въ часовню жаренныхъ курь и индѣекъ, испрашивая покровительства домашнимъ птицамъ ⁵⁾. (Ср. въ посланіи Архіепископа Макарія: «жертву приношаху кровную бѣсомъ, вола и овцы, и всякъ скотъ и птицы».) Историческіе памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что и на Руси приносились иногда въ жертву люди. Ибнь-Даста, гора о высокомъ значеніи у Русовъ знахарей, прибавляетъ: «Взявъ

¹⁾ Аванасьевъ. Повт. воз. III, 770—771.

²⁾ Гр. Яросл. ст. ком. V, 160.

³⁾ Сахаровъ. Сказ. р. нар. II. VII, 21. — Терещенко. Бытъ р. нар. VI, 11—12.

⁴⁾ Тихонравовъ. Лѣт. р. лѣт. IV. 3: 89, 92, 93.

⁵⁾ Перм. Сбор. II, 30.

человѣка или животное, знахарь накидываетъ ему петлю на шею, навѣшаетъ жертву на бревно и ждетъ, пока она не задохнется, и говоритъ, что это жертва Богу ¹⁾. Владимиръ, послѣ побѣды надъ Ятвягами, по словамъ Нестора, творилъ «потребу кумирамъ съ людьми своими. И рѣша старцы и бояре: мчемъ жребій на отрока и дѣвицу, на кого-же падеть, того зарѣжемъ богомъ». Жребій палъ на Варяга-христіанина, который и былъ принесенъ въ жертву ²⁾. «Уже не идолослужители зовемся — христіанами, говоритъ митрополитъ Иларіонъ (Xlv.), уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга» ³⁾. Въ русскихъ свазаніяхъ и былинахъ еще живетъ воспоминаніе о чело- вѣческихъ жертвахъ. Стеньга Разинъ, по свидѣтельству Страуса, принесъ въ даръ Волгѣ свою любовницу, плѣнную персидскую княжну ⁴⁾. Садко въ русской былинѣ бросается спутниками своими въ море, какъ умиловительная жертва царю морскому ⁵⁾. Жертвенной крови и у Русскихъ (какъ у южныхъ и западныхъ Славянъ) приписывалась особенная сила: «Уже не жертвенныя кро- ве вкушающе погибаемъ — говоритъ митрополитъ Иларіонъ — но Христовы пречистыя крови вкушающе спасаемъ» ⁶⁾. Воспомина- ніе о чудодѣйственной силѣ крови жертвеннаго животного сохрани- лось у Русскихъ до нашего времени. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверо-восточной Россіи, кровью убитой въ Рождеству свиньи брыз- гаютъ въ огонь, на которую обжигаютъ тушу, и думаютъ, что вслѣдствіе такого обряда нечистая сила перестанетъ ходить по хлѣ- вамъ и портить скотину ⁷⁾.

Между различного рода гаданіями, совершаемыми въ разныхъ мѣстахъ Россіи, связанными обыкновенно съ известными праздни- ками, а потому имѣющими обрядное значеніе, мы встрѣчаемъ такіа, которыя совпадаютъ съ упомянутыми выше гаданіями древнихъ юж- ныхъ и западныхъ, именно Балтійскихъ, Славянъ. Сюда принадле- жатъ прежде всего гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ живогныхъ, кромѣ въ старину бывшія въ обычаѣ и у Русскихъ. Заключаетъ объ этомъ по упомянутому до нынѣ обычаю гадать по селезенкѣ кабана, убитого на колѣду, о томъ, будетъ-ли зима холодная или съ оттепелями, а также по зернамъ, найденнымъ въ zobу гуса, зарѣзаннаго 24 ноября, какой именно хлѣбъ родит- ся въ будущее лѣто; ходить на свѣтъхъ въ сарай, гдѣ стоятъ

¹⁾ Гурлова. Сказ. Мудрца. 269.

²⁾ И. С. Р. I. 1. 33.

³⁾ И. С. Р. I. 1. 33.

⁴⁾ Бестужевъ. Битва съ Раз. 24.

⁵⁾ К. Давыдовъ. Кр. р. ст. 235.

⁶⁾ И. С. Р. I. 1. 33.

⁷⁾ Герасимовъ. Битва съ вол. VII. 111.

свиныя туши, отъ которыхъ, по народному повѣрiю, слышится голосъ, опредѣляющій будущую судьбу гадающаго. Въ Изборникѣ Святослава (1073 г.) упоминается «іаѣтробный влѣхвъ» ¹⁾. (Ср. обычай у Болгарь «глядѣть въ утробу», гадать по салу убитаго животнаго.) О гаданiяхъ относительно предмета жертвоприношенiя, посредствомъ жеребьевъ, имѣемъ свидѣтельства древнихъ писателей: Россы, по словамъ Константина Багрянороднаго, бросали жеребья и гадали, колотъ ли имъ птицъ или пустить на волю; въ Несторовой лѣтописи читаемъ: «мчемъ жребіи на отрока и дѣвицу, на кого же падеть, того зарѣжемъ богомъ» ²⁾; въ былинѣ «Садковъ корабль сталъ на морѣ», Садко обращается къ своимъ товарищамъ, желая узнать, кого слѣдуетъ принести въ жертву морю (морскому царю): «А и рѣжьте жеребья вы волжены—а и всякъ-то пиши на имена—и бросайте ихъ на сине море» ³⁾. Гаданiя по ходу коня и посредствомъ печеній или вообще кушаній, возведенныя у Балтійскихъ Славянъ въ литургическій обрядъ и безъ сомнѣнiя ведущія свое начало изъ глубокой древности, также извѣстны въ Россіи: дѣвушка на святкахъ садится на лошадь, завязываетъ ей глаза и даетъ ей волю идти въ ту сторону, куда она хочетъ, заключая по ходу ея о томъ, быть ли ей замужемъ или остаться безъ жениха; или выводятъ изъ конюшни лошадь черезъ оглоблю: зацѣпить она ногою оглоблю, или перешагнетъ—служить худымъ или хорошимъ предзнаменованiемъ ⁴⁾. Въ Малой Руси на рождественскихъ святкахъ соблюдается слѣдующій обрядъ: отецъ семейства садится за столъ, на которомъ стоятъ кушанья, обставленныя снопами. Онъ спрашиваетъ: «видите ли вы меня, дѣти?» Ему отвѣчаютъ: «не видимъ». Онъ говоритъ: «ну, дай Богъ, чтобы и на тотъ годъ не видѣли» ⁵⁾. Нельзя не замѣтить во всѣхъ этихъ гаданiяхъ разительнаго сходства съ вышеописанными гаданiями въ Ретрскомъ, Штетинскомъ и Арконскомъ храмахъ ⁶⁾.

¹⁾ Аванасьевъ. Повт. воз. II, 259; III, 424.—Абевега р. суев. 152.

²⁾ П. С. Р. Л. I, 35.

³⁾ К. Даниловъ. Др. р. ст. 234.

⁴⁾ Абевега р. суев. 153.—Сахаровъ. Сказ. р. нар. I, II, 67.

⁵⁾ Костомаровъ. Слав. мио. 97.—Совершенно сходный святочный обычай встрѣчается и у южныхъ Славянъ. Такъ, въ Герцеговинѣ, на рождественскій праздникъ, берутъ двое «чесницу» (хлѣбъ) и ставятъ между собою. Одинъ спрашиваетъ другаго: «виденъ ли я въ за хлѣба?» Другой отвѣчаетъ: «немного виденъ». Тогда первый говоритъ: «нынче немного, пусть же въ будущемъ году совсемъ не буду виденъ». (Караѣиѣ. Срп. рјечн. 356.)—Тотъ же мотивъ повторяется и въ болгарскомъ разсказѣ: Пришелъ попь въ село за получениемъ обычнаго праздничнаго сбора съ поселянъ съѣстныхъ продуктовъ. Сложивъ свою добычу въ вучу, онъ скрылся за нее и спросилъ: «видите ли меня селяне?» — Видимъ тебѣ, видимъ, сказали селяне. — «Дай Богъ, чтобы въ будущемъ году не видѣли!» воскликнулъ попь. (Чолаковъ. Българ. н. сб. 133.)

⁶⁾ У Чеховъ гадаютъ, какъ нѣкогда Балтійскіе Славяне: бросаютъ на землю, въ

До насъ не дошло въ древнихъ письменныхъ памятникахъ описанія обряда общественнаго жертвоприношенія восточныхъ Славянъ. Впрочемъ, картину этого обряда мы находимъ въ двухъ старинныхъ обрядныхъ пѣсняхъ, сообщенныхъ Сахаровымъ. Первая изъ нихъ поется во время ночнаго шествія, служащаго изгнанію «коровей смерти» (см. ниже ст.: «Смерть»); въ ней изображается умиловительное жертвоприношеніе, при которомъ произносится проклятіе на смерть (заклинается смерть):

... Старцы старые ...
 Колять, рубать намертво
 Весь животь поднебесной.
 На крутой горѣ, высокой,
 Кипят котлы кипучіе.
 Въ тѣхъ котлахъ кипучихъ
 Горитъ огнемъ негасимымъ
 Весья животь поднебесной.
 Вокругъ котловъ кипучихъ
 Стоять старцы старые,
 Поютъ старцы старые
 Про животь, про смерть,
 Про весь родъ человѣчь.
 Кладутъ старцы старые
 На животь обѣтъ великъ,
 Сулятъ старцы старые
 Всему міру животы долгие.
 Какъ на ту ли злую смерть
 Кладутъ старцы старые
 Проклятыце великое¹⁾.

Въ другой пѣснѣ—святочной, изображено приготовленіе къ жертвенному закланію козла на Коляду, что несомнѣнно подтверждаютъ какъ повторяющійся въ пѣснѣ нѣсколько разъ припѣвъ: «Ой коліюдка!», такъ и прямое указаніе въ пѣсни на пѣніе молодцами и дѣвцами «пѣсенъ коліодушекъ»:

За рѣкою за быстрою,
 Ой коліюдка, ой коліюдка!
 Лѣса стоять дремучіе,
 Въ тѣхъ лѣсахъ огни горять,
 Огни горять великіе,
 Вокругъ огней скамьи стоять,
 Скамьи стоять дубовныя,
 На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,

видѣ жеребьевъ, три расколота подѣна: если они упадутъ сверху расколотымъ (т. е. бѣлой стороною), это значитъ счастье, если же корою (черной стороною), это знакъ несчастія. Эрбенъ. О Слав. мнѣ. 86. *

¹⁾ Сахаровъ. Сказ. р. нар. II. VII, 13.

— 59 —

Добры молодцы, красны дѣвицы
Поють пѣсни коліодушки.
Ой коліодка, ой коліодка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидить,
Онъ точить свой булатный ножъ.
Котель кипить горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотять козла рѣзати.
Ой коліодка, ой коліодка!.. ¹⁾

По совершеніи общественнаго жертвоприношенія слѣдовало съѣденіе мяса жертвеннаго животнаго — жертвенная трапеза (пиршество) и попойка съ играми, пѣснями и плясками. Константинъ Багрянородный, говоря о Россахъ, что они бросали жеребья и гадали, «колоть ли имъ птицъ и ѣсть, или выпустить на волю», подразумѣвалъ, конечно, гаданіе о жертвенной, а не простой трапезѣ. Въ словѣ «о томъ, како первое погани вѣровали въ идолы» послѣ упоминанія о курахъ, которыя «на жертву идоламъ рѣжются», прибавлено: «и то блутивши сами ядять». Далѣе, въ томъ же словѣ, читаемъ: «проповедающе мясо, и масло, и яйца, и вся потребная бесомъ... и то все проповеданье сами ѣдятъ и пють, ихъ же не достоятъ ни псомъ ясти». Въ приведенной выше (стр. 58) пѣснѣ, исполняемой при изгнаніи «коровьей смерти», старцы, прежде чѣмъ приступить къ закланію животныхъ,

Ставить столъ бѣлодубове,
Стелать скатерти бранныя.

Очевидно, въ этихъ стихахъ изображены приготовленія къ предстоящему жертвенному пиршеству. Мясо жертвенныхъ животныхъ варится въ «котлахъ кипячихъ», съ тѣмъ, разумѣется, чтобы впоследствии быть съѣденнымъ жертвователями. Такое же назначеніе несомнѣнно имѣеть и мясо упоминаемаго во второй вышеприведенной (святочной) пѣсни козла, обреченнаго на закланіе. Его собираются рѣзать возлѣ пылающаго костра и кипящаго «котла горючаго», слѣдовательно, мясо его будетъ вариться для предстоящей общественной трапезы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи крестьяне при запашкѣ варятъ брагу, носятъ въ церковь освящать часть баранины, чернаго пѣтуха и хлѣбы, и потомъ пируютъ сообща цѣлой деревней²⁾. Кромѣ того существуетъ упомянутый выше (стр. 55) обычай, въ извѣстные праздничные дни, напр. Ильинъ день, Петровъ

¹⁾ Сахаровъ. Сказ. р. нар. I. III, 16.

²⁾ Терещенко. Быть р. нар. V, 34—35.

день, день Прокопія-жатвенника и пр. убивать и затѣмъ варить или жарить и съѣдать купленного на общественный счетъ быка, теленка или барашка, рѣзать и съѣдать «рождественскаго кабана», «пасхальнаго барашка» и т. п. Все это представляетъ несомнѣнные остатки языческихъ жертвоприношеній со слѣдовавшими за ними общественными пирами. Барашка, зарѣзаннаго въ день Прокопія-жатвенника, ѣдятъ съ пѣснями и плясками ¹⁾. Несъѣдобныя части жертвеннаго животнаго (головы, кости, внутренности и пр.), по совершеніи надъ нѣкоторыми изъ нихъ гаданія, если таковое входило въ обрядъ жертвоприношенія, вѣроятно зарывались въ землю, сжигались или топились въ водѣ, или же, наконецъ, сохранялись, какъ чудодѣйственный талисманъ. На это указываютъ нынѣ соблюдаемые обычаи зарывать кости пасхальнаго барашка на нивахъ, съ цѣлью предохраненія послѣднихъ отъ града, или сберегать и затѣмъ бросать ихъ въ огонь во время грозы, чтобы молнія не ударила въ избу, зарывать въ укромномъ мѣстѣ кости рождественскаго кабана, также кости зарѣзаннаго подъ новый годъ поросенка ²⁾, топить, какъ сказано выше, перья, внутренности и кости «куръ-троецыпятиницъ» и т. п. — Упомянутое выше питіе «въ розѣхъ» въ честь Переплута, вообще питіе «мерзскимъ бѣсомъ» («пьютъ о идолахъ своихъ») сказано въ словѣ Христолюбца) оставило также очевидные слѣды въ обычаѣ пить за столомъ чашу съ пѣснями во славу Христа, Богородицы и святыхъ, замѣнившихъ собою обращенныхъ въ христіанство язычниковъ ихъ прежнихъ боговъ. Феодосій Печерскій совѣтуетъ не пѣть тропарей за застольными чашами, предлагая пить только въ началѣ обѣда одну чашу во славу Христа, да другую въ концѣ — во славу Богородицы, и еще третью за здравіе Государя ³⁾. Пирь и попойки естественно соединялись съ играми и пѣснями: «Схожахуся на игрища — пишеть Несторъ — на плясанья и на вся бѣсовская игрища» (въ другихъ спискахъ: «пѣсни»), и въ другомъ мѣстѣ: «но сими дьяволъ льститъ и другими нравы, всячьскими лестями, пребавляя ны отъ Бога, трубаи и скоморохи, гуслии и русальи. Видимъ бо игрища утолчена и людей много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣлающе отъ бѣса замышленнаго дѣла» ⁴⁾. «Не подобае крестьяноиѣ (т. е. христіанамъ) игръ бѣсовскихъ играти, еже есть плясанье, гуденье (т. е. игра на инструментахъ), пѣсни мирскія и жертвы идольскія» — говорится въ словѣ Христолюбца, и тамъ же предлагается христіанамъ избѣгать «всѣя службы идольскія» ⁵⁾. Изъ многочис-

¹⁾ Петрушевичъ. Общ. дѣл. 61.

²⁾ Адашевскъ. Пост. воз. I, 781; II, 253—254, 258.

³⁾ Филаретъ. Обс. дѣл. кн. I, 17.

⁴⁾ П. С. Р. I, I, 6.

⁵⁾ Тихомировъ. Дѣл. р. кн. IV, 3: 90, 94.

женныхъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ о разгульныхъ празднествахъ, отправлявшихся народомъ, въ извѣстные дни года, по старинному языческому обычаю, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, приведу нѣсколько словъ изъ Посланія игумена Елеазарова монастыря Памфила Псковскимъ намѣстнику и властямъ (1505 г.): «Аще бо еще есть останокъ непріязни въ градѣ семь (Псковѣ)—писалъ игумень Памфиль—и зѣло не престала здѣ еще леть идолская, кумирское празнованіе, радость и веселіе сотонинскы, въ немъ есть ликованіе и величаніе діаволу и красованіе бѣсомъ его въ людѣхъ сихъ, невѣдающихъ истины... си бо на всяко лѣто, кумирслуженнымъ обычаемъ сотона призываетъ въ градѣ сей и тому, яже жертва, приносится всяка скверна и беззаконное богомерзкое празнованіе. Еда бо приходитъ велій празникъ день Рождества Предтечева, и тогда во святую ту ночь мало не весь градъ взматется, и взбѣется, бубны и сопѣли, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканіемъ и плясаніемъ... въстучитъ бо градъ сей и возгремятъ въ немъ люди... стучать бубны и гласъ сопѣлій и гудуть струны, женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе и главамъ ихъ наживаніе, устамъ ихъ непріязненъ кличь и вопль, всескверненныя пѣсни, бѣсовская угодія свершахуся, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту же есть мужемъ же и отрокомъ великое прелщеніе и паденіе, но яко не женское и дѣвическое шатаніе блудно и вѣзрѣніе, такоже и женамъ мужатымъ беззаконное оскверненіе, тоже дѣвамъ растлѣніе»¹⁾.

Подведя итоги всему сказанному относительно обрядовъ, сопровождавшихъ жертвоприношенія у восточныхъ Славянъ, находимъ въ нихъ, при естественной ихъ простотѣ, большое сходство съ такими же обрядами южныхъ Славянъ: жертвоприношенію нерѣдко предшествовало гаданіе относительно предмета жертвы; обрядомъ руководилъ князь со старцами и боярами, или вообще старшій въ родѣ (и у южныхъ Славянъ старцы руководятъ жертвеннымъ обрядомъ, напр. въ честь св. Георгія; въ Краледв. рукоп. «отець давалъ богамъ яства»). Жертвенное животное закалалъ старцы же, творя при этомъ молитвы или заклинанія («поють старцы старые», говорится въ пѣснѣ, кладутъ на смерть «проклятыце великое»), или же при звукѣ пѣсней парней и дѣвушекъ («добры молодцы, красны дѣвицы—поють пѣсни коліодушки»); по внутренностямъ убитаго животнаго гадали, чудодѣйственную кровь его пили или разбрызгивали, для отогнанія злыхъ демоновъ. (Ср. сходное значеніе жертвенной крови у южныхъ и западныхъ Славянъ. Ср. о томъ же предметѣ, ниже, въ

¹⁾ Доп. въ акт. ист. I, 18.

ст.: «Животный міръ».) Головы, внутренности, кости, перья и прочія несъѣдобныя части жертвеннаго животнаго сожигались, зарывались или топились въ водѣ; послѣ жертвоприношенія слѣдовала общественная трапеза, за которой съѣдалось мясо жертвенныхъ животныхъ и пились чаши во славу боговъ, а затѣмъ толпа предавалась увеселеніямъ и шумному разгулу, разнузданнымъ пляскамъ и играмъ, при звукѣ пѣсенъ и гудьбы. (Послѣжертвенный пиръ, попойка и разгульное веселье — черты общія праздничнымъ обрядамъ и обычаямъ всѣхъ языческихъ Славянъ.)

III. Основи релігійного міровозз'явлення древніх Арієв Ірану і Індії, древніших Греків і Пелазгів, древніх Італійців і народів Литовського племені.

Першим, головним поводомъ къ поетически-музыкальному творчеству каждого народа, въ особенности въ младенческомъ періодѣ его развитія, служать релігійные обряды, у всѣхъ народівъ съ древнѣйшихъ временъ обыкновенно сопровождавшіеся пѣніемъ, звуками інструментовъ и нерѣдко плясками, и обнимавшіе, такъ сказать, всю скалу народнаго творчества. Релігійные обряды естественно возникали и складывались соотвѣтственно міровозз'явленію, релігійнымъ понятіямъ и вѣрованіямъ народа. Присматриваясь къ явленіямъ окружающей его природы, первобытнй чловѣкъ не могъ не замѣтить въ ней чего-то могучаго, постоянно вліяющаго на его собственное существованіе. «Отдѣливъ себя отъ остальнаго міра, чловѣкъ увидѣлъ всю слабость и ничтожность свою передъ тою неодолимою силою, которая заставляла его испытывать свѣтъ и мракъ, жаръ и холодъ, надѣляла его насущною пищею или карала голодомъ, посылала ему и бѣды и радости. Природа являлась то нѣжною матерью, готовою вскормить земныхъ обитателей своею грудью, то злою мачихой, которая вмѣсто хлѣба подаетъ твердый камень, и въ обоихъ случаяхъ всеильною властительницею, требующею полного и безотчетнаго подчиненія. Поставленный въ совершенную зависимость отъ внѣшнихъ вліяній, чловѣкъ призналъ ее за высочайшую волю, за нѣчто божественное, и повергся передъ нею съ смиреннымъ, младенческимъ благоговѣніемъ». Онъ не ограничился, однако, поклоненіемъ стихійнымъ силамъ и явленіямъ природы; въ воображеніи своемъ онъ населялъ весь окружающій міръ личными божествамъ, добрыми

и злыми, какъ представителями наиболѣе выдающихся, наиболѣе вліяющихъ на его жизнь, обуславливающихъ его существованіе явленій. Къ нимъ, этимъ стихійнымъ и личнымъ божествамъ, взывалъ онъ о помощи въ молитвахъ и пѣсняхъ, въ честь ихъ воспѣвалъ онъ благодарственные или хвалебные гимны, имъ приносилъ онъ благодарственные или умилостивительныя жертвы; ихъ же, съ другой стороны, въ назвномъ убѣжденіи, что боги, подобно человѣку, нуждаются въ пищѣ, подчиняются молитвѣ людской, воодушевляются воспѣтыми имъ гимнами и исполненными въ честь ихъ обрядами, - онъ заклиналъ и скывывалъ силою молитвеннаго слова, силою религіознаго обряда.

«Религіозное міросозерцаніе древнихъ Аріевъ—говоритъ Дункеръ—усматривало въ благодѣтельныхъ, благосклонныхъ человѣку явленійхъ природы силу добрыхъ духовъ, въ явленійхъ же, вредящихъ его благосостоянію,—силу злыхъ духовъ: свѣтъ составлялъ для Аріевъ радость и жизнь, мракъ—страхъ и смерть» ¹⁾. Съ другой стороны, опустошительному дѣйствію палящихъ лучей солнца, производящихъ засуху, противупоставлялась благодатная сила дождевой влаги. Основую религіознаго міровоззрѣнія древнихъ Аріевъ служила претивуположность и борьба между добрыми богами свѣта и влаги и злыми—мрака и засухи. Религіозный культъ ихъ заключался въ испрашиваніи свѣта и влаги, въ огражденіи себя отъ мрака и засухи. Но было время, еще болѣе древнѣйшее, когда и засуха не могла страшитъ ихъ,—время, когда прародители древнихъ Аріевъ обитали еще въ той мрачной и холодной странѣ, воспоминанія о которой сохранились въ Авестѣ: «Десять было тамъ зимнихъ мѣсяцевъ—говорится въ Авестѣ о первой, созданной Агурамаздой странѣ—и два лѣтнихъ, и были они холодны водой, холодны землей, холодны деревьями... Когда же наступала зима, наступали и всякія бѣдствія» ²⁾. Въ этой странѣ мрака и стужи, разумѣется, главнѣйшую божественную отраду составлялъ свѣтъ небесный, какъ благое начало, какъ побѣдоносный поборникъ мрака и злыхъ силъ, олицетворившійся въ образѣ единаго верховнаго владыки вселенной, живущаго на небесахъ. Въ Риг-Ведѣ встрѣчается намекъ на существованіе, въ древнѣйшія времена, бога Dyaus,

---

¹⁾ Duncker. G. d. Alt. III, 29. Величайшая масса свѣта проявлялась въ томъ блаженномъ саду, у горы боговъ (т. е. на небѣ), куда, по вѣрованію Иранцевъ, когда кончлася золотой вѣкъ, удалыся Ілма (Индійскій Іама), гдѣ одновременно свѣтили солнце, луна и звѣзды, гдѣ царилъ вѣчный свѣтъ и никогда не наступало мрака. Можетъ быть, воспоминаніе объ этомъ свѣтломъ жилищѣ Ілмы сохранилось въ нашихъ колыдакахъ, гдѣ очень часто, въ формѣ, сдѣлавшейся почти стереотипною, говорится о теремѣ, въ который черезъ три его окошечка въ одно и тоже время свѣтатъ солнце, луна и звѣзды.

²⁾ Vend. I, 9, 10, 12.

имя котораго означаетъ небо и воздухъ, — бога, великаго отца, ниспосылающаго на землю лучи дневнаго свѣта. Отъ одного корня съ Дуаусъ происходятъ названія бога: греческое — θεός, Ζεὺς, латинское — deus, литовское — dievas и т. д. Изъ этого можно заключить, что всѣ названные народы, до ихъ отдѣленія отъ обще-арійскаго корня, для обозначенія своего небеснаго бога имѣли одно названіе. «Богъ Дуаусъ былъ рано забытъ — замѣчаетъ Велькеръ — поэты и жрецы вводили, вмѣсто него, новыя имена: Агни, Индры, Миѳры и т. п. Признаніе этого факта внезапно озаряетъ лучемъ свѣта темный міръ древнѣйшей мѳологической идеи, лежащей въ основаніи вѣрваній Арійскихъ народовъ» ¹⁾).

Основная идея древне-Арійскаго верховнаго бога, представителя небеснаго свѣта, поборника тьмы и злыхъ демоновъ, выразилась въ

И р а н ъ

въ лицѣ бога Ормузда или Агурамазды, т. е. премудраго владыки, «величайшаго изъ боговъ», какъ именуетъ его древняя надпись ²⁾. Геродотъ, описывая религію Персовъ, говоритъ, что они имѣютъ обыкновение приносить Зевесу жертвы на высшихъ вершинахъ горъ, «причемъ призываютъ весь небесный кругъ» ³⁾. Безъ сомнѣнія, Геродотъ подъ именемъ Зевеса понимаетъ бога небесъ Агурамазду. Послѣдній, по словамъ Авесты, есть высшій изъ боговъ, создатель неба и земли, податель всѣхъ благъ. Его называютъ, въ гимнахъ Авесты, блестящимъ, величественнымъ, источникомъ радости и добра, святѣйшимъ, мудрѣйшимъ, всевѣдущимъ, чистымъ. Онъ не только создалъ міръ, но и постоянно управляетъ имъ, онъ — владыка всего творенія, превысшій царь: «Восхваляю Агурамазду — читаемъ въ Авестѣ — создавшаго скотъ, создавшаго чистоту, воду и добрыя деревья, создавшаго блескъ свѣта, землю и все благое. Ему принадлежатъ царство, могущество, власть». Миѳра, обращаясь къ Агурамаздѣ, съ воздѣтыми къ небу руками, называетъ его «небеснымъ, святѣйшимъ, творцомъ міра, чистымъ» ⁴⁾.

Явленіе небеснаго свѣта самымъ осязательнымъ образомъ проявлялось въ ослѣпительномъ блескѣ солнца. Поклоненіе солнцу, какъ небесному свѣтилу, какъ физическому явленію, засвидѣтельствовано многими гимнами Авесты, гдѣ неоднократно встрѣчаются молитвенныя обращенія къ солнцу: «Взойди, блестящее солнце, снаб-

¹⁾ Welcker. Gr. Götterl. I, 135.

²⁾ Duncker. G. d. Alt. IV, 66.

³⁾ Herod. I, 131.

⁴⁾ Spiegel. Avesta III, v—vii; Ormazd-yast; Jaçna XXXVII, 1—3; Mihr-yast. 73 74.

женное быстрыми конями — вызываютъ къ нему въ Авестѣ — поднямись на Нага Bergaiti (высокую, небесную гору) и свѣти тварямъ..., на пути, созданномъ Агурамаздой, (на пути) обильномъ влагою, въ воздухѣ, созданномъ богами!»¹⁾ Солнцу приписывали, какъ и звѣздамъ, очистительную силу²⁾: «Восхваляемъ солнце безсмертное, блестящее, снабженное сильными конями — восклицаетъ пѣвецъ Авесты. Когда солнце свѣтитъ, когда блистаетъ его свѣтъ, то являются небесные добрые гении (Yazatas). Они собираютъ блескъ, они распространяютъ блескъ, они распредѣляютъ блескъ по созданной Агурамаздой землѣ... Когда солнце возрастаетъ, то земля, созданная Агурамаздой, бываетъ чиста, бываютъ чисты воды рѣкъ, вода сѣмень, вода морей, вода прудовъ, тогда очищаются чистыя творенія, принадлежащія Spenta Mainyu (т. е. Агурамаздѣ). Если же солнце не взошло бы, тогда Дэвы (злые духи) убили бы все живущее; тогда ни одинъ небесный Yazata не былъ бы въ состояніи отстранить ихъ, противостоять имъ». Авеста называетъ солнце «окомъ Агурамазды». — Народы Ирана поклонялись и богу солнца, въ лицѣ Миѳры, котораго почитали владыкою свѣта и правды, побѣдителемъ тьмы и стужи, подателемъ урожая полей, пищи и плодородія стадамъ, наконецъ, богомъ войны и подателемъ побѣды надъ врагами: «Я сотворилъ его (Миѳру) — говоритъ Агурамазда — столь же достойнымъ почитанія и поклоненія, какъ я самъ». Миѳра появлялся съ востока, возсѣдая во всемъ своемъ величїи на блестящей колесницѣ, запряженной четырьмя быстрыми бѣлыми конями. Никогда не дремлющій, всегда бдящій, онъ слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ въ мїрѣ, тысячу ушами, десятью тысячами очами. Онъ въ одно и тоже время и милостивый, и ужасный, мстительный богъ; дѣятельность его въ томъ или другомъ случаѣ бываетъ настолько же благодѣтельна, сколько и разрушительна. И въ этическомъ отношенїи онъ великій богъ, врагъ лжи, онъ же — покровитель договоровъ: «Восхваляемъ Миѳру... приказывающаго водамъ бѣжать, деревьямъ расти... (онъ) податель тучности, стадъ, владычества, дѣтей, жизни». «Быстрыхъ коней дарить Миѳра, обладающій пространными пастбищами, если ему не говорятъ лжи... Пусть онъ прїдетъ къ намъ и подастъ защиту, радость, милость, исцѣленіе, побѣды... Миѳра, поддерживающій столбы высокаго жилища, дѣлаетъ его сильнымъ, непоколебимымъ, подаетъ этому жилищу множество скота и людей, если онъ бываетъ удовлетворяемъ; другія жилища, гдѣ ему наносится оскорбленіе, онъ разрушаетъ. Ты и злой и благой въ одно и тоже

¹⁾ Vend. XXI, 20, 22.

²⁾ Spiegel. Avesta III, xx; Qarshét-yast 1—3; Jaçna. I, 35.

время, о Миѳра, для странъ, для людей; ты владыка, о Миѳра, надъ миромъ и раздоромъ въ странахъ... Даруй намъ богатства, силы и побѣдоносности, насыщенія и исцѣленія, добрую славу и чистоту души, величіе и познаніе святости». «Миѳра стоитъ во главѣ битвы; стоя въ битвѣ, онъ разгромляетъ ряды борющихся» ¹⁾. Онъ, могущественный, насыляетъ на нихъ наказаніе и страхъ, онъ сноситъ головы людей, обманывающихъ Миѳру. Миѳру, въ его блестящемъ поѣздѣ по небу, сопровождаютъ божественные герои, поражающіе злыхъ духовъ: ему предшествуетъ Вереѳрагна (Verethraghna), съ правой стороны несется Сгаоѳа, «святой», съ лѣвой—Раѳнус, «сильный», съ Миѳрой же шествуетъ и огонь. Колесница Миѳры защищается тысячею луками, тысячею златоконечными стрѣлами, тысячею копьями, тысячею метательными дисками, тысячею ножами, тысячею палицами. Миѳра самъ держитъ въ рукѣ страшную палицу, «сильнѣйшее изъ оружій, побѣдоноснѣйшее изъ оружій», которой страшатся Ариманъ и всѣ прочіе злые духи. Этой же палицей онъ караетъ страны, противныя Миѳрѣ: онъ избиваетъ ею коней и людей. Ему, богу солнца, приносились въ жертву бѣлые кони (Ксенофонтъ). Въ войскѣ Персидскаго царя Дарія (последняго) содержался «солнцевъ конь», украшенный золотой сбруей, покрытый бѣлой попоной ²⁾. Въ войскѣ Ксеркса, отправлявшагося на войну противъ Грековъ, по свидѣтельству Геродота, находилась священная колесница, въ которую было запряжено восемь бѣлыхъ коней; управитель колесницы шествовалъ за ней пѣшкомъ, держа возжи въ рукахъ, такъ какъ ни одинъ смертный не смѣлъ садиться на нее ³⁾. Геродотъ называетъ ее колесницей Зевеса, но не можетъ быть сомнѣнія, что это была колесница, посвященная Миѳрѣ.

Хранительницей небесной влаги Авеста называетъ женское божество *Ardvī-srīga Anāhita*, т. е. высокую, чистую (незапятнанную) богиню. Она описывается въ видѣ сильной, красиво сложенной дѣвы съ блестящимъ ликомъ и прекрасными руками, «болѣе блестящими и болѣшими чѣмъ кони». На головѣ ея красовалась золотая діадема, украшенная ста звѣздами, въ ухахъ—золотыя серьги, на шеѣ—золотое ожерелье; широкое золотое одѣяніе, спускавшееся многочисленными складками, обхватывало ея станъ, на ногахъ надѣты были золотыя сандалии. Груды ея свѣшивались черезъ поясъ. Верхняя одежда ея была сдѣлана изъ блестящаго боброваго мѣха (т. е. изъ гладкаго мѣха воднаго животнаго). Она ѣхала въ

¹⁾ Spiegel. Avesta III, xxv—xxvi; *Mihr-yast.* 1, 3, 28, 33, 36, 65, 70, 96, 97, 100, 101, 125, 127 . 132.

²⁾ *Duncker. G. d. Alt.* IV, 126.

³⁾ *Herod.* VII, 40, 55.

колесницѣ, въ которую запряжены были четыре бѣлыя животныя. Анагита была богиня самая благодѣтельная: источникъ небесныхъ водъ есть въ то же время и источникъ плодородія и жизни. Къ ней обращались съ разными молитвами, преимущественно же беременныя женщины молились ей, прося отъ нея помощи въ родахъ. Она давала дѣвцамъ мужей, очищала мужское сѣмя, очищала тѣла женщинъ для родовъ и даровала женщинамъ благополучные роды и надлежащее молоко. Высокое значеніе ея доказывается тѣмъ, что къ ней обращались съ жертвоприношеніями и молитвами самыя знаменитыя божественныя герои, и самъ Заратустра, и даже Агурамазда; ей поклонялись не только въ Иранѣ, но и въ Каппадокіи, именно въ Арменіи, даже въ Бактріи, Дамаскѣ и Сардѣ. Къ ней зывали о помощи и иновѣрцы ¹⁾. Богиня эта, очевидно, сдѣлалась прототипомъ позднѣйшихъ Малоазійскихъ и Греческихъ богинь луны, которыхъ приписывались разныя благодѣтельныя качества, особенно же покровительство родамъ и дарованіе здоровья и жизни. — Другимъ хранителемъ или источникомъ небесной влаги былъ «великій владыка, Пулъ водъ», божество мужескаго пола, творецъ и благосклонный покровитель человѣка, жившій въ водахъ небеснаго озера Воуру-Капа, по выраженію Авесты, «приносящій пользу призывающимъ его», «имѣющій самый чуткій слухъ», по отношенію къ предлагающимъ ему жертвы ²⁾. Непосредственнымъ же подателемъ дождя Авеста называетъ блестящую звѣзду Тистрію, вступающую въ ожесточенную борьбу со злымъ демономъ Daeva Араоша, представителемъ засухи ³⁾.

Агурамаздѣ, по ученію Авесты, подчинялась толпа добрыхъ духовъ. Всѣ они жили на востокѣ, на высотѣ, вблизи солнца и звѣздъ. Имъ противопологалась толпа злыхъ духовъ, обитавшихъ на западѣ или холодномъ сѣверѣ, въ темныхъ подземельяхъ, во мракѣ ада, самомъ дурномъ мѣстѣ. Во главѣ ихъ стоялъ Ариманъ, Angra-mainyus, т. е. злое мыслящій, названный такъ въ противоположность Агурамаздѣ, которому давался эпитетъ Spenta-mainyus, т. е. святое или доброе мыслящій. Добрымъ духамъ (bagha) принадлежали: свѣтъ, вода, плодородная земля, добрыя растенія, нивы и пр.; злымъ духамъ (daeva) принадлежали: тьма, холодъ, засуха, ядовитыя травы, болѣзни, смерть и пр. Всѣ звѣри, живущіе въ норахъ и вредящіе нивамъ (крысы, мыши, муравьи и т. п.), пресмыкающіяся животныя (черепахи, ящерицы и пр.), насѣкомыя (комары, вши, блохи и пр.) суть твари злаго духа. Оттого величайшей за-

¹⁾ Spiegel. Avesta. III, xvii—xix; Abân-yast.

²⁾ Yaçna. LXIX, 19; Zamyâd-yast. 51—53.

³⁾ Tistar-yast. См. также ниже ст.: «Духи тьмы и пр.».

слугой считалось истребленіе животныхъ Аримана; вслѣдствіе того, жрецы всегда носили съ собою трость для убиванія гадовъ. «Маги—говоритъ Геродотъ—собственноручно умерщвляютъ все, кромѣ собакъ и людей; они считаютъ своею обязанностью избивать муравьевъ, змѣй и вообще все ползущее и летающее»¹⁾.

Идея о богѣ небснаго свѣта не утратилась и у той вѣтви Арійскаго племени, которая заселила долину *Инды*, перерѣзанную многочисленными его притоками, — «страну пяти потоковъ».

Представителями небснаго свѣта являются у

И н д у с о в ь

нѣсколько боговъ: Бага, Арьманъ, Митра и Варуна, изъ которыхъ Варуна считается богомъ высшаго неба, стражемъ правды, вѣрности, правъ и обязанностей человѣческихъ, по отношенію къ богамъ. Варуна—по возрѣнію Ведъ—есть высшій богъ неба и земли. Одѣтый въ золотыя латы, живетъ онъ въ небсныхъ водахъ, въ своихъ золотыхъ палатахъ съ тысячею воротами. Онъ указалъ путь солнцу и теченіе рѣкамъ, изливающимся въ море. Живительное дыханіе его (вѣтеръ) носится въ воздухѣ. Владыка міра, онъ называется «четырелицымъ», т. е. взирающимъ на всѣ страны свѣта. Близкое сходство Варуны съ Агурамаздой очевидно²⁾. И въ Ведахъ еще сохранилось древне-Арійское представленіе Митры, какъ высшаго бога свѣта: гимны Ведъ восхваляютъ его могущество и славу, его владычество надъ небомъ и землею, на которую онъ взираетъ никогда несмыкающимся окомъ. Но, въ то время, какъ въ Иранѣ присущая богу свѣта идея борьбы выразилась въ лицѣ Миоры, свѣтлаго, сіяющаго сына бога небснаго, Миоры—побѣдителя тьмы и стужи,—въ Индіи, подъ влияніемъ иныхъ климатическихъ условій, идея эта получила иное выраженіе. Здѣсь она воплотилась въ лицѣ бога грозъ, бурь и ливней, Индры, величественный образъ котораго въ значительной степени заслонилъ собою образъ какъ Митры, такъ и Варуны, между тѣмъ какъ функціи сихъ послѣднихъ, по представленію Ведъ, слились воедино. Такъ, и солнце называется въ Ведахъ «окомъ Митры и Варуны». Въ этомъ слитіи свѣтоносная природа Митры понималась уже не столько въ смыслѣ физическомъ, сколько въ смыслѣ нравственномъ: божество Митры-Варуны сдѣлалось представителемъ свѣта истины, честности, справедливости, вѣрности.—Природа страны, орашаемой «пятью потоками», способствовала тому, что древнему представленію о боръ-

¹⁾ Spiegel. Avesta. Ш, хлѣб.—Duncker. G. d. A. IV, 129.—Herod. I, 140.

²⁾ Въ послѣдствіи идея высшаго божества и всемогущества выразилась у Индусовъ въ лицѣ Брамъ—«души міра», источника всего бытія. Брама изображался съ четырьмя лицами, обращенными на четыре страны свѣта.

бѣ свѣтлаго духа противъ демона тьмы были приданы существенно новыя, своеобразныя черты — замѣчаетъ Дункеръ. Здѣсь въ среднѣ лѣта засыхаютъ пастбища, сгараютъ нивы, изсыкаютъ ручьи и источники, пока, наконецъ, могучія грозовыя бури не принесутъ съ собою желаннаго, долгожданнаго дождя. Явленія столь величественныя, какъ тропическія грозы, были неизвѣстны Аріямъ, пока они не вступили въ эту страну... Въ темныхъ тучахъ, поднимавшихся передъ грозою, Аріи видѣли черныхъ духовъ (Вритру и Аги), превращавшихъ небесный свѣтъ въ ночную тьму, тушившихъ солнце, какъ бы уносившихъ съ собою небесныя воды. Буря, предшествовавшая разраженію грозы, молнія, разсѣкавшая темныя тучи и тѣмъ проливавшая на землю дождь, возстановливавшея вновь сіяніе солнца на небѣ, — все это представлялось воображенію Аріевъ спасительными подвигами побѣдоноснаго бога, который разбивалъ козни злыхъ демоновъ, отнималъ у нихъ похищенныя воды, возжигалъ вновь солнце, посылалъ на землю небесную влагу, наполнялъ ею ручьи и рѣки, давалъ новую жизнь изсохшимъ пастбищамъ и нивамъ. Эти воззрѣнія лежатъ въ основѣ величественнаго образа, который принялъ у Аріевъ на Индѣ поборникъ демоновъ, богъ бурь и грозъ, Индра. Сонмы вѣтровъ окружаютъ его и борятся вмѣстѣ съ нимъ. Индра—боецъ, вооруженный копьемъ. Небо и земля содрагаются при трескѣ, сопровождающемъ полетъ его копьа. Этотъ трескъ есть громъ, само же благодѣтельное копье его—молнія. Въ многочисленныхъ, посвященныхъ Индрѣ пѣсняхъ Риг-Веды, онъ является разрушителемъ вражьихъ городовъ и крѣпостей, побѣдителемъ царей и многотысячныхъ вражьихъ полчищъ. Къ нему молятся о побѣдѣ надъ врагами. Ему, какъ и Митрѣ, приносятъ въ жертву коней, но преимущественно быковъ. Индра несется на золотой колесницѣ, запряженной рыжими или булавными ковами или лисицами. «Хочу воспѣть побѣды Индры, которая богъ одержалъ своимъ копьемъ—возглашаетъ Риг-Веда. — У горы поразилъ онъ Аги; онъ излилъ воды и спустилъ рѣки съ горъ; какъ телята слѣзаетъ къ своимъ матерямъ—коровамъ, такъ воды бѣгутъ къ морю. Подобно быку, Индра устремился на жертву и трижды испилъ приготовленнаго ему напитка (сока Сомы), потомъ онъ поразилъ перворожденныхъ злыхъ духовъ. Побѣдивъ ихъ, Индра, ты побѣдилъ искусство хитрыхъ и создалъ солнце, день и утреннюю зарю. Могучимъ ударомъ поразилъ Индра мрачнаго Вритру, раздробилъ ему плеча; какъ срубленное сѣкирой дерево, Аги палъ на землю. Теперь воды бѣгутъ черезъ трупъ Аги и врагъ Индры спитъ тяжкимъ сномъ; Индра открылъ вновь пещеру водъ». «Веди насъ, Индра, — читаемъ въ другомъ мѣстѣ — пусть толпа Марутовъ (вѣтровъ) предшествуетъ поражающему, по-

б'єдоносному оружю богів! Подними, богатий боже, оружје, возвысь души нашихъ воиновъ, укрѣпи силу сильныхъ, пусть побѣд- ный кликъ вознесется съ боевой колесницы. Будь съ нами, Индра, когда развѣваются знамена; пусть стрѣлы наши будутъ побѣдоносны, даруй побѣду нашимъ воинамъ, защитите насъ, боги, въ битвѣ! пусть страхъ обуяеть сердца нашихъ враговъ, овладѣеть ихъ членами!»

И такъ, независимо отъ существованія и въ Иранѣ, и въ Индіи небеснаго верховнаго бога вселенной (Агурамазды и Варуны, выступившаго на мѣсто бога, великаго отца, Dyau), особенно выдаются и въ значительной степени заслоняють собою образъ послѣдняго съ одной стороны (въ Иранѣ) сіяющій ослѣпительнымъ блескомъ богъ солнца, Миѳра, съ другой (въ Индіи) — потрясающій молніеносное копе, несущійся въ вихрѣ, разражающійся ливнями богъ-громовникъ, Индра, именуемый Риг-Ведой сыномъ небеснаго бога Dyau, какъ Миѳра въ Авестѣ—созданіемъ Агурамазды.

Бога солнца Веды величаютъ именами Surya и Savitar; подъ первымъ именемъ подразумеваютъ преимущественно восходящее, подъ вторымъ—заходящее солнце: «Уже лучи воздымають Сурью, дабы всѣ его видѣли. Вмѣстѣ съ ночью, звѣзды бѣгутъ, какъ воры, отъ Сури, всевидящаго. Лучи его свѣтло сіяють надъ народами, подобно пыляющимъ огнямъ. Взойди, Сурья, передъ богами, передъ людьми! Своимъ взоромъ ты смотришь на народы, ты шествуешь по небу, по пространнымъ облакамъ, измѣряя день и ночь. Твою колесницу везтъ семь желтыхъ коней, свѣтлый Сурья, далеко видящій, съ сіяющими волосами на главѣ. Послѣ мрака, зирая на тебя, мы зываемъ къ тебѣ, высшій свѣтъ! разгони страданія и страхъ моего сердца; мы блѣдный страхъ уступаемъ дроздамъ и попугаямъ. Со всею побдоносною силою возсталъ сынъ Адити (Aditi—вѣчная, безконечнаябогиня); онъ попираеть врага моего». «Зываю о помощи къ Савитару, зовущему на свои мѣста всѣхъ богівъ и людей, когда онъвозвращается къ темному небу. Онъ шествуеть по пути поднимающемся, онъ шествуеть по пути спускающемся; блистая издали онъ прогоняеть преступленіе. Богъ, снабженный золотымъ жезлмъ, садится въ украшенную золотомъ колесницу; желтые кони съ длинными ногами, запряженные въ золотое ярмо, приносятъ свѣтъ. Съ лотыми руками Савитаръ шествуеть между небомъ и землею. Зларукій, обновитель, богатый, прійди къ намъ, отгоняй отъ насълыхъ духовъ, прійди, ты, котораго мы призываемъ каждую ночь прійди по своему старому, крѣпкому воздушному пути, всегда свободному отъ пыли; защити насъ и нынѣ!»

Ии высокомъ почитаніи свѣта у древнихъ Аріевъ, естественнымъ являясь и боготвореніе не только небесныхъ свѣтилъ вообще,

но и утренняго сумрака и зари, предвѣстниковъ солнца, также огня (agni), сына Агурамазды, по преданіямъ Ведъ, скрывающагося въ деревѣ, изъ котораго добывается посредствомъ тренія, раждающагося также въ молніи, а, слѣдовательно, и изъ небесныхъ водъ. Естественнымъ оказывается и боготвореніе воды, являющейся изъ небесныхъ источниковъ. По ученію Зороастра, всѣ рѣки берутъ свое начало на «высокой небесной горѣ» (Naga Verezaiti), жилищѣ Миоры: здѣсь «не бываетъ ни ночи, ни мрака, ни холоднаго, ни теплаго вѣтра, ни смертоносныхъ болѣзней, ни нечистоты, творніи Дэвъ, и туманъ не поднимается на высокой горѣ». Воду молятъ въ Авестѣ о дарованіи счастья, всякихъ благъ, здороваго потомства; вода и травы, по свидѣтельству Ведъ, изгоняють болѣзни. Къ водѣ, деревьямъ и землѣ молятся въ гимнахъ Авесты. По словамъ Геродота, Персы поклонялись, кромѣ Зевеса (т. е. неба, или небеснаго бога Агурамазды), солнцу, лунѣ, землѣ, огню, водѣ и вѣтрамъ. Поклоненіе вѣтрамъ засвидѣтельствовано также Верми и Авестой ¹⁾.

Обращаюсь къ основнымъ положеніямъ религіозныхъ вѣровній древнихъ

Грековъ ²⁾.

При заселеніи западныхъ береговъ Малой Азіи и Балканскаго полуострова, Греки застали здѣсь родственныя имъ племена, изъ которыхъ многія извѣстны подъ общимъ загадочнымъ названіемъ Пелааговъ. Греки принесли съ собою изъ Азіатской прародны своей, вмѣстѣ съ понятіемъ о богѣ небесномъ (θεός, Ζεὺς, i.e. вестъ=Dyaus), также и извѣстные зародыши политеистическхъ идей, свойственныхъ всѣмъ народамъ Арійской семьи. Изъ этихъ элементовъ, при сляніи ихъ съ вѣрованіями и культурами коренныхъ жителей занятыхъ ими странъ—Пелааговъ, мало по малу раялась и сложилась религіозная система Грековъ, въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ее у Гомера. Олицетвореніе отдѣльныхъ силъ природы привело къ культу нимфъ, съ древнѣйшихъ временъ сошедшему въ составъ религіи Грековъ. Отличали нимфъ водныхъ,

¹⁾ Duncker. G. d. Alt. III, 36 и сл.; IV, 88, 89, 168. — Ludwig. D. phil. lig. Ansch. d. Veda. 29, 54. — Mihr-yast. 50; Yaçna. XXXVII, 1, 2; XLI, 19—25; ind. XIX, 56, 62. — Herod. I, 131. — Подробнѣе о поклоненіи древними Аріями Ира и Индіи стихійнымъ божествамъ будетъ говорено позже, въ соответствующихъ статьяхъ.

²⁾ Источниками для нижеслѣдующаго краткаго очерка религіознаго міровоззрѣнія Грековъ служили мнѣ, кромѣ цитруемыхъ мѣстъ изъ эпоса Гомера, Исторія пророчества, Описанія Греціи Павзанія, еще соответствующія мѣста изъ Теогоніи Гесода, Гимновъ Гомера, также изъ сочиненій: Curtius. Gr. Gesch., Weber. Allg. Itg., Welcker Gr. Gütterl., Preller. Gr. Myth. и др.

горныхъ и лѣсныхъ. Богослуженіе связывалось съ видимыми предметами: источниками и рѣками, пещерами, деревьями, камнями; это открывало путь къ дальнѣйшимъ олицетвореніямъ и, наконецъ, къ созданію цѣлаго легіона личныхъ боговъ, которые всѣ почти возникли изъ божествъ стихійныхъ. Распаденіе Греческаго народа на отдѣльныя племена и поколѣнія повело къ соотвѣтствующему расщепленію религіознаго его сознанія; еще большее осложненіе и видоизмѣненіе первоначальнаго, до-элленическаго или Пелазгійскаго, религіознаго міровоззрѣнія произошло вслѣдствіе соприкосновенія Грековъ съ иноземными народами, въ особенности Семитами. Широко и своеобразно разраслось, съ теченіемъ времени, родословное дерево Греческой міеологіи, много дало оно вѣтвей и побѣговъ, заслонившихъ собою, до извѣстной степени, обще-арійскую основу ихъ религіозной системы. Однако, все это богатое разнообразіе боговъ значительно сокращается и упрощается, если принять въ соображеніе, что большое число названій боговъ происходитъ вслѣдствіе того, что тѣже самыя божества у различныхъ племенъ получали различныя названія (иногда, отчасти, и различный характеръ); кромѣ того, нерѣдко случалось, что имя одного и того же бога снабжалось въ разныхъ мѣстахъ разными эпитетами, относившимися къ нему, какъ видовыя наименованія къ общему родовому.

По древнему вѣрованію, изложенному въ еогоніи Гезіода, въ началѣ былъ Хаосъ, пустое, віяющее пространство. Изъ хаоса произошла Земля, всеобщая мать (Гея), родившая Небо (Урана, Ураносъ=Uranus), Горы и Море (Понтъ) и заключавшая въ нѣдрахъ своихъ Преисподнюю (Тартаръ). Изъ хаоса же возникъ Эротъ, представитель производительной силы, любви, похоти. Земля и Небо вступаютъ въ брачный союзъ ¹⁾ и производятъ поколѣніе Титановъ, изъ которыхъ Гиперіонъ рождаетъ Геліоса (солнце), Селену (луну), Эосъ (зарю), въ свою очередь производящую вѣтры. Младшій изъ Титановъ, Кроносъ, производитъ Зевеса, въ древнѣйшихъ культахъ имѣющаго, подобно старинному Пелазгійскому богу Гермесу, также въ древнѣйшемъ его проявленіи, —исключительно характеръ представителя небесной влаги, какъ Геліосъ и Селена были представителями небеснаго свѣта, дневнаго и ночнаго. Громъ и молнію доставляютъ Зевесу циклопы, также рожденные Землею отъ Неба. Богомъ огня земнаго и небеснаго, обнаруживающагося въ вулканическихъ явленіяхъ и въ молніи, издревле почитался сынъ Зевесовъ, Гефестъ. Затѣмъ земля сочетается съ Понтомъ. Изъ этого союза

¹⁾ Отношеніе неба къ землѣ, какъ типа мужскаго къ женскому, выразилось въ греческой міеологіи въ сочетаніяхъ Урана и Геи, Кроноса и Реи, Зевеса и Геры, также Деметры.

происходит поколѣніе разнообразныхъ морскихъ божествъ, частью благихъ, привлекательныхъ, частью злыхъ и отвратительныхъ. Таковы добрый морской царь Нерей и дочери его, морскія нимфы — Нереиды, Радуга (Ирисъ), смертоносныя богини бурь и вихрей — Гарпія, морскія страшилица: Скила, Грей, Горгоны, живущія, подобно злымъ духамъ, подвластнымъ Ариману, на краю міра, гдѣ заходитъ солнце, гдѣ обитаетъ ночь. Мракъ и Ночь, вмѣстѣ съ Землею и Эротомъ, возникаютъ изъ хаоса. Ночь производитъ цѣлый рядъ представителей преимущественно печальныхъ, безотраднѣйшихъ явленій: богинь насильственной смерти (Керъ), сонъ, сновидѣнія, богинь судьбы (Мойръ), всякія бѣдствія и горе: голодъ, страданія, убійства, раздоръ, ложь, беззаконія и пр. Идея противоположности и борьбы свѣта и мрака, такъ опредѣленно и рѣзко выразившаяся въ религіозномъ сознаніи Азіатскихъ, въ особенности Иранскихъ, Аріевъ, проявилась, какъ видно, и въ міросозерцаніи древнихъ Грековъ. Только у Грековъ рѣзкость контраста между областями свѣта и тьмы значительно сгладилась. Идея о верховномъ богѣ небесномъ, управляющемъ небеснымъ свѣтомъ и небесною влагою (Агурамазда, Варуна), въ Греціи, даже еще у Пелазговъ, выразилась въ лицѣ внука неба, Зевеса, передъ величественнымъ образомъ котораго совершенно ступшевался блѣдный образъ бога неба — Урана. Зевесъ возсѣдаетъ на вершинѣ Олимпа, врѣзывающейся въ облака, живетъ, слѣдовательно, на небѣ. Всѣ небесныя явленія исходятъ отъ него: онъ собираетъ тучи, посылаетъ дождь, снѣгъ и градъ; потрясая щитомъ своимъ, онъ производитъ громъ и молнію, бурю и непогоду. Онъ же, наоборотъ, украшаетъ бушующія стихіи, посылаетъ попутный вѣтеръ, даруетъ ясный день. Въ этомъ образѣ нельзя не видѣть божества, въ основныхъ чертахъ сходнаго съ Индійскимъ Индрою. Въ то время, какъ послѣдній только значительно заслоняетъ собою образъ небеснаго бога Варуны, Зевесъ Олимпійскій, въ первоначальномъ значеніи своемъ, какъ богъ небесной влаги, вступаетъ въ борьбу съ представителемъ неба, Ураномъ, въ лицѣ дѣтей его, титановъ, и побѣждаетъ его, пріобрѣтая первенство между богами, самъ дѣлается верховнымъ небеснымъ богомъ, царемъ или богомъ боговъ. Такое превознесеніе дождеваго бога въ Греціи, странѣ, столь сильно подверженной губительному дѣйствию палящихъ, изсушающихъ почву лучей солнца, а потому столь нуждающейся въ дождевой влагѣ, — весьма естественно и понятно. Возведенный въ достоинство верховнаго небеснаго бога, Зевесъ самъ становится родоначальникомъ цѣлаго ряда боговъ, представителей различныхъ явленій небесныхъ и земныхъ, — боговъ, въ которыхъ, однако, согласно съ общимъ характеромъ Греческаго духа, естественная, физическая сторона пред-

ставляємых ими явленій отступаєть на второй планъ, уступая первое мѣсто сторонѣ этической. Отъ Зевеса происходятъ: Аѳина, богиня яснаго неба, поражающая грозовыя тучи молніеноснымъ копьемъ своимъ, богиня борьбы, покровительница гражданскаго благоустройства; Фэбъ (т. е. свѣтлый, чистый) Аполлонъ, слившійся съ Гелиосомъ, богъ солнечнаго свѣта, лучемъ своимъ сокрушающій дракона Пиеона, представителя мрака, согрѣвающій и освѣщающій весною скованную зимнимъ холодомъ природу и вызывающій въ ней новую жизнь и дѣятельность; покровитель засѣянныхъ нивъ, способствующій созрѣванію на нихъ плодовъ, покровитель лѣсовъ и стадъ; вѣщій пѣвецъ, предводитель музъ; строгій, величественный богъ нравственной чистоты. Всѣ эти черты представляютъ близкое сходство съ качествами и свойствами Миеры. Сходство это подтверждается еще слѣдующей характеристической чертой: подобно Миерѣ, Аполлонъ въ одно и тоже время бываетъ милостивъ и ужасенъ, благодѣтеленъ и мстителенъ. Оружіе его—разрушительныя стрѣлы (лучи палющаго солнца), приносящіе чуму и опустошеніе въ среду людей ¹⁾. Артемида, слившаяся съ Селеной, богиня луны, первоначально представляла воплощеніе, въ женскомъ образѣ, идеи Аполлона, ея брата. Скитаясь по горамъ и преслѣдуя своими золотыми стрѣлами кабановъ и оленей, она сдѣлалась богиней охоты, покровительницей лѣсныхъ звѣрей и стадъ; она-же—подательница свѣжей, цвѣтущей жизни, покровительница родовъ, кормилица дѣтей. Далѣе слѣдуютъ еще дѣти Зевеса: Гефестъ, богъ огня; Аресъ, богъ войны; Афродита, богиня красоты; Гермесъ, покровитель стадъ и пастуховъ, искусный посредникъ въ дѣлахъ небесныхъ и земныхъ, вѣстникъ боговъ, представитель краснорѣчія, богъ дорогъ и перекрестковъ, проводникъ душъ мертвыхъ въ царство Аида. Сыномъ Зевеса былъ, наконецъ, и Діонисій, который у Аѳинянь, и соплеменныхъ имъ жителей острововъ и Малой Азіи, почитался какъ представитель возрождающейся ежегодно, весною, растительной силы природы, и, специально, какъ представитель винодѣлія и связаннаго со вкушеніемъ вина веселія. Рядомъ съ Зевесомъ стоятъ: жена его Гера,

¹⁾ Независимо отъ Аполлона, почитаніе солнца, какъ свѣтла дня, у Грековъ подтверждается многими свидѣтельствами древнихъ писателей: въ мѣтвахъ, вмѣстѣ съ рѣками и землей, призывалось въ свидѣтели и солнце—Гелиосъ (Ил. III, 277 и сл.); ему приносились жертвы (Гомеръ, Атены); у Эсхила—Прометей призываетъ «всевидящій кругъ солнца»; Пиеагоръ признавалъ солнце за бога, и вообще философы охотно называли солнце, луну и звѣзды богами (Цицеронъ); Сократъ, проведя цѣлую ночь, до утренней зари, въ размышленіи, помолился солнцу и пошелъ; Греки у Лукіана привѣтствуютъ восходящее солнце движеніемъ руки. Солнцу приписывалось, какъ и у древнихъ Аріевъ, очистительная сила: въ честь Гелиоса-Аполлона съ древнѣйшихъ временъ устраиваемы были очистительныя и умилостивительныя торжества, для отвращенія голода, болѣзней, чумы. Welcker. Gr. Götterl. I, 402, 412—413, 459—460.

въ древнѣйшемъ, Пелазгійскомъ, культѣ почитавшаяся какъ владычица земли и неба (ср. ниже, въ ст.: «Земля» — Гера Аргивская), сестра его Деметра, богиня земли, и братъ Посейдонъ, богъ моря, игравшій важную роль у прибрежныхъ жителей Греціи и Малой Азіи, — мореплавателей по преимуществу; Аидъ (Плутонъ), царствующій въ нѣдрахъ земли, богъ пресподней, владыка подземной обители мертвыхъ, сочетающійся съ дочерью Деметры, Перзефоновой, представительницей, въ женскомъ образѣ, весенняго плодородія; ежегодно весною послѣдняя является на поверхность земли, покрывая ее зеленью и цвѣтами, а на зимнее время похищается обратно Аидомъ въ подземное царство мрака и стужи. Около этихъ боговъ группируются еще многочисленныя божества второстепенныя и третьестепенныя. Кромѣ того, боги вступаютъ перѣдко въ близкія сношенія со смертными, производя на свѣтъ полубожественныхъ героевъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже удостоиваются быть принятыми на Олимпѣ.

Гораздо проще и первобытнѣе была, разумѣется, религіозная система весьма интересныхъ для Славянской міеологіи

Пелазговъ.

По свидѣтельству Геродота, Пелазги первоначально молились и приносили жертвы богамъ своимъ, не называя ихъ даже спеціальными именами ¹⁾. Не было у нихъ также ни истукановъ, ни храмовъ; естественными же алтарями служили имъ высшія горныя вершины. Богъ, Зевесъ, къ которому они возносили свои молитвы, то являлся какъ спеціально дождевое, то какъ свѣтовое божество. Въ послѣднемъ случаѣ, соответственно различнымъ фазамъ солнцестоянія, обусловливающимъ теплое или холодное, ненастное время года, ему иногда придавали различныя эпитеты, или даже происходило соответственное расщепленіе божества солнца на два особыя божества, съ разными названіями. Такъ напр. Зевесъ, святилище котораго находилось въ Мессенѣ, былъ представителемъ исключительно дождевой влаги. Нѣтъ возможности перечислить всѣ тѣ рѣки — замѣчаетъ Павзаній — у которыхъ, по увѣренію мѣстныхъ жителей, увидѣлъ свѣтъ и воспитался Зевесъ. Зевесъ Мессенскій, по мѣстному преданію, похищенный куретами, новорожденнымъ ребенкомъ, былъ воспитанъ на горѣ Иомѣ двумя нимфами, которыя искупали его въ протекавшемъ у названной горы источникѣ, Клепсидрѣ. Изъ этого источника ежедневно носили воду въ святилище Зевеса ²⁾. Къ древнѣй-

¹⁾ Herod. II, 52.

²⁾ Pausan. IV, 33.

шимъ и замѣчательнѣйшимъ культамъ принадлежитъ культъ Зевеса въ Додонѣ (въ Эпирѣ), на горѣ Томарѣ, у подошвы которой находился знаменитый его оракулъ. Воспитанный Гіадами (Додонскими нимфами), Зевесъ Додонскій жилъ на небѣ, откуда посылалъ на землю оплодотворяющій ее дождь. Въ берлинскомъ музеѣ хранится бюстъ Зевеса, украшеннаго вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ, съ влажными волосами и бородой. Зевеса Додонскаго вопрошали въ разныхъ случаяхъ частной и общественной жизни. Волку свою онъ проявлялъ въ шелестѣ листьевъ посвященнаго ему дуба, стоявшаго у подножія горы Томара ¹⁾. Служившіе Зевесу жрецы угадывали и предвѣщали будущее и по полету голубей, которыя также были посвящены Додонскому богу ²⁾, и по водѣ струившагося у подножія дуба священнаго источника. Къ Зевесу, со временемъ, приобщена была, въ качествѣ жены, Діона, олицетворявшая собою, въ женскомъ образѣ, ту же мысль, какъ самъ Зевесъ, почему ее и называли «дождящею» (ὕαξ). Діона отождествляется съ Герой, владычницей земли и неба и всѣхъ небесныхъ явленій, въ томъ числѣ тумановъ, дождей и грозовыхъ ливней (Ср. ниже въ ст.: «Земля»), также съ Геей, древнѣйшей представительницей матери земли. Упомянутыя Гіады также назывались «дождящими нимфами». Жрицы, служившія при Додонскомъ святилищѣ, именовались Пелеядами или Плеядами (отъ *πελαγίς* = дикий голубь); вѣроятно названіе это находилось въ связи съ преданіемъ, по которому голуби приносили Зевесу амброзію ³⁾. Плеяды пѣли въ честь своего бога:

«Зевесъ былъ, Зевесъ есть, Зевесъ будетъ! о величайшій боже Зевесъ;
Гейя производитъ плоды, потому величайте землю матерью!» ⁴⁾

Почитавшійся въ Аркадіи, Зевесъ (Ликейскій) является, съ одной стороны, какъ богъ свѣта, а съ другой—какъ податель освѣжающаго и напоющаго землю дождя, напоминая тѣмъ собою Индійскаго Варуну. Ему приносили жертвы на вершинѣ Ликейской горы, гдѣ воздвигнуть былъ, въ честь его, алтарь. Когда наступала продолжительная засуха, жрецъ Аркадскаго Зевеса, по совершеніи предписаннаго жертвоприношенія и молитвы, слегка погружалъ дубовую вѣтвь въ воду источника Гагны (названнаго такъ по имени одной изъ нимфъ, вскормившихъ Зевеса): вода приходила въ движеніе, поднималось облако, къ нему присоединялись другія, и начиналъ идти дождь, орошавшій Аркадскую землю ⁵⁾.

¹⁾ Одисс. XIV, 327—328.

²⁾ Pausan. I, 17; VII, 21.

³⁾ Одисс. XII, 62—63.

⁴⁾ Pausan. X, 12.

⁵⁾ Тамъ же. VIII, 38.

На островѣ Критѣ въ культѣ Зевеса выдвинулась преимущественно свѣтовая сторона небснаго бога, представителя солнечнаго блеска и тепла: весною отправлялся сопровождавшійся военными плясками и шумной музыкой веселый праздникъ, въ честь его рожденія, а позже (вѣроятно зимою) съ печалью оплакивалась его смерть¹⁾. Въ Атикѣ почитали Зевеса также, главнымъ образомъ, въ двухъ образахъ, олицетворявшихъ собою явленія лѣтняго свѣта и тепла, съ одной стороны, и зимняго мрака и стужи—съ другой: въ первомъ смыслѣ его чествовали весною, какъ ласковаго бога (*Zeῦς μέλιχος*), во второмъ—какъ бурнаго, неистоваго (*Z. μαμάχτης*). Кромѣ того, въ Атикѣ же сохранились и болѣе спеціальныя отношенія Зевеса къ природѣ: его молили объ урожаѣ полевыхъ плодовъ, въ особенности же плодовъ маслянистыхъ деревъ; какъ покровитель нивъ и маслинъ, онъ получилъ эпитеты: *Z. γερῶρος* и *μῆριος*.

Во Фракіи, по свидѣтельству Геродота, народъ поклонялся только Аресу, Діонисію и Артемидѣ, цари же, кромѣ того, Гермесу,— котораго считали своимъ родоначальникомъ²⁾. Аресъ, встрѣчающійся у Гомера, какъ олицетвореніе войны, первоначально былъ богомъ солнца, сохранившимъ, съ теченіемъ времени, изъ первоначальныхъ своихъ качествъ только качества воителя, которыя, какъ мы видѣли выше (стр. 67), играли столь важную роль въ представленіи Миѳры, въ Иранѣ. Очевидно, образъ бога солнца у Фракійцевъ раздѣлился, подобно Аттическому Зевесу, на два лица, но уже носившія разныя названія: Ареса и Діонисія. Первый былъ представителемъ солнца, дѣйствующаго палящими лучами своими во время весны и лѣта, второй, именно во Фракіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, въ отличіе отъ аттическаго культа (см. выше стр. 75),— представителемъ страданій скованнаго зимней стужей свѣтила³⁾. Артемиды была богиней луны.—И такъ, въ лицѣ Ареса, Діонисія и Артемиды, единственныхъ, по словамъ Геродота, народныхъ боговъ въ древней Фракіи, видимъ раздвоеніе бога свѣта на бога солнца (въ свою очередь распадающагося на два лица, соответствующія лѣтней и зимней фазамъ солнца) и богиню луны. О Зевесѣ, какъ

¹⁾ Фригійцы, по словамъ Плутарха, вѣрили, что богъ солнца зимою спитъ, а лѣтомъ бодрствуетъ, а потому весною шумнымъ торжествомъ встрѣчали его пробужденіе отъ сна. Пафлагоняне же представляли себѣ, что онъ зимою бываетъ скованъ, а весною освобождается отъ оковъ. Welcker. Gr. Götterl. I, 430.

²⁾ Herod. V, 7.

³⁾ Въ Элиадѣ, по словамъ Макробія, представителями солнца служили Аполлонъ и Діонисій: первый—въ свѣтлой, лѣтней половинѣ года, второй—въ темной, зимней. Но монетахъ въ Митиленѣ виѣстѣ изображались Аполлонъ и Діонисій. Въ Дельфахъ, по свидѣтельству Плутарха, четыре зимніе мѣсяца посвящены были Діонисію. Welcker. Gr. Götterl. I, 431, 432.

богъ небесномъ, Геродотъ вовсе не упоминаетъ въ числѣ Фракійскихъ боговъ. Тѣмъ неменѣе, однако, трудно допустить, чтобы и Фракійцы неимѣли первоначально божественнаго представителя дождевой влаги. Таковымъ несомнѣнно является Гермесъ, древне-Пелазгійскій богъ, воспоминаніе о которомъ во Фракіи, во времена Геродота, сохранилось лишь какъ о богѣ, которому поклонялись только цари. На этомъ, въ высшей степени интересномъ для Славянской міеологіи, божествѣ слѣдуетъ остановиться нѣсколько долѣе.

Гермесъ прежде всего представляетъ собою олицетвореніе оплодотворяющей силы Неба-отца по отношенію къ матери-Землѣ, — орудіемъ этой силы служить дождевая влага. Вотъ почему Гермесъ въ древнѣйшія времена, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ издревле жили Пелазги, изображался обязательно съ выдающимися естественными принадлежностями ¹⁾, а въ Аркадіи, главнѣйшемъ центрѣ Гермесова культа, древнѣйшимъ и простѣйшимъ символомъ Гермеса служилъ фаллосъ ²⁾, который, какъ эмблема божественной оплодотворяющей силы, игралъ столь важную роль и въ разныхъ тайныхъ культахъ, распространенныхъ на островахъ Лемносѣ, Имбросѣ, Самоэракѣ, словомъ въ мѣстахъ, гдѣ издревле существовало почитаніе Гермеса. Въ этомъ отношеніи Гермесъ сходенъ съ Гезіодовымъ Эротомъ и нѣкоторыми міеологами даже отождествляется Гимэроту (Ἴμερος), близко родственному Эроту ³⁾. Сообразно такому основному характеру своему, Гермесъ сдѣлался представителемъ плодородія скота, а отсюда покровителемъ скота и погонщикомъ стадъ, и, вслѣдствіе того, сталъ изображаться у Грековъ съ бараномъ, или стоящимъ возлѣ него, или схваченнымъ имъ подъ мышку, или вскинутымъ на плеча (изъ послѣдняго образа заимствовано извѣстное изображеніе «добраго пастыря» въ христіанскомъ искусствѣ). Цѣлый рядъ свидѣтельствъ древнихъ писателей ⁴⁾ несомнѣнно доказываетъ, что Гермесъ оказывалъ особенное покровительство пастухамъ, которые, въ свою очередь, чествовали его жертвоприношеніями и молитвами. Какъ олицетвореніе небесной влаги, ниспадающей съ неба на землю и проникающей въ ея нѣдры, онъ получилъ значеніе посредника между небомъ, землею и преис-

¹⁾ Herod. II, 51.

²⁾ Pausan. VI, 26: «Въ Келленѣ (въ Аркадіи)...—говоритъ Павзаній—Гермесъ, пользующійся тамъ высокимъ уваженіемъ, изображенъ въ видѣ дѣтороднаго уда, стоящаго на пьедесталѣ».

³⁾ «На островѣ Имбросѣ называли Гермеса Ἴμβροτος, — название это, кажется, тождественно съ Ἴμερος». (Preller. Gr. Myth. I, 297.) — «Эротъ—есть другой Гермесъ, варьянтъ его», говоритъ Велькеръ: Ἴμβροτος = Ἴμερος, Ἴερος. (Welcker. Gr. Götterl. I, 349.)

⁴⁾ См. Welcker. Gr. Götterl. I, 334.

подней, а отсюда — гонца или вѣстника боговъ, посредника между безсмертными богами, смертнымъ человѣчествомъ и подземнымъ царствомъ мертвыхъ, куда онъ переправлялъ и сопровождалъ души усопшихъ. Онъ, однако, предпочиталъ обращеніе съ людьми ¹⁾, заботясь о дѣлахъ людскихъ, способствуя ихъ преуспѣнію и выгодному завершенію, почему получилъ званіе «благословляющаго», «прибыльнаго». На томъ же основаніи онъ способствовалъ людямъ и въ дѣлѣ открытія зарытыхъ въ землѣ кладовъ (ἔρμιον = находка). Какъ гонецъ, пробѣгающій по разнымъ путямъ и дорогамъ (въ качествѣ бога дождя, онъ, разумѣется, поспѣвалъ всюду), онъ сдѣлался богомъ дорогъ, покровителемъ спутниковъ. На дорогахъ и перекресткахъ, въ честь его, воздвигались кучи камней или столбы, называвшіеся: первые — гермеями (ἑρμαῖα, ἑρμαεες), вторые — гермами. О такихъ кучахъ, воздвигнутыхъ у дорогъ и на границахъ земель, упоминаютъ Гомеръ (Одисс. XVI, 471), Страбонъ (VIII, 343), Павзаній (VIII, 34). Проходящіе путники считали долгомъ наваливать на эти кучи новые камни, дѣлали на нихъ возліянія или приносили жертвы. Гермы, т. е. ставившіеся въ честь Гермеса столбы, снабжались изображеніемъ на нихъ фаллоса. На вершину столба надѣвалась голова Гермеса. Гермы, ставившіеся на перекресткахъ, иногда получали, соответственно числу перекрещивающихся дорогъ, по нѣскольку головъ, смотрѣвшихъ каждая по направленію одной изъ дорогъ, отсюда трех- и даже четырех-головыя гермы (Ἑρμῆς τρικέφαλος, τετρακέφαλος). Быстрота и легкость движеній герольда боговъ нашла себѣ выраженіе въ маленькихъ крыльяхъ, которыми на статуяхъ Гермеса обыкновенно бываютъ снабжены его ноги или шляпа. Какъ хитрый и ловкій устроитель всякихъ дѣлъ, Гермесь сдѣлался представителемъ искусной рѣчи, краснорѣчія (λόγιος). Онъ же первый построилъ лиру, натянувъ струны на выдолбленномъ спинномъ щитѣ черепахи, но затѣмъ уступилъ изобрѣтеніе свое Аполлону, въ замѣнъ того, указавшему Гермесу на вѣщихъ Θρίи, отъ которыхъ Гермесь могъ узнавать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, будущее; Аполлонъ подарилъ ему также чудодѣйственный золотой жезлъ счастья и богатства, мановеніемъ котораго Гермесь могъ усыплять смертныхъ и навѣвать на нихъ сны. Этотъ жезлъ составляетъ нерѣдко атрибутъ статуй Гермеса. И такъ, Гермесь былъ божествомъ весьма разностороннимъ и притомъ благосклоннымъ, благотѣльнымъ по

¹⁾ Сынъ мой, Гермесь, (говоритъ Зевесъ:) тебѣ отъ боговъ нѣпаче пріятно съ сыномъ Земли сообщаться; ты внешнешь, кому пожелаешь. Ил. XXI V, 333—335.

отношенію къ человѣку, которому въ разныхъ сферахъ и отрасляхъ его дѣятельности дароваль счастье, обиліе, благополучіе ¹⁾).

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ древне-Пелазгійскомъ загадочномъ божествѣ женскаго рода, отчасти сродномъ Гермесу,—Гекатѣ (*Ἑκάτη*, далеко мечущая), богинѣ луны, принадлежащей, слѣдовательно, къ Артемидину циклу. Въ древнѣйшихъ культахъ, тайныхъ и явныхъ, Геката прежде всего почиталась, какъ божество благодѣтельное, отклоняющее бѣдствія и дарующее благословеніе съ неба, какъ на морѣ, такъ равно и на сушѣ. Въ этомъ смыслѣ ее въ послѣдствіи даже отождествляли съ богиней счастья, Тихе. Однимъ изъ характеристическихъ свойствъ ея было покровительство родильницамъ. Эсхилъ называетъ ее богиней родовъ. Въ Аргосѣ ей приносили въ жертву собакъ, моля ее о легкости родовъ ²⁾. Павзаній свидѣтельствуетъ, что Колофонцы приносили въ жертву Гекатѣ, богинѣ «скитающейся по дорогамъ, стоящей на перекресткахъ», ночью—черную собаку (самку) ³⁾. Ей же предлагались въ жертву черныя овцы. Черныхъ звѣрей обыкновенно приносили въ жертву богамъ подземнымъ (хаоническимъ). Геката дѣйствительно вступаетъ въ близкое соотношеніе съ землею и подземнымъ міромъ, дѣлается божествомъ подземнымъ, страшной властительной богиней въ средѣ тѣней преисподней. Все ея существо имѣетъ характеръ демоническій, и она сама дѣлается предметомъ темныхъ суевѣрій; она блуждаетъ, вмѣстѣ съ душами умершихъ, по перекресткамъ и около могилъ, находившихся въ старину именно у дорогъ и перекрестковъ. Близость ея возвышается во емъ собакамъ. Она покровительствуетъ чаровницамъ, которыя ночью, при лунномъ свѣтѣ, отыскиваютъ волшебныя травы и приносятъ страшныя заклинанія ⁴⁾. Въ рассказанномъ Гезіодомъ ⁵⁾ мифѣ о похищеніи Плутономъ Перзефоны — олицетворенія рождающейся весной и умирающей зимою растительности — Геката одна слышитъ вопли похищаемой и дѣлается ея спутницей въ царство Плутона и ея слугою. Высоко почитаемая Зевесомъ, Геката получаетъ отъ него власть надъ небомъ, землею и моремъ (*τρίμορφος*—трехвидная). Она—покровительница путниковъ на сушѣ (оттого выше-

¹⁾ См. Гимнъ Гомера въ честь Гермеса, гдѣ въ весьма забавной формѣ изложены происхожденія и предѣли хитраго и умнаго новорожденнаго бога.—О Гераклѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи сродномъ съ Гермесомъ, упомяну ниже, когда буду говорить о Римскомъ Геркулесѣ. (См. ниже ст.: «Единый верховный небесный богъ»—Святотить.)

²⁾ Плутархъ, въ «Вопросахъ съ римскихъ обычаяхъ» (77); замѣчаетъ, что у Римлянъ способность помогать родамъ приписывалась свѣтящейся Юнонѣ (*Juno Lucina*) и лунѣ, такъ какъ, по народному повѣрью, роды совершаются легче всего во время полнолунія.

³⁾ Pausan. III, 14.

⁴⁾ Ср. Theocrit. Id. II, 12 и сл.

⁵⁾ Theog. 411 и сл.

приведенные эпитеты ее: «скитающаяся по дорогамъ», «стоящая на перекресткахъ») и на морѣ, доставляетъ людямъ благосостояніе, приплодъ стадъ. Въ честь ее, какъ подательницы добра и отвратительницы зла, такъ-же какъ и въ честь Гермеса (во многихъ отношеніяхъ ей сроднаго), воздвигались передъ домами или внутри ихъ, также на дорогахъ, площадяхъ и перекресткахъ, изображенія ее, предохранявшія дома и ихъ обитателей, а также путниковъ, отъ бѣдствій. Въ честь ее выставлялись на перекресткахъ же, въ концѣ мѣсяца, кушанья, которыя обыкновенно съѣдались бѣдными. Въслѣдствіе могущества ее на небѣ, на сушѣ и на морѣ, ее нерѣдко изображали о трехъ головахъ: орфическіе гимны приписываютъ ей головы: коня (эмблемы воды), льва (ээира) и собаки (земли). Порфирій говоритъ, что Гекату называли по имени характеризовавшихъ ее трехъ головъ: быкомъ, собакой, львомъ, или даже четырьмя названіями: конемъ, быкомъ, львомъ, собакой. На томъ же основаніи трехвидной природы древне-Пелазгійской богини луны, ее призывали иногда въ трехъ лицахъ, какъ Селену—богиню небесную, Артемиду—богиню земную, и Гекату—богиню подземную. Такимъ образомъ Геката, собственно небесная богиня луны, отождествлялась съ богинями земли: Кибелой, Реей или Деметрой, и въ этомъ случаѣ ей иногда приписывалась власть на небѣ, на землѣ и уже не на морѣ, какъ выше, а въ преисподней ¹⁾.

Первобытному аллегорическому изображенію Діониса и Гермеса въ видѣ фаллоса, изображенію Гермеса и Гекаты съ тремя или даже четырьмя головами, соотвѣтствуетъ фигура описаннаго Павзаніемъ древняго деревяннаго истукана «черной Деметры», воздвигнутаго Фигалійцами въ Аркадіи, слѣдовательно, опять въ одномъ изъ главныхъ центровъ древне-Пелазгійскихъ поселеній въ Греціи. Богиня Деметра, названная черной—по цвѣту платья, въ которое была облечена, изображена была сидящею на скалѣ, въ видѣ женщины, но съ конской головой; у головы ее висѣли змѣи и другіе дикіе звѣри, на одной рукѣ она держала дельфина, на другой—голубя ²⁾. Фигуры голубя, дельфина и земныхъ животныхъ, служили, разумѣется, эмблемою различныхъ областей міра: воздуха (неба), воды и земли, происшедшихъ изъ лона земли—общей матери. Чернооцѣвіе богини выражало хаотическій ее характеръ. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ аллегорическаго изображенія божествъ очевидно обнаруживается отпечатокъ какихъ-то древне-азіатскихъ традицій и вліяній. Къ этой же категоріи аллегорическихъ изображеній боговъ принадлежитъ описанный Павзаніемъ истуканъ Зевеса,

¹⁾ Voss. Myth. Br. III. 190 и сл.

²⁾ VIII, 42.

стоявшій во храмѣ Аѳины въ Лариссѣ, привезенный сюда будто-бы изъ Трои. Зевесъ этотъ былъ изображенъ съ тремя глазами: двумя на обыкновенныхъ мѣстахъ и третьимъ на лбу. Павзаній высказываетъ предположеніе, что три ока Зевеса служили выраженіемъ владычества его надъ тремя областями міра: небомъ, моремъ и преисподней, ссылаясь на то, что имя Зевеса давалось писателями не только богу небесному, но и властителю преисподней («подземный Зевесъ» у Гомера, Ил. IX, 456) и владыкѣ морей (Эсхиль¹⁾). Зевесъ въ данномъ случаѣ получаетъ такую же трисоставную природу, какъ Геката. Мы увидимъ далѣе, что идея эта олицетворяется и въ вѣроученіяхъ другихъ народовъ. Уже въ одномъ изъ ведическихъ гимновъ Варуна восхваляется, какъ властитель земли, неба и воды²⁾.

И т а л і й ц ы .

Мифологія Римлянъ въ томъ видѣ, какъ мы встрѣчаемъ ее въ произведеніяхъ древне-Римской литературы классическаго и позднѣйшихъ временъ, на первый взглядъ является какъ бы снимкомъ или переводомъ съ греческой: Юпитеръ и Зевесъ, Юнона и Гера, Минерва и Аѳина, Аполлоны Римскій и Греческій, Діана и Артемида, Меркурій и Гермесъ, Нептунъ и Посейдонъ, Веста и Гестія и т. д. во многихъ отношеніяхъ отождествляются, въ связи и одновременно съ процессомъ общей эллинизации, постигнувшей Римлянъ, особенно въ теченіи 2-го и 1-го вѣковъ до Р. X. Но если снимемъ это позднѣйшее эллинское наслоеніе, то открывается совершенно своеобразная древне-Италійская мифологія, которая, въ свою очередь, можетъ быть разложена на разнообразныя составныя части, соотвѣтственно разнороднымъ, вошедшимъ въ нее, еще до общей эллинизации Римскаго государства, элементамъ. Населеніе Рима произошло изъ различныхъ племенъ. Главнѣйшіе изъ нихъ были, съ одной стороны, Латины и Сабинны (и родственные послѣднимъ Умбры,

¹⁾ Раузанъ, II, 24.—Самое широкое развитіе получили фантастическія изображенія боговъ у Индусовъ: «Божества (въ Индіи) противопоставляются простымъ смертнымъ посредствомъ противоположнаго нагроможденія членовъ: головъ, рукъ и ногъ, — говорить Любке. Такъ, богъ Равана имѣетъ 4 головы и 20 рукъ; Брама и Вишну изображаются съ 4-мя, Сива съ 4-мя или 5-ью головами, послѣдній иногда съ одной головой, но съ 3-мя глазами (ср. выше: 3-хъ и 4-хъ головыхъ Гермы, 3-хъ головая Геката, 3-хъ окій Зевесъ). Иногда Вишну получаетъ львиную или кабанью голову, Гевеза — даже слоновью голову (ср. выше Геката съ 3-мя или 4-мя звѣринными головами, «Черная Деметра» съ конской головой); наконецъ, встрѣчаются трехголовыя фигуры, изображающія ничто иное, какъ Индійскую Троицу (Тримурти): Брама, Сива и Вишну». Lübcke. Gesch. d. Plast. I, 10—11.

²⁾ Ludwig. D. phil.-rel. Ansch. d. Veda. 49.

Оски и др.), съ другой—рѣзко отличавшіеся отъ тѣхъ и другихъ Этруски. Въ то время какъ религія первыхъ отличалась свѣтлымъ, яснымъ, въ значительной степени разсудочнымъ, характеромъ, религія Этрусковъ, напротивъ того, окрашена была мрачнымъ, фантастическимъ колоритомъ, выражалась въ жестокихъ обрядахъ, въ таинственныхъ гаданіяхъ и чарахъ. Римская (собственно Латинская) міеологія, по выраженію Момсена, есть результатъ отраженія земнаго Рима въ высшей, идеальной области, въ которой съ мелочною точностью воспроизводится все—и малое, и великое. Государство и родъ, каждое явленіе природы и каждая отрасль духовной дѣятельности, каждый человѣкъ, каждое мѣсто или предметъ, даже каждое дѣйствіе въ области римскаго права, находятъ себѣ отраженіе въ мірѣ Римскихъ боговъ. Духъ, покровительствующій отдѣльному дѣйствію, существуетъ недолѣе самого дѣйствія; духъ, покровительствующій отдѣльному человѣку, живетъ и умираетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ; и только въ томъ смыслѣ божества эти существуютъ вѣчно, что постоянно возобновляются подобныя дѣйствія и однородные люди, а вмѣстѣ съ ними постоянно возникаютъ и однородные духи... Отвлеченныя понятія и олицетворенія составляютъ сущность какъ Римской, такъ и Греческой міеологіи; но, въ то время какъ у Грековъ каждый значительный мотивъ тотчасъ облекается въ извѣстные образы, въ форму міеа или сказанія, у Римлянъ основная мысль сохраняетъ свою первоначальную неподвижность. Національно-римская теологія старалась во всѣхъ отношеніяхъ схватывать понятія важныхъ явленій и качествъ, снабжать ихъ опредѣленной терминологіей, схематически ихъ классифицировать и, согласно тому, призывать боговъ или группы боговъ и научать толпу вѣрному способу ихъ призванія. Римская теологія вращалась въ такихъ, внѣшнимъ образомъ извлеченныхъ, понятіяхъ, отличавшихся столь же почтенною, сколько смѣшною простотою; представленія, какъ напр. обрѣженіе (saeturnus) и обработка полей (ops), цвѣтеніе (flora), война (bellona), граница (terminus), молодость (juventus), благополучіе (salus), вѣрность (fides), согласіе (concordia), принадлежатъ къ древнѣйшимъ и священнѣйшимъ Римскимъ божествамъ. Можетъ быть искреннѣйшимъ изъ всѣхъ Римскихъ культовъ былъ культъ духовъ-покровителей домовъ и клѣтѣй: въ общественномъ богослуженіи — почитаніе Весты и пенатовъ, въ домашнемъ—боготвореніе лѣсныхъ и полевыхъ боговъ, преимущественно же собственно - домовыхъ боговъ, Ларь (Lares), которымъ постоянно посвящалась часть отъ семейной трапезы и поклоненіе которымъ, еще во времена Катона старшаго, составляло одну изъ первѣйшихъ обязанностей хозяина дома. Но въ іерархіи боговъ

вообще, эти домовые и полевые боги занимали скорѣе послѣднее, чѣмъ первое мѣсто; въ религіи Римлянъ, исключавшей идеализацію, народное благочестіе естественно находило наибольшую пищу не въ возможно широкой и общей, а въ простѣйшей и индивидуальнѣйшей абстракціи.

Богочитаніе у народовъ Сабинскаго племени, на сколько можно судить по скуднымъ, дошедшимъ до насъ, свѣдѣніямъ, основывалось на подобныхъ же началахъ, какъ и религія Латинцовъ, хотя и не было тождественно съ Латинскимъ: это доказывается тѣмъ, что въ Римѣ существовало особенное общество, заботившееся о сохраненіи Сабинскихъ обрядовъ. Боги и Латинцовъ, и Сабинцовъ, имѣли сходный въ основѣ, отвлеченный, безличный характеръ, но отличались совершавшимися въ честь ихъ обрядами. Характеристическое различіе между тѣми и другими въ настоящее время трудно уловимо.

Средоточіемъ не только Римскаго, но вообще Италійскаго богослуженія, въ древнѣйшую эпоху, былъ богъ Мамерсъ, Маворсъ или Марсъ, покровитель стадъ, божественный, побѣдосный защитникъ отъ враговъ. Ему посвященъ былъ первый мѣсяць въ году (Мартъ, — до введенія Юліемъ Цезаремъ новаго, «Юліанскаго», календаря, по которому первымъ мѣсяцемъ сталъ считаться Январь). Рядомъ съ Марсомъ почитались и получили первенствующее значеніе въ Римской государственной религіи: Юпитеръ, въ качествѣ генія Римскаго народа, и Квириръ (т. е. копьеносецъ), впоследствии слившійся съ возведеннымъ въ божеское достоинство Ромуломъ. Этими тремя богамъ служили жрецы, избиравшіеся изъ древнѣйшихъ родовъ гражданъ и называвшіеся, въ отличіе отъ жрецовъ прочихъ боговъ, — высшими, *Flamines majores*. Въ тоже время культъ богини Весты, представительницы очаговъ каждой изъ вошедшихъ въ составъ города Рима курій, получаетъ высшее значеніе: возжигается одинъ, общій, городской очагъ, которому служатъ шесть цѣломудренныхъ дѣвъ — весталокъ; это служеніе огню, какъ общественной святыни, принадлежало къ священнѣйшимъ Римскимъ культамъ и удержалось въ Римѣ, при введеніи христіанской вѣры, долѣе всѣхъ прочихъ языческихъ культовъ. Затѣмъ учреждены были святилища Діаны, какъ представительницы Латинскаго союза, и нѣкоторыхъ другихъ боговъ, въ честь которыхъ устанавливались спеціальныя празднества, къ которымъ приставлялись жрецы, въ отличіе отъ вышеназванныхъ, высшихъ, носившіе уже наименование *и* высшихъ, *Flamines minores*¹⁾). Главнѣйшими изъ этихъ боговъ былъ **Янусъ** — представитель всякаго начинанія, Сатурнъ — богъ посѣва

¹⁾ Mommsen. Röm. Gesch. I, 161 и сл.

и земледѣлія вообще, Меркурій—богъ торговли, Вулканъ—богъ огня и очага, Юнона—богиня неба, Минерва—богиня мысли, Опсъ—богиня земли, Венера—богиня весны и красоты, Церера—богиня плодородія, и др. Большинство этихъ боговъ и богинь, соотвѣтственно разнообразію оттѣнковъ представительствуемыхъ ими явленій и дѣйствій, получали множество разнообразныхъ эпитетовъ, въ свою очередь возводившихся въ значеніе наименованій самостоятельныхъ божествъ. Всѣ эти божества представляли, какъ видно, олицетворенія извѣстныхъ явленій и сторонъ народной жизни, но они лишены были личности; они, пока не укоренились въ Римскомъ народѣ Греческіе сказанія и мѣты, въ послѣдствіи перенесенные на Римскихъ боговъ, не имѣли ни предковъ, ни потомковъ. Взаимныя отношенія ихъ ограничивались лишь сопоставленіемъ нѣкоторыхъ боговъ и богинь во взаимныя супружескія отношенія, оставшіяся, однако, бесплодными: супругой Юпитера была Юнона, Янусу противопоставлялась Діана, Сатурну—Опсъ, Марсу—Венера, Вулкану—Веста. Слѣдуетъ замѣтить, что такое божественное олицетвореніе извѣстныхъ явленій и понятій въ соотвѣтствующихъ мужскихъ и женскихъ образахъ весьма свойственно древне-Италійскому религіозному міровоззрѣнію и проводится послѣдовательно, именно въ области наиболѣе близкихъ сердцу древнихъ Италійцевъ, наиболѣе искренно почитавшихся ими боговъ, полевыхъ и лѣсныхъ; такъ, кромѣ вышеозначенныхъ сочетаній главнѣйшихъ боговъ и богинь, Faunus, Luperus, эпитеты Марса, сочетаются съ богинями Fauna и Luperca; лѣсные боги Silvii—съ такими же богинями Silviae; Liber, соотвѣтствующій греческому Діонисию, съ Libera; Ruminus, пастушескій богъ—эпитетъ Юпитера—съ богиней Rumina и т. п.

Вникая ближе въ значеніе главныхъ древне-Римскихъ боговъ, мы и въ нихъ узнаемъ первоначальное, основное значеніе ихъ, какъ олицетворенія главнѣйшихъ явленій природы, наиболѣе вліяющихъ на жизнь земледѣльцевъ и пастуховъ, каковыми были въ старину и древніе Латины и Сабинны, обуславливающихъ ихъ благосостояніе: небеснаго свѣта и небесной влаги. Представителями небеснаго свѣта были, кромѣ солнца и луны, какъ явленій физическихъ,—Марсъ, который, подобно греческому Аресу, былъ первоначально богомъ солнца, покровителемъ стадъ и растительности, представителемъ плодородія, и Діана (также Юнона свѣтящаяся, Juno Lucina), какъ божественное олицетвореніе луны. Представителемъ небесной влаги, подобно Индрѣ и Зевесу, былъ Юпитеръ. Надъ названными богами стоялъ, въ первоначальномъ, древнѣйшемъ значеніи своемъ, Янусъ, богъ начала и конца всякаго дѣла, имя котораго въ древнѣйшихъ молитвенныхъ формулахъ произносилось

передъ именемъ Юпитера, называвшійся въ гимнѣ Салийцевъ «богомъ боговъ», — Янусъ, властитель надъ небомъ и небесными явленіями, надъ всѣми дѣлами, происходящими на сушѣ и водѣ, источникъ рѣкъ и потоковъ, творецъ всего бытія, всякихъ дѣлъ, время, боговъ ¹⁾. Нетрудно узнать въ немъ, слѣдовательно, божество, въ основномъ значеніи своемъ весьма сходнаго съ Индійскимъ небеснымъ богомъ Dyauis и заступившимъ, въ послѣдствіи, мѣсто его Варуной, съ Иранскимъ Агурамаздой, съ греческимъ Ураномъ, вытѣсненнымъ и замѣненнымъ Зевесомъ. Янусъ обыкновенно изображался съ двумя лицами, смотрѣвшими въ разные стороны, впередъ и назадъ, въ будущее и прошедшее. Но древніе писатели упоминаютъ и о четырехъ лицемъ Янусъ, который, какъ свидѣтельствуемъ Лидіецъ Іоаннъ, по толкованію Варрона, у Этрусковъ олицетворялъ небо. Толкованіе это извѣстно и Макробію ²⁾. Въ лицѣ Діаны почиталась богиня жизни, здоровья и плодородія, преимущественно въ смыслѣ дѣтороженія, подобно греческой Артемидѣ и Иранской Анагитѣ, культъ которыхъ, какъ извѣстно, былъ чрезвычайно распространенъ въ Греціи и Малой Азіи ³⁾. Доказательствомъ такому пониманію Діаны служитъ древнѣйшее изображеніе ея въ Римѣ, по образцу Эфесской (Малоазійской) Артемиды ⁴⁾, вся фигура которой была покрыта безчисленными сосками, — аллегорическимъ выраженіемъ обильнаго питанія и плодородія. Юнона представлялась покровительницей женщинъ и дѣвицъ во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни (ср. эпитеты ея: *Jugalis*, *Prociuba*, *Virginensis*, *Domiduca* и пр.). Какъ олицетвореніе луны, въ качествѣ свѣтящейся (*Juno Lucina*), она покровительствовала родамъ и браку. Марсъ, какъ богъ солнца, былъ покровителемъ растительности и скота, благодѣтельнымъ, благосклоннымъ къ человѣку богомъ: эти качества его выразились въ эпитетахъ *Silvanus* и *Faunus* (отъ *Silva* и *favor* = лѣсной, т. е. сельскій, и благосклонный), получившихъ затѣмъ самостоятельное значеніе: и Сильванъ, и Фавнъ уже

¹⁾ Preller. Röm. Myth. I, 166 и сл.

²⁾ Müller. D. Etrusk. II, 58. — Въ гимнахъ Веды Варуна возхваляется въ выраженіяхъ, почти буквально совпадающихъ съ приведенной только что характеристикой древнѣйшаго Януса: «Я царь Варуна... воли Варуны подчиняются всѣ боги» и въ другомъ мѣстѣ: «Онъ (Варуна) распростеръ землю передъ солнцемъ. онъ устроилъ весь міръ, онъ владыка вселенной, онъ распредѣлялъ времена, дни, мѣсяцы, годы, священные обряды. По его законамъ текутъ рѣки и наполняютъ море, которое однако не выходитъ изъ береговъ; въ водахъ его золотой чертогъ». Мы видѣли выше, что Варуна называется «четырёх-лицымъ» (ср. *Janus quadrifrons*). Ludwig. D. phil.-rel. Ansch. d. Veda. 48, 50, 54.

³⁾ Въ Греціи божество луны почиталось въ лицѣ Артемиды, Селены, Гекаты, отчасти — Геры Аргивской; въ Малой Азіи — въ лицѣ Анаиты (въ Арменіи, въ Царствѣ Понтійской), Мена (*Mēn*), бога луны (въ Кабирѣ Понтійской, во Фригіи), Ма (*Mā*), богини луны (въ Каппадокіи), и т. д. Strabo. XI, 532; XII, 535, 557, 559, 577.

⁴⁾ Mommsen. Röm. Gesch. I, 233.

въ древнѣйшую эпоху были самостоятельными божествами. Сильваны являются и во множественномъ числѣ, и имъ сопоставляются лѣсныя дѣвы, *Virae, Virgines, Silviae*. Рядомъ съ Фавномъ стоитъ Фавна, носящая также разныя другія названія: *Maia* (умножающая), *Vona Dea* (добрая, благая), *Argentia* (вѣщая) и др. Точно такъ же специализировалась и богиня весны и любви, цвѣтовъ и красоты, получившая разныя названія: Феронія (греческіе писатели объясняли ее, какъ богиню цвѣтовъ, любящую вѣнки, или сблизали съ Персефоной, которая была одновременно богиней весны и смерти), Флора, почитавшаяся какъ богиня весны и цвѣтовъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, какъ покровительница и благодѣтельная мать плодовъ земныхъ и даже плодовъ, созрѣвающихъ въ материнскомъ чревѣ, символомъ которыхъ служатъ цвѣтокъ; Венера, прекрасная представительница весны, цвѣтовъ и природныхъ прелестей, какъ предыдущія двѣ сродныя ей богини, въ свою очередь получавшая разныя эпитеты, опредѣляющіе тѣ или другія болѣе спеціальныя стороны богини, по отношенію къ человѣку. Названныя божества, при своей отвлеченности, безличности и безплотности, не могли, разумѣется, представляться вполнѣ обособленнымъ, но, смотря по болѣе широкому или узкому представленію ихъ свойствъ и качествъ, болѣе или менѣе взаимно сливались или покрывали другъ друга, отличаясь другъ отъ друга не столько присущимъ имъ внутреннимъ значеніемъ, сколько особенностями установившагося въ честь ихъ культа. Божества весенняго плодородія весьма близко родственны божествамъ, представителямъ земли и земледѣлія, плодородія почвы вообще, въ свою очередь образующимъ циклъ боговъ и богинь, очень сходныхъ между собою и также нерѣдко покрывающихъ другъ друга, не смотря на неменьшее разнообразіе даваемыхъ имъ наименованій. Во главѣ ихъ стоятъ Сатурнъ и Опсъ; послѣдняя тождественна съ матерью-землей, *Tellus*, съ богинями *Assa Larentia*, Матерью Ларъ, принимающею въ пѣдра свои какъ сѣмена посѣвовъ, такъ и прахъ умершихъ, съ *Dea Dia*, называемою въ гимнахъ Арвальскаго братства, наконецъ съ Церерой, богиней плодородія и жатвы, въ свою очередь составляющей одну группу съ *Liber* и *Libera*, божествами веселой свободы, обильнаго плодородія, не только въ поляхъ, но и въ средѣ стадъ и людей, — плодородія, которое, какъ и у Грековъ, во время празднествъ въ честь Діонисія (также въ древнѣйшихъ изображеніяхъ бога дождевой влаги и похоти, Гермеса), находило себѣ символическое выраженіе въ образѣ фаллоса (*fascinum*), чествуемаго, возимаго въ торжественной процессіи, приносящаго, по народному представленію, изобиліе и благополучіе, отвращающаго всякую бѣду, чары и призоры. Въ мрачной преисподней, въ царствѣ мертвыхъ,

пластовали, рядомъ съ только что названною Матерью Ларь, боги смерти: Orcus и Dispatet.

Выше упомянутая (стр. 83) идея владычества одного божества надъ тремя областями міра въ Римской мифологіи выразилась, не только въ образѣ запимствованной отъ Грековъ трехвидной Діаны (Diana trivialis, triformis, ср. трехвидная Геката), но и въ видѣ какого-то темнаго, самостоятельнаго могущественнаго подземнаго бога: одной угрозой назвать его страшное имя можно было, по народному вѣрованію, подчинить своей власти всѣхъ прочихъ боговъ ночи и преисподней. Этотъ властитель надъ тремя царствами—triplicis mundi Summus—по выраженію Стація, живетъ въ Тартарѣ¹⁾; передъ именемъ его, по словамъ Лукана, трепетала земля²⁾.

Въ то время, какъ въ городахъ божествамъ воздвигались храмы и идолы (первые идолы, по свидѣтельству Варрона, воздвигнуты были въ Римѣ около 170 лѣтъ послѣ основанія города³⁾: до того молились богамъ безъ вещественнаго ихъ изображенія), сельскіе жители продолжали, по древнѣйшему обычаю, воздавать почести богамъ въ природныхъ святилищахъ: на вершинахъ горъ, въ священныхъ рощахъ, у священныхъ источниковъ. Плиніи называетъ деревья древнѣйшими храмами боговъ, передъ которыми возносились молитвы болѣе искреннія, чѣмъ передъ идолами, блестящими золотомъ и слоновой костью. Водамъ рѣкъ и источниковъ приписывалась очистительная, питательная, оплодотворяющая и воодушевляющая сила. Характеристическую особенность такого древнѣйшаго богопочитанія составляетъ олицетвореніе боговъ не въ видѣ идоловъ, но символами или атрибутами, изъ растительнаго или животнаго міра, или иными предметами, напр. орелъ служилъ символомъ Юпитера, волкъ, быкъ, конь, дятель, также копые, щитъ и т. п.—символами Марса, копые—символомъ Квирина; быкъ, козелъ и коза въ культѣ Фавна, Юноны и др. служили эмблемою плодородія; наконецъ, змѣя, скрывающаяся подъ землею, ежегодно обновляющая свой покровъ, сдѣлавшаяся предметомъ безчисленныхъ сказаній, служила эмблемою геніевъ и домовыхъ духовъ и принадлежала, вслѣдствіе того, къ обычнымъ домашнимъ животнымъ въ Римѣ. Животныя и птицы получали еще тѣмъ болѣе важное значеніе, что въ средѣ всѣхъ древне-Италійскихъ народовъ были сильно распространены гаданія и предвѣщанія по ходу, полету, движеніямъ, крику, также по

¹⁾ Statius. Theb. IV, 514.

²⁾ Lucanus. Phrasal. VI, 743.

³⁾ Mommsen. Röm. Gesch. I, 233, прим.—Въ открытыхъ въ долинѣ рѣки По многочисленныхъ свайныхъ постройкахъ древнихъ Италійцевъ, при новѣйшихъ раскопкахъ не найдено ни одного предмета, который-бы имѣлъ соотношеніе съ культомъ боговъ, а равно и ни одного идола. Helbig. Die Ital. 24.

внутренностямъ животныхъ, составляющія занятія и обязанности особеннаго класса волхвовъ,—авгуровъ (avis—птица, augur—птицегадатель).—Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно сильно проявилось вліяніе на Римское волхвованіе, т. е. искусство гаданія и предвѣщанія (divinatio), со стороны Этрусковъ, между которыми чрезвычайно была развита техника гаданій по внутренностямъ животныхъ, угадыванія и изложенія воли боговъ, проявлявшейся въ разныхъ чудесныхъ явленіяхъ природы, въ особенности въ явленіяхъ молніи и грома, сдѣлавшихся у Этрусковъ предметомъ особенной науки или ученія о молніяхъ.

Наиболѣе сильно было, однако, вліяніе Грековъ на Римлянъ, приведшее къ полной эллинизации религіозныхъ представленій послѣднихъ. Въ послѣдствіи Римская религія приняла въ себя еще массу божествъ и культовъ иноземныхъ, именно: Египетскихъ, Фригійскихъ, Сирійскихъ, Персидскихъ и др.

При разсмотрѣнн Славянскихъ божествъ и сличеніи, какъ природы, такъ и наименованій ихъ, съ божествами прочихъ древнихъ народовъ, намъ неразъ прійдется останавливаться на аналогіяхъ, всегда поразительныхъ, между явленіями изъ религіозной жизни Славянскихъ и древне-Италійскихъ народовъ, преимущественно Сабиновъ, которые, и независимо отъ мнѳологіи своей, въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ народной своей жизни обнаруживаютъ замѣчательное сходство съ народами Славянскими. Вспомнимъ, прежде всего, древнюю легенду о колонизации Сабиновъ,—легенду, проливающую неожиданный свѣтъ на близкое отношеніе между народами этого племени и Славянами, и обратимъ вниманіе, съ одной стороны, на связанную съ этой легендой номенклатуру Сабинскихъ поколѣній, съ другой—на общинный строй жизни главнѣйшей отрасли Сабинскаго племени—Самнитовъ, въ отличіе отъ Латинскаго государства, централизованнаго въ Римѣ. Тѣснимые Умбрами, Сабинны, по словамъ легенды, дали обѣтъ «священной весны», т. е. поклялись посвятить богамъ родившихся въ годъ войны дѣтей своихъ (сыновей и дочерей), съ тѣмъ, чтобы они, достигнувъ совершеннолѣтія, направились за предѣлы Сабинской земли, для отысканія себѣ новыхъ жилищъ. Во главѣ одной изъ выселявшихся партій, направившихся первоначально въ горы, въ окрестностяхъ рѣки Загра, шелъ быкъ (bovis) Марса: эта партія получила названіе Сабиновъ или Самнитовъ. Основанный ими городъ получилъ названіе Bovianum, въ честь священнаго быка. Вторую партію велъ дятель (Picus) Марса; эта толпа переселенцевъ заняла нынѣшнюю область Анконы, подъ именемъ Пицентовъ. Третью партію велъ волкъ (hircus) Марса; она заняла область Беневента, подъ именемъ Гир-

пиновъ. По имени самого Марса получило названіе поколѣніе Марсовъ (Marsi). Подобнымъ же образомъ, по словамъ Момсена, изъ общаго ствола отдѣлились и прочіе народцы или поколѣнія. Во всѣхъ ихъ сохранилось сознаніе родства и общаго происхожденія изъ Сабинскаго отечества. Въ то время, какъ Умбры погибли въ неравной борьбѣ, и западные отпрыски этого поколѣнія слились съ Латинскимъ и Греческимъ населеніями страны, Сабинскія племена, замкнутыя въ отдаленныхъ горныхъ мѣстностяхъ и свободныя отъ вліяній Этрусковъ, Латиновъ и Грековъ, сохраняли свою самостоятельность. Изъ всѣхъ народовъ Сабинскаго племени Самниты (отъ которыхъ отдѣлились и направились на югъ и западъ поколѣнія Кампацевъ, Луканцевъ и Бреттievъ) достигли первенствующаго значенія въ восточной Италіи, какъ Латины—въ западной. Въ Самніи мы не встрѣчаемъ преобладанія одной какой либо общины, также не было здѣсь какого либо городского центра, который бы сдерживалъ Самнитскій народъ, какъ Римъ—Латинскій; но сила страны лежала въ отдѣльныхъ сельскихъ общинахъ, въ собраніи представителей сихъ послѣднихъ. Въ связи съ этимъ, и политика этого союза была не наступательная, какъ римская, но ограничивалась обороною своихъ границъ. Вся исторія обоихъ народовъ—продолжаетъ Момсенъ—была предначертана въ діаметрально противоположной системѣ ихъ колонизаціи. Что пріобрѣтали Римляне, то дѣлалось достояніемъ государства; что занимали Самниты, то завоевывали толпы добровольцевъ, отправлявшіяся на захватъ земель, предоставлявшіяся отечествомъ своимъ на произволь судьбы, и въ счастья и въ несчастіи ¹⁾).

Взглянемъ теперь на разительную аналогію между названіями только что перечисленныхъ поколѣній Сабинскаго племени и наименованіями многочисленныхъ народовъ и народцевъ Славянскихъ. Названіе Самниты, Samnites (ср. греч. Σαμνίται) означаетъ копье-носцевъ (то же значеніе имѣетъ и названіе Квириты, которое давалось Сабинамъ) и можетъ быть приравнено имени одного изъ главныхъ племенъ Балтійскихъ Славянъ—Велетовъ (ср. ниже ст. „Велесъ“). Основанный Самнитами городъ Bovianum (ср. также названія городовъ: Taurasia [Taurus—туръ, быкъ] въ Самніи, Taurapia въ Кампаніи и Луканіи, Bovinum въ Апуліи, Bovillae и Vitellia [vitulus—теленокъ] въ Лаціумѣ, и пр.), по имени, соответствуетъ городу Волини и многочисленнымъ географическимъ названіямъ, производимымъ отъ слова волъ или туръ (быкъ), весьма часто, повсемѣстно, встрѣчающимся въ Славянскихъ земляхъ (см. ниже ст.:

¹⁾ Mommsen. Röm. Gesch. I, 115 и сл.

«Олицетворенія солнца» — Турь). Отдѣлившимся отъ Самнитовъ поколѣніямъ: Кампанцамъ и Луканцамъ, т. е. обитателямъ полей и лѣсовъ, соотвѣтствуютъ, между Славянскими племенами, на западѣ: Лучане (лука [серб.], loka [словин.], lauka, lučina [чеш.], laka [польс.] = лугъ, поляна) и Древане (ср. Древляне), на востока: Поляне и Древляне (названные такъ, по словамъ Нестора первые: «за неже въ полѣ сѣдяху», а вторые: «за не сѣдоша въ лѣсѣхъ»¹⁾). Третьимъ поколѣніемъ, отдѣлившимся отъ Самнитовъ, были Бреттїи. Если принять происхожденіе этого племени отъ одного корня съ греч. βρέτω = шумлю, бушую, свирѣпствую, и серб. вретї = кипѣть, свирѣпствовать, то имя Бреттїевъ или Вреттїевъ соотвѣтствовало бы названію Балтїйско-Славянскаго племени Лютичей (лютый = свирѣпый²⁾). — Вѣщему Марсову дятлу, въ честь котораго, по словамъ Сабинской легенды, получило свое названіе поколѣніе Ппцентовъ, у Славянъ соотвѣтствуетъ вѣщій вѣронъ (символь бога солнца, Аполлона, какъ у Грековъ, такъ и Римлянъ); по имени вѣрона называется поколѣніе Балтїйскихъ Славянъ Враны или Варны (Wagnabi, Wagnovi), занявшіе Вранью землю (terra Wagnowe), въ нынѣшнемъ герцогствѣ Мекленбургскомъ³⁾. Имя вѣрона звучитъ и въ безчисленныхъ географическихъ названіяхъ Славянскихъ мѣстностей. Вѣронъ называется также krkawec (чеш.), krak (польс.), каркунъ (Владим. губ.). Вѣроятно въ связи съ этимъ именемъ вѣрона находится названіе племени Корконтовъ, упоминаемаго Птолемеемъ, отъ которыхъ Исполиновы горы получили названіе Креоноше⁴⁾. Наконецъ, въ Чешскихъ преданіяхъ, сообщаемыхъ Козьмою Пражскимъ, важную роль играетъ мудрый народный правитель Кракъ или Крокъ, имя котораго, по словамъ Богухвала, означало вѣрона (Krak, qui legitime corvus dicitur)⁵⁾. По имени Крака былъ названъ городъ Краковъ⁶⁾. Кракъ (Воронъ) напоминаетъ собою Пикуса (Дятла), который въ древне-Италїйскомъ сказанїи также является въ образѣ правителя, а именно царя и храбраго витязя⁷⁾, съ тою, впрочемъ, разницею, что Пикусъ, бездѣтный, превращается въ дятла, а Кракъ оставляетъ своему народу трехъ мудрыхъ и вѣщихъ дочерей — прорицательницъ; послѣдняя черта опять сближаетъ Крака съ Пикусомъ, отличавшимся именно вѣщею приро-

¹⁾ П. С. Р. Л. I, 3, 12.

²⁾ Лютичи и Велеты обыкновенно признаются за разныхъ названїя одного и того же племени.

³⁾ Kühnel. D. Sl. Ortsnam. 155—156. *

⁴⁾ Эрбенъ. О Сл. инопл. 113, пр. I. *

⁵⁾ Тамъ же. 121. *

⁶⁾ Cosmas. Chron. Bohem. 10.

⁷⁾ Virgil. Aen. VII, 170 и сл. — Ovid. Metam. XIV, 313 и сл.

дою свою. — Гирпины, названные въ честь Марсова волка, находятъ себѣ соотвѣтствующее названіе въ имени Вильцевъ (Волчковь)¹⁾. Не сюда-ли слѣдуетъ отнести и Хорутанъ? [ср. *hert* (словин.), *хрътъ* (болг.), *хрт* (серб.), *хортъ* (русс.) = борзая собака; на Украинѣ волки называются *хортами* или *хартами* св. Юрія]. Отождествленіе хорта (собаки) съ волкомъ естественно: оба животныя суть только разные виды одного рода (*canis*). Собака и волкъ отождествляются и въ Великорусскомъ заклинаніи, произносимомъ во время святочного гаданія о суженомъ: «залай, залай собаченька! залай, сѣренкій волчекъ!»²⁾ — Названіе поколѣнія Марсовъ (Марсъ = свѣтлый, сіяющій богъ, соотвѣтствуетъ Славянскому Бѣлбогу или Бѣлину) находятъ себѣ аналогію въ имени Славянскаго поколѣнія Бѣлиновъ. — Обращаясь наконецъ къ первоначальному имени всего племени: Сабинны. По объясненію Феста, оно произошло отъ почитанія и славленія боговъ (*Sabini a cultura deorum dicti, id est ἀπὸ τοῦ σεβέειναι*³⁾ [*σεβέωμαι* = уважаю, почитаю]). Понятія: честь, почитаніе, восхваленіе на разныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ обозначаются словами: слава, славленіе, отсюда, слѣдуя объясненію Феста, смыслъ названій обохъ народовъ: Сабинновъ и Славянъ весьма близокъ. Съ другой стороны, названіе «Сабинны» совпадаетъ съ племемъ Венетовъ (Энетовъ, Антовъ или Вантовъ [= Вятичей?]). Имя это производятъ отъ корня *van* (также *vand*) означающаго у Индусовъ: чтить, выражать почтеніе, хвалить, отсюда Венеты = почтенные, достохвалыные, славные. Такое значеніе древняго имени Славянъ подтверждается и свидѣтельствами Иорнанда и Павла Діакона, которые переводятъ названіе Энетъ словомъ: достохвалыный, славный (*Enetici namque laudabiles dicuntur* — говорить Павелъ Діаконъ)⁴⁾. Въ связи съ такимъ значеніемъ названія Энетовъ находится и производство нѣкоторыми писателями имени ихъ отъ *ἀνιή* = хвала, слава, *ἀνετός* = достохвалыный, славный. И такъ, названія: Сабинны, Энеты и Славяне служатъ выраженіемъ одной мысли,

¹⁾ Вильцы — третье названіе, дававшееся поколѣнію Велетовъ. Вѣроятно, однако, Лютичи, Вильцы и Велеты были разными вѣтви одного поколѣнія.

²⁾ Снегиревъ. Рус. пр. праз. II, 44. — Вспомнимъ, что Аресу, близко родственному Марсу, приносились въ жертвы собаки (Preller. Gr. Myth. I, 257). Не произошло-ли и названіе Сербовъ (*Serbi, Sirbi, Σίρβοι* древнихъ писателей): Срб, Србинъ отъ одного корня съ Сабинскимъ *hirpius, hirpinus*? Въ такомъ случаѣ, имена Славянскихъ народовъ: Вильцевъ, Хорутанъ и Сербовъ были бы синонимами и находились бы, подобно названію Италійскихъ Гирпиновъ, въ ближайшемъ соотношеніи съ культомъ божества солнца, однимъ изъ главнѣйшихъ символовъ котораго, у большинства древнихъ народовъ, былъ волкъ. Вспомнимъ стоявшее во служенія Марса, древнее товарищество или Братство «Волковъ» (*Luperci*) въ Римѣ, святилище этихъ «Волковъ» находилось на Палатинѣ (*Lupercal*); рядомъ съ нимъ существовало еще другое товарищество «Волковъ» (Фабійское), имѣвшее свое святилище вѣроятно на Квириналѣ (Mommsen. Röm. Gesch. I, 50, 53). Достоинъ вниманія, что въ Этруріи, при слияніи рѣкъ Тибра и Нары, на Сабинско-й границѣ, стоялъ городъ *Porta* или *Portanum*, вышѣ *Orti* (Masselin. Dict. gen. de geogr. I, 628).

³⁾ Festus. De verb. sign. 342.

⁴⁾ См. у Гизельфердинга. Древ. пер. ист. Сл. II, 156, 157, прим. 14 и 15. *

что, въ виду и другихъ, общихъ названнымъ народамъ чертъ, даетъ, въ свою очередь, поводъ къ сближенію Сабиновъ со Славянами. Такое толкованіе имени Славянъ, конечно, противорѣчитъ общепринятому производству этого названія отъ «слово», т. е. «говорящіе», въ отличіе отъ «нѣмцевъ» (нѣмыхъ), не говорящихъ на славянскомъ языкѣ.

Общанный строй народной жизни Самнитовъ, лишенной централизаціи, въ отличіе отъ Латиновъ, группировавшихся около Рима и сильно тяготѣвшихъ къ этому могучему центру, въ свою очередь сближаетъ народовъ Сабинскаго племени со Славянскимъ. — Замѣчательно также, что, по словамъ Римскихъ ученыхъ, древніе Латины носили только по одному, личному имени; подъ вліяніемъ же Сабиновъ, вошло въ употребленіе, называться двумя именами: собственнымъ и родовымъ, изъ которыхъ второе даже получило болѣе важное значеніе, чѣмъ первое¹⁾, — черта, хотя и свойственная многимъ Европейскимъ народамъ, но, во всякомъ случаѣ, довольно рѣзко отличающая Сабиновъ отъ Латиновъ.

Въ то время, какъ греческій языкъ дошелъ до насъ въ четырехъ главнѣйшихъ діалектахъ, замѣчаетъ Бреаль, «латинскій языкъ задушилъ своихъ братьевъ, такъ что, не случись нѣкоторыхъ счастливыхъ находокъ, можно было бы подумать, что это былъ единственный языкъ древней Италіи»²⁾. Менѣе всего оставилъ по себѣ слѣдовъ языкъ Сабинскій, изъ котораго до насъ дошло только нѣсколько словъ; о Сабинскомъ происхожденіи этихъ словъ мы узнаемъ изъ свидѣтельствъ нѣкоторыхъ древнихъ ученыхъ (Варрона, Сервія, Феста). Нѣкоторыя изъ этихъ словъ³⁾ представляютъ сходство со славянскими, или по крайней мѣрѣ служатъ для выраженія сходныхъ или родственныхъ понятій, таковы напр.: *Sapenscus* = *sacerdos*, жрецъ — слово близко родственное древ.-русс. кобыникъ, серб. кобникъ = предрекагель, предсказатель (= волхвъ, жрецъ: ср. кобы (древ.-русс.) = колдовство, волхование). Въ герцогствѣ Мекленбургскомъ (возникшемъ на мѣстѣ древнихъ поселеній Балтійскихъ Славянъ) есть городъ, подъ названіемъ *Kurreptin*, который въ актахъ 13-го столѣтія называется: *Kobandin*, *Subbandin*, *Cobandin* и т. д.⁴⁾. — *Catus* = *acutus*, острый, — *kat* (чеш., польск.), *катъ* (великорусск., малорусск.) = палачъ (ср. *Scharfrichter*): «щобъ тебе кат сиконув...» бранятся Малоруссы⁵⁾. — *Albus* = *albus*, бѣлый. Гора *Mons Albanus*, городъ *Alba longa*, рѣка *Albula* (Тябрь) — названія, соотвѣтствующія многочисленнымъ Славянскимъ названіямъ: Бѣла гора, Бѣлыя горы, Бѣлый камень, Бѣлградъ, Бѣлго-

¹⁾ Mommsen. *Röm. Gesch.* I, 25. — Deecke. *Etr. Stud.* III, 367.

²⁾ Bréal. *Les tab.* Eugub. xxvi.

³⁾ Перечень Сабинскихъ словъ см. у Henop. *De ling. Sab.* 52—54; Müller. *D. Etrusk.* I, 34—35. стр. 97.

⁴⁾ Kühnel. *D. Sl. Ortsnam.* 78*.

⁵⁾ Номис. *Упр. приаз.* 3689.

родъ, Бѣлградчикъ, Бѣла, Бѣла вода, Бѣлый колодезь (ручей) и т. п. ¹⁾. Кромѣ того, рѣка Эльба въ старину называлась Славянами Лаба (= Бѣлая), отсюда Полабскіе Славяне; Лаб—рѣка въ Сербіи; Лаба, Лабань—рѣки въ западномъ Кавказѣ; лабуд (серб.), labúd (словин.), labut (чеш.), łabędz (польс.) = лебедь (= бѣлая птица) ²⁾.—Scensa или scesna, умбр. cesna = сена, соена, ужинъ, вечера, кушанье, обѣдъ, — у Сербовъ чесница = обрядный хлѣбъ, приготовляемый къ рождественской трапезѣ ³⁾.—Hernici (dicti a saxis, quae Marsi herpa dicunt, посвящаютъ Фестъ) = горные жители, — hornik (чеш.), горанин (серб.) = горный житель, Горѣнес = житель Верхняго Крайна (Obergraineg).—Sol = soluce (словин.), слънце (болг.), сунце (серб.), slunce (чеш.), słońce (польс.), солнце (русс.).—Marsers—Самнитское названіе Марса. Гербордъ, какъ мы видѣли выше (стр. 26), говоритъ, что Яровитъ по-латыни называется Марсъ; у Сербовъ мама значитъ ярость. Несомнѣнно найдутся и другія, подобныя-же параллели ⁴⁾.

¹⁾ Головацкій. Геогр. слов. 39 - 43. — Кн. больш. черт. 61.

²⁾ Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что слово «бѣлый» въ старину не только служило обозначеніемъ бѣлаго цвѣта, но выражало приблизительно то, что нынѣ означаетъ «красный», т. е. красивый, прекрасный. Титмаръ (Chron. VIII, 3) пишетъ: «Beleknegini, id est pulchra domina slavonice dicta». Въ жизнеописаніи Оттона Бамбергскаго (S. Cruc. II, 20) читаемъ: «ad... civitatem, quae a pulchro loci illius situ in barbara locutione vocabulum trahens, Belgrod nuncupatur». См. у Гильфердинга. Ист. Балт. Слав. I, 233.

³⁾ Впрочемъ, чесница можетъ быть называется такъ потому, что въ нее запекается монета: кою достанется кусокъ печенія, заключающій въ себѣ монету, тотъ считается счастливымъ—«честитъ». Въ Свищовѣ, въ Болгаріи, подобный же хлѣбъ съ запеченной монетой называется «бугувица» (боговица), тамъ его разрѣзаютъ и ѣдятъ 20 декабря. Чолаковъ. Българ. и. сб. 56.

⁴⁾ Должно ли считать простою случайностью совпаденіе именъ нѣкоторыхъ древне-Италійскихъ городовъ съ названіями древнихъ городовъ и поселеній преимущественно западно-Славянскихъ, напр.: Таета, Cures, Vovianum (нынѣ Војано) въ Самни, и Тетинъ (Tetin), Куримъ (Kouřim)—древнѣйшія чешскія городища (Воцель. Древ. быт. вст. Слав. 239, 244), Војаневиз (въ акт. XIII в., нынѣ—Jennowitz) въ герц. Мекленбургскомъ (Kühnel. D. sl. Ortsnam. 62 *), ср также мѣстечки: Болново въ Познан. обл., Бояново въ Чехіи, Бояны въ Буковинѣ (Головацкій. Геогр. слов. 29).—Vulci (= Włci), въ южной Этруріи (прежде занята народами Умбрійскаго или Сабинскаго племени), и Vlčín (чеш.), Вучин (серб.) и т. п. Ср. Vuilci (Вильцы или Лутчи) у Гельмольда.—Luna, Lusa на сѣверозападной, Regusia—на восточной окраинѣ Этруріи (послѣдняя на Умбрійской границѣ), и древне-Славянскій городъ Луна (нынѣ Люнебургъ, въ бывш. корол. Ганноверскомъ: «castrum Luna, quod hactenus Lumborg vocitatur», говоритъ Даугошъ, при чемъ прибавляетъ, что Славине луный свѣтъ, сіяющій въ ночную пору, «lunam vocant». Hist. Pol. I, 84. Ср. древне-слав. луны, русс. луны); Лука, Лукавецъ, Лукавицы—многочисленный рядъ названій мѣстностей въ земляхъ западныхъ и южныхъ Славянъ (Головацкій. Геогр. слов. 191—192), Бривая Лука, Турьи Луки, Великіе Луки и т. п. въ Россіи (Кн. больш. черт. 22, 234, 266); Regon, Regon (въ акт. XIII в., позже Pagon, Prohustorf) въ Балтійскомъ Поморьѣ, Перанъ въ Истріи, Перушица въ Болгаріи, Перунъ, Перуново и т. п. въ разныхъ мѣстахъ Россіи (см. ниже ст.: «Перунъ»).—Vuxentium, Velia, въ Лулани, и Буковецъ (нынѣ Любекъ. «Castrum et civitatem Bukowues, quam Almanni Lubuk appellaut», говоритъ Даугошъ. Hist. Pol. I, 84); Головацкій (Геогр. слов. 35—36) называетъ еще 9 мѣстечекъ этого имени въ Лужицахъ, Чехіи, Галиціи; кромѣ того Буковина, также Букъ, Букова, Буково, Буковско и пр.; Буки въ Киевской губ.; Вилія, деревня на рѣкѣ того же имени въ Волынской губ. (Wielija

Будучи далеко отъ мысли, на основаніи приведенныхъ сближеній, которыя пока могутъ показаться только случайными, дѣлать какіе нибудь выводы или хотя бы предположенія о болѣе близкомъ соотношеніи или родствѣ Сабиновъ со Славянами, я, однако, счелъ необходимымъ, отытпть бросившіяся мнѣ въ глаза, приведенныя на предыдущихъ страницахъ общія черты и тѣмъ впередъ подробнѣе мотивировать сдѣланныя мною ниже сближенія между нѣкоторыми божествами древнихъ Славянъ и древнихъ Италійцевъ и Римлянъ вообще, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и представленіяхъ которыхъ нерѣдко проглядываютъ весьма древнія черты, повторяющіяся и въ религіи Славянъ-язычниковъ и имѣющія, вслѣдствіе того, очевидно одну, общую, точку исхода.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и то, что въ древнѣйшемъ раздѣленіи Римскихъ гражданъ сохранились слѣды слитія во едино трехъ, въ началѣ вѣроятнo независимыхъ, общинъ: Рамновъ, Луцеровъ и Тиціевъ, изъ которыхъ первыя двѣ принадлежали Латинскому племени, послѣдняя же несомнѣнно—Сабинскому ¹⁾. И такъ, независимо отъ самостоятельнаго развитія Сабинскаго племени, въ лицѣ вышеупомянутыхъ народовъ и поколѣній, занимавшихъ всю восточную часть средней Италіи и значительную долю Южной, Сабинскіе элементы легли въ основаніе и Римской жизни, въ лицѣ одной изъ трехъ древнѣйшихъ Римскихъ общинъ—Тиціевъ. Преллеръ приписываетъ Сабинамъ меньшее вліяніе на религію и обычаи Рима, чѣмъ Латинамъ ²⁾.

На юговосточномъ побережьи Балтійскаго моря, перерѣзанномъ рѣками Вислою, Нѣманомъ и Западной Двиной, гранича съ запада, юга и востока со Славянскими народами, жили языческіе народы

Литовскаго племени:

Пруссы, Литва, Жмудь, Жемгала, Летгола, Корсь, обращеніе которыхъ въ христіанскую вѣру послѣдовало въ эпоху, уже довольно близкую къ нашему времени, а именно въ 14-мъ и 15-мъ столѣтіяхъ.

польс.). Въ Иват. лѣтоп. упоминается рѣка Вѣлія (Головацкій. Геогр. слов. 56); въ Воскрес. лѣтоп., въ спискѣ городовъ Литовскихъ, называется рѣка Велія (П. С. Р. Л. VII, 240).—Croton, въ Бреттін, Crotona, въ Этруріи, и Krtov, Krteti, Krtelov и т. п. въ Чехіи (См. у Эрбена. О слав. мѣс. 96²⁾).—Очевидно римское вліяніе въ названіяхъ городовъ въ Славянскихъ земляхъ, каковы напр.: Villa Rome, Roma (въ акт. XIV в.) въ Герц. Мекленбургскомъ (Roma, рѣка въ Венгріи); Mamergow (въ акт. XVII в.), Marsowe (въ акт. XIII в.) въ Герц. Мекленбургскомъ, Marmaruška stolice—уздъ въ Венгріи (Головацкій. Геогр. слов. и Kühnel. D. sl. Ortsnam. * См. соответствующія названія). Ср. Mamertium въ Бреттін.

¹⁾ Mommsen. Röm. Gesch. I, 45.

²⁾ Röm. Myth. I, 7.

Отъ природы поставленные въ условія жизни, сходныя съ тѣми, въ какихъ жили сосѣдніе съ ними Славяне сѣверозападные (Балтійскіе) и восточные (Русскіе), представляя, кромѣ того, племенное родство съ народами Славянскими, а также значительное съ ними сходство въ языкѣ, пѣсняхъ, преданіяхъ, обрядахъ, примѣтахъ и суевѣріяхъ, народы Литовскаго племени, еще во время своего язычества, служили предметомъ тщательнаго изученія современныхъ писателей. Прусскіе, Германскіе и Польскіе лѣтописцы 15-го, въ особенности-же 16-го и 17-го столѣтій, въ подробности описывали разныя черты изъ жизни, вѣрованій, обрядовъ народовъ Литовскихъ, которыя случилось имъ видѣть самимъ, или о которыхъ они слышали отъ очевидцевъ. Въ сочиненіяхъ ихъ изложены многія подробности церемоній жертвоприношеній, сообщены нѣкоторые тексты молитвъ и гимновъ, воспѣвавшихся въ честь боговъ, описаны послѣжертвенныя трапезы и связанныя съ ними народныя увеселенія, наконецъ обряды и обычаи свадебные, погребальные и поминальные. Всѣ эти пѣсни, обряды и обычаи, разумѣется, продолжали существовать въ народномъ обиходѣ Литовцевъ и много лѣтъ послѣ официального обращенія ихъ въ христіанство, а потому еще во всей чистотѣ своей могли быть наблюдаемы и описываемы вышеназванными лѣтописцами, изъ сочиненій которыхъ намъ неразъ прійдется извлекать примѣры, долженствующіе проливать свѣтъ на дошедшіе до насъ обломки Славянской языческой старины, способствовать легчайшему возстановленію, воссозданію картины обрядныхъ дѣйствій языческихъ Славянъ. «Ни у кого въ Европѣ не сохранилось столько стараго, первобытнаго, деревенскаго—замѣчаетъ Костомаровъ. Съ этой точки зрѣнія разработка Литовской старины и существующей до сихъ поръ ихъ народной поэзіи и обычаевъ ихъ быта чрезвычайно интересна и важна для науки. Близость этого племени къ нашему, Славянскому, дѣлаетъ необходимымъ изученіе явленій старой Литовской жизни»¹⁾: Наиболѣе обстоятельныя и полныя свѣдѣнія мы имѣемъ о вѣрованіяхъ и обычаяхъ Пруссовъ. Впрочемъ, немало собрано и свѣдѣній, касающихся народныхъ вѣрованій Литвы, Жмуди, Летголы (Латышей).

Изъ древнѣйшаго дошедшаго до насъ письменнаго источника—Прусской лѣтописи Петра Дусбургскаго (XV в.) — узнаемъ, что *Пруссы* поклонялись явленіямъ природы, а именно: солнцу, лунѣ и звѣздамъ, грому, птицамъ, также четвероногимъ животнымъ и даже жабамъ; они имѣли священныя рощи, поля и воды, въ которыхъ запрещалось рубить деревья, пахать землю, ловить рыбу.

¹⁾ Русс. инор. 1, 6. *

О священныхъ рощахъ и источникахъ Пруссовъ упоминаетъ уже Адамъ Бременскій: посѣщеніе этихъ святилищъ воспрещалось христіанамъ, такъ какъ, по убѣжденію Пруссовъ, это осквернило бы святыню ¹⁾. Грунау (XVI в.) свидѣтельствуетъ о поклоненіи Пруссами змѣямъ (къ нимъ обращались женщины, прося о плодородіи мужей своихъ), также о почитаніи деревьевъ, какъ жилища боговъ, наконецъ о признаваніи огня за божество ²⁾. Анонимный авторъ *Ordens-Chronik* свидѣтельствуетъ, что нѣкоторые изъ Пруссовъ поклонялись солнцу, другіе—мѣсяцу, иные—звѣздамъ, людямъ, животнымъ, змѣямъ, жабамъ, грому. Иные почитали за святыню лѣса и кусты, другіе—воды ³⁾. Почитаніе Пруссами огня подтверждаетъ и Лука Давидъ (XVI в.), по свидѣтельству котораго огонь овина, куски горящаго дерева, угли играли важную роль при извѣстныхъ заклинательныхъ обрядахъ; по его-же словамъ невѣста, покидая родительскій домъ, обращалась съ молитвою къ «святому огонечку» очага ⁴⁾. Обрядъ чествованія овиннаго огня описатьъ ниже, стр. 113. — Весьма сходныя свѣдѣнія имѣемъ и о древней религіи *Латышей*: «До сихъ поръ еще—писалъ въ 1590 г. Вундереръ—встрѣчаются (между Латышами) люди, которые почитаютъ и боготворятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, красивыя деревья и thoten» (Totten? мертвыхъ?) ⁵⁾. Эйнгоръ въ 1649 г. писалъ, что Латыши «поклонялись солнцу, лунѣ, грому, молніи и вѣтрамъ» ⁶⁾. Латыши почитали дубъ божествомъ мужескаго, а липу—женскаго рода. Такую священную липу видѣлъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи Крузе въ сѣверной Курляндіи, близъ Анцена, также другое священное дерево—близъ Эрмеса, стоявшее на холмѣ, рядомъ съ жертвенникомъ, имѣвшимъ видъ четырехугольнаго камня. Множество подобныхъ языческихъ святилищъ, помѣщавшихся близъ жилищъ и въ которыхъ, по народному вѣрованію, обитали домовые боги, разрушены были въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія пасторомъ Карбломомъ. Почитаніе змѣй до сихъ поръ оставило глубокіе слѣды въ средѣ Латышей и даже Эстовъ. По словамъ Крузе, и тѣ и другіе, если они не совершенно онѣмечены, неохотно ѣдятъ угрей, вслѣдствіе змѣеобразнаго ихъ вида ⁷⁾. Поклоненіе явленіямъ природы несомнѣнно было распро-

¹⁾ Petrus de Dusburg. Chron. Pruss. V, 78—79.—Adam Brem. Hist. eccl. IV, 18.

²⁾ Grunau. Preuss. Chron. I, 63.

³⁾ Hartknoch. Sel. diss. XIX, 144.

⁴⁾ L. David. Preuss. Chron. 108, 134.

⁵⁾ Kruse. Urgesch. d. Esthn. V. 48.

⁶⁾ Einhorn. Hist. Lett. III, 584. •

⁷⁾ Kruse. Urgesch. d. Esthn. V. 48—49, 52.—«13 мая—писеть еще (въ 1836 г. пасторъ Карбломъ—я предпринялъ первый крестовый походъ противъ Mahjas-Kungi или домовыхъ боговъ, которые у Латышей этого (Эрмесскаго) прихода отчасти пользуются еще большимъ уваженіемъ и которымъ два раза въ годъ, въ праздни-

странено и въ средѣ *прочихъ Литовскихъ народовъ*. Что поклоненіе деревьямъ составляло вообще главнѣйшую черту Литовскихъ вѣрованій—замѣчаетъ Костомаровъ—это подтверждается и извѣстіемъ, что когда Ягейло приводилъ въ христіанство свой народъ, то долженъ былъ прежде всего рубить священные лѣса, чтобы разлучать народъ съ предметами прежняго почитанія. Слѣды языческаго поклоненія деревьямъ и камнямъ долго сохранялись въ Пруссіи между народомъ. Послѣ принятія христіанства долго еще оказывали уваженіе къ священному у язычниковъ дубу близъ Ромова. Когда для искорененія языческихъ суевѣрій Эрмеландскій епископъ Ансельмъ приказалъ его срубить, то никто изъ некрѣпкихъ въ новой вѣрѣ христіанъ не осмѣлился поднять на него топора, и самъ Ансельмъ срубилъ его. На мѣстѣ нынѣшняго Торна, по преданію, росъ огромный дубъ, которому поклонялись. Неподалеку отъ Растенбурга преданіе помѣщаетъ священную липу, подъ которую язычники приносили больныхъ для исцѣленія, непременно при лунномъ свѣтѣ. Въ послѣдствіи на томъ самомъ мѣстѣ почитали Божію Матерь. Также сохранялась память о священныхъ камняхъ. Недалеко Рагнаты былъ на горѣ камень, къ которому, по старой привычкѣ, переходившей отъ пращуровъ къ правнукамъ, оказывали уваженіе даже въ XIX вѣкѣ ¹⁾). Близъ Дондангена, по словамъ Крузе, недавно еще на холмѣ находился грубо обтесанный камень (нынѣ хранящійся въ Дондангенскомъ замкѣ), къ которому приходили съ жертвенными дарами молодыя дѣвушки, желавшія выйдти замужъ ²⁾).

Независимо отъ боготворенія физическихъ явленій, народы Литовскіе поклонялись и личнымъ божественнымъ представителямъ этихъ явленій, духамъ или демонамъ, т. е. божествамъ, живущимъ въ этихъ явленіяхъ и управляющимъ ими, также божествамъ, спеціальнымъ представителямъ и покровителямъ того или другаго ремесла или занятія человѣка, того или другаго обстоятельства его жизни; словомъ, весь окружающій міръ, со всѣми обращенными къ человѣку и вліяющими на его существованіе сторонами и проявленіями своими, въ воображеніи народномъ оживлялся, олицетворялся, и создаваемые фантазією народа божественные образы получали или

Св. Георгія и св. Михаила, хозяева, въ ночную пору, приносятъ жертвы. Эти Mahjas-Kungi считаются злыми духами (разумѣется уже позднѣйшее, искаженное представленіе), которыхъ можно такими дарами умилостывить и дѣлать безвредными» («Jnland» 1836, № 39: Heidn. Opferd. in Livl.). — Почитаніе змѣй, по замѣчанію Костомарова, сохранялось въ силѣ до XVI вѣка, и слѣды его остаются до сихъ поръ. Домашній ужъ былъ геній — покровитель дома. Почитаніе домашнихъ ушей перешло къ Кривичамъ и сохраняется до сихъ поръ въ народныхъ обычаяхъ Бѣлоруссовъ. Русс. янор. I, 20.* (Ср. тоже у Римлянъ, стр. 89).

¹⁾ Русс. янор. I, 14. *

²⁾ K ruse. Urgesch. d. Esthn. V. 51. прим.

общее, въ особенности у Латышей распространенное, названіе «Матери» того или другаго явленія, или специальныя собственныя наименованія; послѣднія, разумѣется, у разныхъ отраслей Литовскаго племени нерѣдко создавались совершенно самостоятельно и оттого, за нѣкоторыми исключеніями, часто даже совсѣмъ не представляютъ взаимнаго сходства; сходныя же и даже тождественныя имена иногда имѣютъ у разныхъ народовъ Литовскихъ не только не тождественное, но даже вовсе различное значеніе ¹⁾). Писатели XVI и XVII столѣтій: Менецій, Стрыйковскій, Грунау, Давидъ, Лазицій, Эйнгорнъ, Преторіусъ и др. приводятъ обширныя списки боговъ воздушныхъ и водныхъ, лѣсныхъ, земныхъ, домовыхъ, боговъ огня, скота, пчель, хлѣбовъ и растений, представителей различныхъ отраслей дѣятельности человѣка и т. п.: «Имѣли они (Летты)—писатьъ Эйнгорнъ—еще особенныхъ боговъ и богинь, каковы мать или богиня моря, которой молились рыбаки, богиня пашни, которую призывали земледѣльцы, богини лѣсовъ, дороги, садовъ, къ которымъ зывали охотники, путешественники, домовыя хозяйки... И хотя они нынѣ (т. е. въ XVII в.) уже обращены въ христіанство и ежедневно поучаются въ этой вѣрѣ — продолжаетъ Эйнгорнъ—они всетаки не оставляютъ язычества, но призываютъ еще своихъ богинь, а именно въ обычныхъ своихъ пѣсняхъ, этихъ дѣйствительныхъ гимнахъ богамъ. Я самъ нерѣдко слышалъ—прибавляетъ авторъ—какъ охотники въ своихъ пѣсняхъ призывали мать лѣсовъ, путешественники — мать дороги, женщины—мать садовъ или скота» ²⁾). Въ другомъ мѣстѣ (въ 1639 г.), перечисляя божества Курляндскихъ Латышей, тотъ-же авторъ называетъ «боговъ и богинь неба, грозы, грома, молніи, моря, вѣтровъ, огня, полей или пашень, садовъ, скота, тепла, пути, кустовъ и рощъ» ³⁾).

Изъ этой массы божествъ прежде всего и естественно выдѣляется высшій владыка, который у *Латышей* носилъ названіе *Wezzais tehws*, т. е. старый отецъ, главный богъ, возсѣдающій на небѣ, разлѣзжающій на облакахъ и оттуда наблюдающій за дѣлами людскими, онъ же и творецъ грозъ. «Я начиналъ свои работы съ помощью матери Лаймы (счастія) и заканчивалъ припоминая Бога боговъ» говорится въ одномъ изъ Латышскихъ заклинаній ⁴⁾. «Старикъ бранится» (*wezzais barrahs*), говорятъ Латыши,

¹⁾ Болѣе всего находимъ сходныхъ именъ въ спискахъ боговъ Прусскихъ и Латышскихъ, нѣсколько общихъ именъ встрѣчаемъ между богами Жмудскими (и собственно Литовскими) и Латышскими; менѣе общихъ именъ встрѣчаемъ между богами Прусскими и Жмудскими (и собственно Литовскими).

²⁾ Einhorn. Hist. Lett. III, 583. *

³⁾ Reform. g. Lett. I, 614. *

⁴⁾ Mat. для этн. Лат.: загов. № 526. *

когда гремитъ громъ.— Впрочемъ, Латыши имѣли и до сего времени вспоминаютъ въ своихъ пѣсняхъ 'спеціального бога-громовника, Перкуна, общаго всѣмъ народамъ Литовскаго племени. Именемъ этимъ означается и самый громъ. Въ Латышской Лифляндіи есть мѣсто, называемое Перкуненъ (Perkuhnen), извѣстны тамъ также въ разныхъ мѣстахъ «Перкуновы камни», на видъ расщеленные молніей. Въ Латышской Курляндіи громъ называется Перкунсъ (Perkuhns) ¹⁾. Въ пѣсняхъ Латышей Перкунъ является нерѣдко страшнымъ громовержцемъ: «онъ мчится по небу на девяти коняхъ», у него девять сыновей, «трое разятъ, трое гремятъ, трое мечутъ молніи»; но эта страшная разящая сила обыкновенно обращается на пользу человѣку. Неоднократно въ заговорахъ призываютъ помощь Перкуна противъ болѣзней и злыхъ духовъ и силъ вообще. Привожу нѣсколько отрывковъ изъ такихъ заговоровъ:

Отъ болѣзней. (Отъ вередовъ и чирьевъ:) Бѣги, чирей! бѣги вередъ! бѣги весь недугъ!.. Перкунъ со своими девятью сыновьями будутъ гнать (тебя). Исчезни и т. д.

— (Отъ кровотеченія:) Гремятъ Перкунъ, мечетъ молніи и забиваетъ закруду крови.

— (Отъ чемера, болѣзни преимущественно лошадиной:) Приходить по морю девять перкуновъ, гремятъ, разятъ; они тебя (недугъ) вобьютъ на девять сажень въ землю, въ землю безъ конца.

— (Отъ родимца, прямо называемаго нечистымъ духомъ:) Отстань, нечистый духъ, дай мѣсто Святому Духу! Ударить Перкунсъ изъ за тридцати рябинъ—тогда тебя разгромить на тридцать кусковъ!

— (Тоже:) Отстань прочь, мѣшокъ проклятій! уступи мѣсто Святому Духу! поднимутся съ моря тридцать молній, тридцать перкуновъ: они тебя разгромятъ, они тебя вобьютъ въ землю, на тридцать сажень, на тридцать миль!

— (Отъ бѣшенства. Заключается злой духъ Пиктульсъ:) Бѣги вонъ!.. коли не послушаешься, позову Перкуна, будетъ тебѣ въ затылокъ огнемъ, такъ что провалишься въ землю на девять сажень!

На удой. (Противъ нагубнаго дѣйствія вѣдьмъ на молочный скотъ:)... Перкунова стрѣла, отшиби прочь отъ моей скотины злыхъ духовъ!

Отъ завистниковъ. (Отъ вѣдьмъ и завистливыхъ глазъ:) Завистника эчи, завистника уши! поднимаются съ моря грозные перкуны, они тебя разразятъ и перекинутъ на ту сторону моря, за семь миль!

— (Тоже:) Пусть зарничныя облака Перкуна несутся надъ твоими полями, садами, лугами, пастбищами! пусть все, что растетъ и родится, будетъ попорчено духами Перкуна! Пусть Перкунсъ, разя, прогоняетъ съ меня все зло и нагоняетъ на тебядесятеро болѣе, такъ чтобы ты иссохъ, какъ сохнетъ осенью камышь въ болотѣ! ²⁾

Перкунъ призывается и въ пѣсняхъ, какъ защитникъ отъ враговъ общественныхъ, народныхъ (въ видѣ вражьихъ полчищъ) или домашнихъ (напр. въ образѣ свекрови), «Греми: греми, Перкунъ—

¹⁾ Kruse. Urgesch. d. Esthn. V. 49.

²⁾ Мат. для этн. Лат.: загов. №№ 192, 258, 339, 55, 60, 369, 453, 501, 526. * Благодѣтельная, разящая врага, сила Перкуна выражалась и въ поговоркѣ: «боятся какъ чортъ Перкуна». Тамъ-же. Стр. 33. *

— 102 —

восклицають въ пѣснѣ—расколи мостъ на Двинѣ, чтобы не приходили Поляки и Литовцы въ мою отцовскую землю», или: «Перкуну, молніи, сокрушите мою свекровь!» Въ то же время представляютъ себѣ Перкуна и тихимъ и милостивымъ: «Тихо, тихо гремя, идетъ черезъ моря Перкунъ; онъ не портитъ ни цвѣта черемухи, ни дѣла пахаря», или: «Тихо, спокойно приближается Перкунъ изъ за моря; онъ не повреждаетъ ни цвѣта ивы, ни истребляетъ и труда поселянина» ¹⁾. Перкунъ жилъ въ дубѣ. Вундереръ, во время путешествія своего по Курляндіи, въ 1613 году, нашелъ въ Мариенгаузенѣ, вмѣсто христіанской церкви, языческой дубъ, которому поклонялись Латыши подъ именемъ Перкунова дуба ²⁾.—Солнце (Saule), источникъ благодѣтельнаго свѣта и тепла, почиталось и почитается до сихъ поръ въ многочисленныхъ народныхъ пѣсняхъ Латышей. Подобно Миерѣ и Гелиосу, солнце ѣдетъ по небу на коняхъ; купаясь въ морѣ «своихъ плывучихъ коней», само оно, по словамъ Латышской народной пѣсни, сидитъ на горѣ, держа въ рукѣ «золотыя возжи». «Когда солнце склоняется вечеромъ—говорится въ другой пѣснѣ — оно ложится въ золотую лодочку, когда солнце всходитъ утромъ, лодка остается, качаясь на морѣ» ³⁾. Но съ другой стороны Солнце, по представленію Латышей, далеко не похоже на того грознаго воителя, мечущаго копьѣ и стрѣлы, пожигающаго и поражающаго врага, каковыми представлялись воображенію южныхъ народовъ олицетворенія солнца, въ лицѣ Миеры, Ареса, Аполлона, Марса; напротивъ того, Saule Латышей есть добрая, заботящаяся о страждущихъ и сырыхъ мать человѣчества: «взойди, Солнышко, — взываютъ къ нему—просій въ комнату чрезъ окошечко: сиротинушка обуваетъ ноги въ темномъ уголку», или: «поспѣши, неизмѣняющееся Солнышко, сжался надо мной, сиротой; тебѣ часто случалось сжалиться надъ многими сиротами». «Взгляну я на Солнышко, словно на свою матушку», поется въ другой пѣснѣ, или: «Гдѣ ты медлило, Солнышко, что рано не вошло? — Я медлило за горою, согрѣвая сироту». «Согрѣвай меня, теплое Солнышко, у меня нѣтъ согрѣвателя! Люби меня, милый богъ (миль' дѣвинь), нѣтъ у меня любящаго». Свѣтъ солнца вызываютъ въ заговорѣ слѣдующими наивными, дышащими деревенской простотой словами: «Засвѣти, солнышко! засвѣти, солнышко!

¹⁾ Сбор. антроп. II, 27.—Спрогисъ. Пам. Латыш. 316.

²⁾ Шеплингъ. Мненъ слав. яз. 119.

³⁾ Картина эта дышетъ глубокою древностью: по древнему греческому представленію, заимствованному съ востока, Гелиосъ ежедневно, выспавшись на западѣ, переносится быстрымъ теченіемъ океана на востокъ въ солнцевой чашѣ, или солнцевомъ челнокѣ, который носилъ названія то чаши, то фіалы, то котла. Preller. Gr. Myth. I, 339.

надѣнь бѣлую сорочку, кинь грязную сорочку въ море, — выколотить до бѣды ее морскія дѣвы серебряными вальками» ¹⁾).

У *Жмуди*, по свидѣтельству Лазиція, главнымъ, верховнымъ богомъ (deus omnipotens atque summus) былъ Auxtheias Vis-sagistis). Богомъ грозъ, подателемъ влаги небесной, является Перкунъ (Perunos), составлявшій очевидно какъ бы одно лицо съ Перкуной-Тете, или-Матерью (Percona Tete). Я упомянулъ уже выше о томъ, что Латыши охотно олицетворяютъ явленія природы въ образѣ «матери» даннаго явленія. Вспомнимъ, что у Латышей громъ называется Перкуномъ, отсюда при имени Перкуны-Тете ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ думать о какомънибудь мѣологическомъ родственномъ отношеніи ея къ громовержцу Перкуну, который есть тотъ же образъ, но лишь въ мужескомъ родѣ. Во время грома поселянинъ, по словамъ Лазиція, съ открытой головой выносилъ на плечахъ своихъ, въ поле, окорокъ и обращался къ Перкуну: «Воздержись, Перкунъ, и не причини бѣды въ моемъ полѣ, я же дамъ тебѣ за то этотъ окорокъ». Когда же гроза прекращалась, онъ самъ съѣдалъ окорокъ, вѣроятно въ качествѣ жертвенной трапезы. Что касается Перкуны-Тете, то она, по словамъ Лазиція, признавалась «матерью молніи и грома»; она принимала къ себѣ и купала усталое и запыленное солнце и на другой день отпускала его вымытымъ и блестящимъ. Такое наивно-любтивное отношеніе Перкуны къ представителю главнѣйшаго явленія природы — небеснаго свѣта, доказываетъ, что Жмудь признавали въ лицѣ Перкуны, а слѣдовательно и двойника ея — Перкуна, божество доброе, благодѣтельное, словомъ представителя благотворной небесной влаги, способной омыть и освѣжить даже божественный ликъ солнца. — И Жмудь, какъ и Латыши, очевидно боготворили солнце подъ собственнымъ его именемъ, хотя оно и не приведено Лазиціемъ въ спискѣ многочисленныхъ поименованныхъ имъ боговъ Жмудскихъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ, какъ только что приведенное опредѣленіе дѣятельности богини Перкуны, по отношенію къ солнцу, такъ и то, что даже утренніе и вечерніе лучи солнца получили олицетвореніе въ образѣ богини Ausca²⁾; разумѣется, слѣдовательно, и само солнце, ниспосылающее божественные лучи свои, не могло не имѣть высокаго божественнаго значенія. — У *Литвиновъ*, по отношенію къ богамъ своимъ близко родственныхъ Жмуди (Стрыйковскій называетъ боговъ специально Жмудскихъ и Литовскихъ вмѣстѣ), Перкунъ игралъ, безъ сомнѣнія, не менѣе важную роль. И нынѣ еще словомъ Перкунасъ называется у Литвиновъ громъ; но во всѣхъ поговоркахъ, по замѣчанію Реза,

¹⁾ Сбор. антроп. II, 30, 31, 32, 48. — Спрогисъ. Пам. Латыш. 309, 310. — Мат. для этн. Лат.: загов. № 382. *

²⁾ (Maunh.) Lasicius. De diis Samog. 10, 11.

слово это сохраняет значеніе дѣйствующаго субъекта: «Перкунъ гремитъ, ударяетъ» (Perkunas grauja, musza), говорятъ Литвины. «Прогремѣлъ ли Перкунъ? ударилъ ли онъ молніями?» спрашивается въ народной пѣснѣ ¹⁾. Перкунъ управляетъ всѣми атмосферическими явленіями, — между прочимъ замораживаетъ воду: въ рямованной хроникѣ Дитлеба (XIII в.) читаемъ о Литвинахъ, что они перешли по морю, «которое, по приказанію бога ихъ Перкуна, замерзло крѣпче, чѣмъ когда либо ²⁾. — Между народными пѣснями Литвиновъ—встрѣчаемъ пѣсню въ честь солнца, свидѣтельствующую о взглядѣ на него Литвиновъ, весьма сходномъ со взглядомъ Латышей. Солнце называется въ ней божеской дочкой, оно стережетъ сиротъ и грѣетъ пастуховъ, ему прислуживаютъ утрення и вечерня звѣзды, оно имѣетъ много дѣтей и большія богатства. Вотъ эта пѣсня:

Милое Солнышко, божеская дочка!
 Гдѣ ты такъ долго бивалъ?
 Гдѣ такъ долго заиѣшалось?
 Куда отъ насъ удалилось?
 — За морями, за горами,
 Я стерегло дѣтей сиротъ,
 Грѣло бѣдныхъ пастуховъ.
 Милое солнышко, божеская дочка!
 Кто тебѣ утромъ
 Раскладываетъ огонь?
 Кто тебѣ покрываетъ
 Твое ложе вечеромъ?
 — Денница и вечерница,
 Денница раскладываетъ огонь,
 Вечерница стелетъ ложе.
 Я няю много дѣтей
 И большія богатства ³⁾.

И въ другихъ пѣсняхъ Литвиновъ солнце постоянно сохраняетъ характеръ божества женскаго рода и нерѣдко противопоставляется мѣсяцу—божеству мужскаго рода: «Солнце-матушка приданое готовила», или: «Сидитъ моя матушка, какъ на небѣ солнце... сидитъ мой батюшка, какъ на небѣ мѣсяцъ», «свѣтитъ мѣсяцъ на небѣ—плачетъ обо мнѣ мой батюшка, свѣтитъ солнце на небѣ—плачетъ обо мнѣ моя матушка ⁴⁾ и т. п. Къ солнцу, шествую-

¹⁾ Rhesa. Dainos. 94, 242.—Ср. Nesselmann. Lit. Volksl. № 47.—Въ поговоркахъ и заклинаніяхъ Литвиновъ Перкунъ имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, какъ у Латышей,—онъ разитъ и побѣждаетъ злыхъ демоновъ и враговъ; «бояться какъ чортъ Перкуна», говорятъ Литвины (буквально, какъ у Латышей). «Дай Богъ, чтобы тебя Перкунъ (громъ), святой Перкунъ, Deiwaitis (божество, т. е. тотъ же Перкунъ), священный Deiwaitis убилъ, разгромилъ!» или: «дай Богъ, чтобы Перкунъ поднялся и вбилъ тебя на десять саженъ въ землю!» Schleicher. Lit. Märch. 182, 189.

²⁾ Siript. rer. Livon. I, 547.

³⁾ Черты изъ ист. Лит. 127—128. (Заямств. изъ сборн. Rhesa. Dainos. 215—216.)

⁴⁾ Юшкевичъ. Лит. и. пѣс. 5, 6.—Schleicher. Lit. Volksl. 275.

щему по небу, а потому все видящему и все вѣдающему, Литвины обращаются и съ вопросами о томъ, что происходитъ въ далекихъ мѣстахъ, напр.

Съ высоты неба, повѣдай, солнце,
 Оттуда ты видишь границы свѣта,
 Побѣждаетъ ли мужъ мой поганыхъ,
 Слышишь ли тамъ его громкія призыванія?
 Съ высоты неба, повѣдай солнце,
 Не скосила ли смерть моего сына,
 Обогрѣаетъ ли онъ мечъ свой въ крови поганыхъ,
 И грабить ли добычу и гонить плѣнниковъ?.. ¹⁾

Богиня солнца, по представленію Литвы, ѣздила надъ землею въ колесницѣ, запряженной тремя конями: серебрянымъ, золотымъ и алмазнымъ ²⁾.

У *Пруссовъ* богъ неба назывался Окопирнось (Okopirnos), но образъ его очевидно поблѣднѣлъ и ступежался передъ могучей тройственной группой боговъ, передъ «Трибогомъ» прусскаго Олимпа, если можно такъ выразиться. Ромовъ (Romove) называлось то мѣсто въ Надровіи, гдѣ стоялъ знаменитый священный дубъ, въ которомъ обитали упомянутые три бога: Перкунось, Потримпось (Potrimpos) и Поклусъ или Пиколлосъ (Poclus, Picollos) ³⁾. Этотъ тройственный союзъ главнѣйшихъ боговъ Прусскихъ, неразрывно соединенныхъ въ одномъ святилищѣ, въ Ромовѣ, представлялъ собою олицетвореніе въ трехъ самостоятельныхъ божественныхъ образахъ той идеи, которая у древнихъ народовъ нерѣдко выражалась въ лицѣ одного тройственного божества, властвующаго надъ тремя областями міра: вспомнимъ трехокаго Зевеса (по объясненію Повзанія, вѣроятно впрочемъ, невѣрному, см. ниже ст.: «Вѣтры» — Стрибогъ), треглавую Гекату, трехвидную Діану, наконецъ, неназваннаго по имени, высшаго владыку надъ тремя царствами міра (triplicis mundi Summus) древнихъ Италійцевъ. Названные три Прусскіе бога служили: Перкунъ, какъ богъ грома и молніи, снѣга и града, — представителемъ неба, Поклусъ, какъ богъ всеразрушающаго вихря и въ тоже время богъ пѣкла, — представителемъ смерти и подземнаго міра или преисподней ⁴⁾, и Потримпось, какъ богъ рѣкъ и всѣхъ проточныхъ водъ, — представителемъ земныхъ водъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ богомъ земнаго плодородія. Перкуну въ Ромовѣ приписывали грозное,

¹⁾ Kałol M. Wg... Pies. I. Nadniem. 56.

²⁾ Черты изъ ист. Лит. 68.

³⁾ По преданію, истуканы этихъ трехъ боговъ принесены были изъ Скандинавіи. Черты изъ ист. Лит. 80.

⁴⁾ Что касается Поклуса, то извѣстія о немъ у разныхъ авторовъ весьма сбивчивы: богъ бурь и богъ пѣкла то называются какъ одно божество, то какъ два — со сходными названіями, напр. первый Percullus, а второй — Rocullus; Стрыйковский принимаетъ одного бога Poclus.

пылающее лицо съ черными, курчавыми волосами и бородой. Въ честь его пылалъ неугасающій огонь изъ дубоваго дерева, по свидѣтельству Стрыйковскаго, называвшійся Зничъ (Znic). Слыша громъ, Пруссы произносили: „Боже Перкунъ, пощади насъ!“¹⁾ При отправленіи весенняго праздника, жрецъ (вуршкайтъ), держа въ рукѣ чашу, наполненную пивомъ—обычнымъ жертвеннымъ напиткомъ Литовскихъ народовъ—говорить слѣдующую молитву: «О милостивый боже, Перкунъ! молимся тебѣ, чтобы ты явился въ должное время и даровалъ милостиваго дождя, чтобы древесная зелень, трава и хлѣба хорошо росли и преуспѣвали; не причиняй намъ вреда безвременной бурей, градомъ, молніей и громомъ; изгони также, всемогущій боже, и порази Пойколлоса (т. е. Поклуса) съ его слугами и подданными, дабы они не могли вредить ни намъ, ни растеніямъ!» Въ этихъ молитвахъ ярко охарактеризована природа Перкуна: онъ—владыка грозъ, бурь и града, но въ тоже время—податель «милостиваго дождя», способствующаго преуспѣванію растительности; онъ же побѣдитель злыхъ, вредящихъ человѣку воздушныхъ и подземныхъ демоновъ, съ Поклусомъ во главѣ²⁾. По имени Перкуна въ Пруссіи и Литвѣ названы разныя мѣстности, напр. Perkun-Lauken, т. е. Перкуновы Луки, Perkujken, т. е. Перкуново село, Перкунишки и др. — Поклусъ, по свидѣтельству Геннеберга, имѣлъ длинную сѣдую бороду, лицо его обращено было вверхъ, голову его обхватывала бѣлая повязка. Эмблемами этого «бога пѣкла, тучъ, затмѣнїя и летающихъ духовъ и дьяволовъ», какъ характеризуетъ его Стрыйковскій, служили мертвыя головы человѣка, быка и коня. — Потримпу приписывалось веселое, улыбающееся лицо, зелень на головѣ; атрибутами его служили: горшокъ съ хлѣбными зёрнами и посвященная ему змѣя, которую кормили молокомъ и которая помѣ-

¹⁾ Такъ Нарбутъ переводитъ оригинальный текстъ: «Dewas Perkunas absolo mus!» Narbutt. Mit. Lit. 10.

²⁾ Изложенная характеристика Перкуна у Латышей, Жмуди и Литвы, и Пруссовъ, чрезвычайно сблизжаетъ его съ Индрю, громовержцемъ, оросителемъ земли, милостивымъ побѣдителемъ злыхъ демоновъ. Однимъ изъ эпитетовъ Индры служатъ названіе Парджанья (Parjajana), очевидно родственное Перкуну, называемому въ перечнѣ Прусскихъ боговъ 1530 г. Паркуномъ (Parckunoch. Sel. diss. VII): «Бушуетъ вѣтеръ, блистаетъ молнія, распускаются злаки—говорится въ Риг-Ведѣ—небо изливается, вся тварь получаетъ подрѣвленіе, когда Парджанья оплодотворяетъ землю своимъ сѣменемъ». «Пусть поднимутся страны свѣта, облеченныя въ темныя тучи—читаемъ въ Атарва-Ведѣ—пусть пригоняются вѣтромъ тучи, обильныя водою; пусть бушующія воды скрятаго во тмѣ тучъ, гремящаго исполина—быка, насытятъ землю... Пусть дождевыя потоки принесутъ землѣ благословеніе, во всѣхъ мѣстахъ пусть возникнутъ всякія травы... Гоните, о Маруты, восдымайте изъ моря тучи... Возопи, возгреми, потрясай вмѣстившае водъ, пропятай, Парджанья, водою землю; пусть обильный исходитъ отъ тебя дождь, пусть переносятся доброй надеждой владѣлецъ восточеннаго скота... Пусть по всѣмъ сторонамъ сверкаетъ молнія, пусть со всѣхъ сторонъ дуетъ вѣтеръ... Пусть вода, молнія, тучи и дождь будутъ къ вамъ благосклонны, пусть будутъ благосклонны криницы съ добрыми духами». — Аванасъевъ. Поэт. воз. I, 136. — Ludwig. D. phil.-rel. Ansch. d. Veda. 44—45.

шалась въ горшкѣ, покрытомъ колосьями. Важность этого бога доказывается тѣмъ, что вайделоть (жрецъ), когда наступало время приносить Потримпу жертву, предварительно три дня постился, распростертый на голой землѣ, чтобы быть достойно приготовленнымъ къ совершенію жертвоприношенія. Въ честь этого бога даже закалались младенцы ¹⁾. Подтверженіемъ тому, что Потримпъ былъ представителемъ земнаго плодородія, могутъ служить, какъ свидѣтельство Луки Давида, который называетъ Потримпа — богомъ хлѣбовъ (des Getreides Gott), а равно и вообще богомъ всякаго благополучія ²⁾, такъ и слова Преторіуса (пастора въ Небудзенѣ близъ Инстербурга, въ 1667 — 1685 г.): «Ныгъ — пишеть онъ — какъ въ Надровіи (гдѣ находилось Ромовское святилище), такъ и въ сосѣдней Жмудской землѣ, сколько мнѣ извѣстно, не почитаютъ болѣе Потримпа (Padymrus), но мѣсто его, кажется, занялъ. кромѣ ЗемиNELы или Земилукиса (богини или бога земли), — Вайсгаутисъ, т. е. богъ плодородія, котораго одинаково почитаютъ и мужчины и женщины, въ честь котораго убиваютъ барашка или пѣтуха и совершаютъ еще нѣкоторыя другія церемоніи» ³⁾. — Изъ трехъ боговъ Ромовскихъ Перкунъ (Перкунсъ) есть главное

¹⁾ Hartknoch. Sel. diss. VI, VII, X: 161—163. — L. David. Preuss. Chron. I, 25 и сл., 89. — Strykowski. Kron. Pol. I. iv, 144, 147. — Давидъ, а иногда и Стрыйковскій называютъ Пакаллоса именемъ Patollo или Patello. — Rhesa. Dainos. 242. — Перкувъ, Поклусъ и Потримпъ невольно заставляютъ насъ вспомнить о позднѣйшемъ тройственномъ союзѣ боговъ у древнихъ Индусовъ, носившемъ названіе Trimūtri. Членами этого союза были Брами, Сива и Вишну. Брами, высшій владыка, «основатель и руководитель міра», по ученію, признававшему божественную троицу (тримурти), долженъ былъ замѣстятъ небснаго бога Индру, которому, какъ мы только что видѣли (стр. 106, прим. 2), въ особенности съ эпитетомъ «Парджанья», весьма близко родственъ Перкувъ Литовскихъ народовъ. Сива (Рудра) является представителемъ преимущественно разрушительнаго принципа, врагомъ всего живаго въ природѣ; онъ — богъ бури и вихря: самое имя его означаетъ мычащаго, воющаго бога, — богъ истребитель, богъ смерти: большіе зубы, три глаза и ожерелье изъ человѣческихъ череповъ придавали образу его подобающій ему характеръ, наводя на людей страхъ и ужасъ. Въ Прусскомъ «Трибогѣ» сходную роль игралъ Поклусъ, который, по опредѣленію Стрыйковскаго (ср. выше стр. 106), былъ богомъ пекла, тучъ, затменія и летающихъ духовъ, богомъ разрушителямъ, эмблемою котораго, какъ было сказано выше, служили черепа человѣка, быка и коня. (У Латышей богомъ бурь былъ Оккупернисъ, имя котораго соотвѣтствуетъ небесному богу Прусовъ — Okorignos.) Наконецъ Вишну, «другъ и товарищъ» Индры, помогающій ему возвратитъ похищенную Вритрою влагу, почитавшійся преимущественно въ долинахъ Ганга, былъ представителемъ плодородной влаги, но не той, которую проливаютъ грозовыя тучи, а рѣчныхъ водъ, орошающихъ землю во время разлива рѣкъ, въ пору дождливаго времени года. Вотъ почему онъ, сохраняя характеръ свѣтлаго небснаго бога, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ богомъ плодородія, наполяющимъ землю рѣчными, т. е. проточными водами. Точно такимъ является и богъ Потримпъ, по выше приведенному опредѣленію, богъ проточныхъ водъ и земнаго плодородія. Вишну, обитающій на свѣтлой высотѣ, въ жилищѣ, гдѣ течетъ медъ, кромѣ того, изображался поножащимся на змѣѣ, — Потримпу посвященъ былъ змѣй, котораго кормили молокомъ. Duncker. Gesch. d. Alt. III, 249 и сл. — Weber. Allg. Weltg. I, 272 и сл.

²⁾ Preuss. Chron. I, 25, 34.

³⁾ (Mannh.) Lasicius. De diis Samog. 33—34.

божество въ Латышской (и собственно Литовской) мѣологии, и имя его, какъ мы видѣли выше, до сихъ поръ живетъ въ пѣсняхъ, поговоркахъ и заговорахъ Латышей (и Литвиновъ). Поклусъ, какъ представитель злаго начала, встрѣчается у Латышей нынѣ только въ словахъ «пеклэ» (адъ) и «пѣкис» (нечистая сила, чортъ) ¹⁾. О мѣологическомъ значеніи Потримпа мы находимъ только намекъ въ остаткахъ Латышской старины, именно въ одномъ Латышскомъ заговорѣ противъ «завистника» встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: «пусть Тримпусъ (= Потримпусъ) отвернется отъ твоихъ полей, отъ твоей скотины, отъ твоихъ луговъ, садовъ и пастбищъ» ²⁾. Изъ этихъ словъ, которыя очевидно могутъ быть отнесены только къ Потримпу (а никакъ не къ Атримпу — специальному представителю моря) видно, что и у Латышей, какъ у Пруссовъ, Потримпъ имѣлъ значеніе бога плодородія.

Изъ обширнаго списка боговъ Литовскихъ народовъ, упоминаемыхъ лѣтописцами, прежде всего выдѣляются, какъ наиболѣе важныя, именно тѣ изъ боговъ, которые призывались народомъ во время главнѣйшихъ праздниковъ: весенняго, отправлявшагося въ мартѣ или апрѣлѣ, и жатвеннаго — въ августѣ. Въ обоихъ случаяхъ народъ молился преимущественно четыремъ богамъ, а именно, кромѣ Перкуна, небснаго бога, главнаго представителя Ромовскаго святилища, еще Свайкстиксу, богу солнечнаго свѣта, Пергрубію, богу растительности и именно весенняго плодородія, и Пильвиту, богу, даровавшему богатство и наполнявшему гумна. Перкунъ, Пергрубій и Пильвить почитались не только Пруссами, но и Литвой, Жмудью и Латышами. Свайкстиксъ у Пруссовъ очевидно соотвѣтствовалъ «солнышку-божьей дочкѣ» или «матушкѣ-солнцу» (*Saulyte, Saule-matula*), другихъ соплеменныхъ Пруссамъ народовъ. Къ числу наиболѣе почитавшихся Литовскими народами боговъ принадлежали еще: богъ или богиня земли — Земинала или Земдукисъ Пруссовъ, Земина и Земенникъ Литвы и Жмуди, Земме Латышей (ср. выше: Земня, богиня земли у Поляковъ, по Прокошу, стр. 18—19) и нѣкоторыя другія божества меньшей важности, о которыхъ отчасти будетъ рѣчь въ послѣдствіи, при разсматриваніи соотвѣствующихъ боговъ Славянскихъ. Главнѣйшими божествами были, слѣдовательно, боги неба, солнца и небесной влаги, боги весенняго и земнаго плодородія вообще, богъ богатства и божества земли. Важную роль играли еще божества лѣсныхъ, полевыхъ, подорожныхъ, также до-

¹⁾ Сбор. антроп. II, 221—222, прим. — Въ выше приведенномъ заговорѣ отъ божества (стр. 101) упоминается родственной Поклусу или Пиколлосу злой духъ — Пиктулисъ. Главнымъ представителемъ ада и вообще мрачнаго подземнаго царства у Латышей, т. е. чортомъ, называется нынѣ Юадъ (*Johd*).

²⁾ Мат. для этн. Лат. 173. *

мовья божества, жившія подъ очагомъ или вообще подъ избою, покровительствовавшія дому и двору, а равно и всякимъ домашнимъ занятіямъ. Въ ближайшей связи съ домовыми божествами находится огонь (очага, овина), высоко почитавшійся народами Литовскаго племени, или подъ собственнымъ его именемъ, или подъ названіями: *Gabie* (богъ огня), *Polengabie* (божество огня очага) *Matergabie* (мать огня)— у Жмуди, *Gabjaugia* (богъ овиного и рижнаго огня)— у Пруссовъ ¹⁾.— Чрезвычайное изобиліе именъ мѣстныхъ боговъ народовъ Литовскихъ, — боговъ, служившихъ представителями всевозможныхъ явленій, различныхъ отраслей богатства и благосостоянія челоуѣка, всякаго рода обстоятельствъ, занятій, ремеслъ, вообще сельской обстановки, можетъ до нѣкоторой степени уяснить намъ свидѣтельство лѣтописцевъ Балтійскихъ о большомъ количествѣ боговъ Балтійскихъ Славянъ (ср. выше стр. 22, извѣстія Гельмольда о томъ, что вся страна Староградская была переполнена певатами и идолами, что у Балтійскихъ Славянъ были различные боги, которымъ принадлежали пашни и лѣса, печали и радости). Это были по большей части, разумѣется, лишь разсудочныя олицетворенія, въ безплотной формѣ, различныхъ явленій, обстоятельствъ, понятій, и т. п., каковыя мы встрѣчали раньше въ Римской мифологіи (ср. выше стр. 84, обожествленіе у Римлянъ понятій: обсѣмененія, обработки полей, цвѣтенія, войны, границы, молодости, благополучія и пр.). а равно и неразъ встрѣтимъ въ послѣдствіи между божествами Славянскихъ народовъ. Литовское вліяніе оставило, въ этомъ отношеніи, глубокіе слѣды въ суевѣріяхъ ближайшихъ къ нимъ Русскихъ сосѣдей своихъ — Бѣлоруссовъ.

Близкое родство Литовскаго племени со Славянскимъ, сходство внѣшнихъ условій, при которыхъ жили народы Литовскіе и Славяне сѣверо-западные и восточные, невольно заставляеть насъ отыскивать въ дошедшихъ до насъ свидѣтельствахъ о языческой старинѣ Литовской, именно въ описаніяхъ древнихъ языческихъ ихъ обрядовъ, поясненія и пополненія скудныхъ свѣдѣній нашихъ относительно обрядной стороны языческаго служенія богамъ у Славянъ. Подобно большинству Славянъ, народы Литовскаго племени не имѣли храмовъ, ни даже идоловъ, святилищами же служили у нихъ, по преимуществу, священныя деревья и рощи. Главнѣйшимъ святилищемъ Пруссовъ служилъ знаменитый дубъ въ Ромовѣ, гдѣ жили Перкунъ, Потримпъ и Пиколлосъ. Кромѣ дуба, священнаго дерева древнихъ Пруссовъ, въ особенности почитался имъ, а также прочими Литовскими народами, бузиновый кустъ, подъ которымъ жилъ, по ихъ вѣро-

¹⁾ Menetius. De sacrif. 390.* — Strykowski. Kron. Pols. 147.—L. David. Preuss. Chron. 89—90, 91.—(Mannh.) Lasicius. De diis Samag. 13, 15, 39—40, 41.

ванію, богъ земли Пушкайтисъ, властвующій надъ земными демонами младшаго разряда, Маркополами и Парстуками ¹⁾). О святилищахъ Латышей имѣемъ свидѣтельство Эйнгорна: «Летты эти—писаль онъ—хотя и имѣли многихъ боговъ и богинь, не строили однако храмовъ или алтарей, у которыхъ бы они совершали богослуженіе и жертвоприношенія; ничего подобнаго не найдено въ этой странѣ, дикой и невоздѣланной, почитали же и призывали боговъ своихъ въ священныхъ рощахъ, въ которыхъ не было ни храмовъ, ни алтаря, ни идоловъ» ²⁾). «Все еще—писаль въ 1797 г. Меркель—онъ (Латышь) приноситъ лѣснымъ богамъ подарки въ священныхъ рощахъ, пещерахъ, горахъ... Латышская невѣста, на пути къ вѣнцу, должна въ каждую встрѣчающуюся ей канаву или прудъ, къ каждому углу дома, бросать цвѣтныя нити и монету, въ даръ воднымъ и домовымъ божествамъ» ³⁾). Пасторъ Карбломъ, въ качествѣ очевидца, еще въ 1836 г. рассказываетъ о древнихъ святилищахъ Лифляндскихъ Латышей, жилищахъ домовыхъ духовъ: одно изъ нихъ «помѣщалось въ саду, близъ забора—пишетъ онъ—и было покрыто старыми боровами; свѣжая кровь, перья и кости куръ, старья и новья мѣдныя монеты на алтарѣ домового духа ясно свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь въ ночь на св. Георгія совершалось жертвоприношеніе и заколотъ былъ пѣтухъ». Далѣе онъ упоминаетъ о другомъ святилищѣ, у котораго также еще въ этомъ году совершилось служеніе 23 апрѣля. «Здѣсь богъ обиталъ не въ деревянномъ жилищѣ, но подъ камнями. Когда послѣдніе были подняты, изъ земли поднялся смрадный запахъ отъ гнилыхъ яицъ и кусковъ мяса, постепенно тамъ накопившихся; красная шерсть, старья и новья монеты также и здѣсь входили въ составъ жертвенныхъ приношеній домовому богу» ⁴⁾).—Впрочемъ, мѣстами, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, и у народовъ Литовскихъ встрѣчались идолы, а иногда даже храмы. Объ идолахъ Перкуна, Потримпа и Пиколла, помѣщавшихся въ Ромовскомъ дубѣ и о вѣщности которыхъ сохранилось преданіе, было говорено выше (стр. 106). По свидѣтельству Стрыйковскаго, въ 1321 году Гедиминъ поставилъ въ Вильнѣ болванъ, т. е. идолъ, Перкуну, которому жгли неугасающій огонь. При обращеніи Жмуди въ христіанство, въ 1413 г., по преданію, былъ оставленъ языческой храмъ въ Полангѣ, изъ уваженія къ матери Витовта, Бирутѣ, не хотѣвшей креститься ⁵⁾).

¹⁾ L. David. Preuss. Chron. I, 126—127, 150.—Hartknoch. Sel. dis. X, 164.—Strykowski. Kron. Pols. I. iv, 146.

²⁾ Einhorn. Hist. Lett. III, 583 *.

³⁾ Merkel. Die Lett. 49, 50.

⁴⁾ «Inland» 1836. № 39: Heidn. Opferd. in Livl.

⁵⁾ Strykowski. Kron. Pols. I, 373.—Костомаровъ. Русс. инор. 55. *

Подобно Славянамъ Балтійскимъ, Литовскіе народы издревле имѣли жрецовъ, которые завалили жертвы, совершали богослужebные обряды и произносили или пѣли при этомъ молитвы; они стояли подъ управленіемъ верховнаго жреца, жившаго въ Ромовѣ: Въ Ромовѣ, повѣствуетъ Петръ Дусбургскій, имѣлъ пребываніе свое Криве (называвшійся также Криве Кривейто), котораго язычники «почитали какъ папу» ¹⁾. Это былъ верховный жрецъ Пруссовъ, который не только имѣлъ первосвященническое достоинство между народами Литовскими, но почитался и нѣкоторыми Чудскими племенами (Эстами и Ливами) и распространялъ духовную власть свою даже на часть Славянъ—Кривичей, предковъ нашихъ Бѣлоруссовъ. Въ извѣстныхъ времена верховный жрецъ, Криве, вопрошалъ боговъ и возвѣщалъ волю ихъ народу чрезъ посредство вайделотовъ. Когда ударялъ громъ, Прусы думали, что то бесѣдуетъ верховный жрецъ ихъ съ Перкуномъ ²⁾. Установленіе Криве—замѣчаетъ Костомаровъ—произошло въ недосыгаемой древности. Существованіе слова Кривичи въ IX вѣкѣ указываетъ, что когда-то власть этого Литовскаго папы была въ большой силѣ и простиралась на отдаленные и чуждые народы. Въ житіи св. Войцеха говорится, что жрецы составили заговоръ умертвить святаго мужа за его ревность въ распространеніи христіанской вѣры. Слѣдовательно, въ концѣ X и началѣ XI вѣка жреческое сословіе было вполне организовано ³⁾. Второстепенные жрецы, между которыми бывали и женщины, носили названіе вайделотовъ и вайделотокъ, или вуркшайтовъ; кромѣ того, подъ разными названіями, извѣстны были и нисшія степени жрецовъ, которые гадали, предвѣщали, лѣчили, словомъ—волхвы и знахари ⁴⁾. Еще Адамъ Бременскій писалъ о Курляндіи, что тамъ «всѣ дома полны предсказателями, птицегадателями и чародѣями» ⁵⁾. Вайделоты и вайделотки Пруссовъ, по свидѣтельству Луки Давида, собирали въ извѣстные дни и мѣста окрестный народъ, «какъ нынѣ то дѣлають христіанскіе священники»; тамъ они давали народу религіозныя поученія и наставленія; въ чемъ именно заключались эти поученія—осталось автору лѣтописи, однако, неизвѣстнымъ. Они сохранились на общественный счетъ, но за то требовалось, чтобы они вели жизнь уединенную и цѣломудренную, и виновный въ нарушеніи цѣломудрія предавался сожженію ⁶⁾. По словамъ Грунау (въ

¹⁾ Chron. Pruss. V, 78.—Издатель лѣтописи Л. Давида названіе Криве Кривейто переводитъ: «судья судей». Тамъ-же. I, 17, прим.

²⁾ Hartknoch. Sel. diss. X, 162.

³⁾ Русс. шпор. I, 23. *

⁴⁾ Hartknoch. Sel. diss. IX.

⁵⁾ Hist. eccl. IV, 16.

⁶⁾ L. David. Preuss. Chron. I, 37—38.

нач. XVI в.), обязанность сельских жрецовъ и жриць (Dorffwaidler und Waidelinnen) заключалась въ поддерживаніи священнаго огня и возвѣщеніи народу воли боговъ, съ которыми они будто-бы бесѣдовали во снѣ, въ благословеньи людей и скота; они же давали народу указанія, относительно времени посѣва, жатвы и пр., учили дѣтей молитвамъ, гадали объ утраченныхъ предметахъ и т. д. ¹⁾).

Боговъ чествовали и умилостивляли жертвоприношеніями (по преимуществу кровными) и молитвами, связанными съ известными обрядами. До сихъ поръ сохранилось въ Литвѣ выраженіе: «зарѣжь бѣлаго пѣтуха» т. е. (принеси богамъ благодарственную жертву), что тебя не поймали» ²⁾). Жертвоприношенія нерѣдко имѣли символическій характеръ, такъ напр. Литва и Жмудь, въ честь бога Kępinie Pradziu Waęru, подателя хлѣбовъ, зарѣзывали курь съ низкимъ и толстымъ гребнемъ и мясо ихъ дробили на мелкіе кусочки, для того, чтобы жито родилось густо, колосисто и невысоко; въ честь конскаго бога Хаурирари убивали пѣтуховъ разныхъ цвѣтовъ, для того чтобы плодились такіе же кони. Скотскаго бога Гониглиса чествовали принесеніемъ ему въ жертву яичекъ (разумѣется, какъ символа плодородія) конскихъ, бычачьихъ, козлиныхъ и прочей скотины ³⁾). Осенью Жмудскія дѣвушки отправляли особый праздникъ въ честь бога плодородія Вайшгантоса. При этомъ совершалось возліаніе въ честь бога и гаданіе. Одна изъ дѣвушекъ, самая высокая ростомъ, заложивъ за пазуху пироговъ, становилась одной ногой на скамейку, поднимала вверхъ лѣвую руку, въ которой держала длинную полосу лыка, а въ правую брала чашу съ пивомъ и произносила: «Боже Вайшгантъ! уроди намъ такой высокой ленъ, какъ я сама теперь высока, не допусти, чтобы мы ходили голыя!» Послѣ того она выпивала чашу и, наполнивъ ее вновь, выливала на землю, въ честь бога, пироги же разбрасывала по избѣ. Если дѣвушкѣ удавалось въ теченіи всего обряда выстоять на одной ногѣ, то это считалось предзнаменованіемъ хорошаго урожая, если же она теряла равновѣсіе и падала, то изъ этого заключали о предстоявшемъ неурожаѣ льна ⁴⁾). (Питіе чаши и возліаніе вина въ честь боговъ, какъ мы видѣли выше, было въ обычаяхъ и у древнихъ Славянъ: у

¹⁾ Gginau. Preuss. Chron. 94. *—Въ послѣдствіи, по утвержденіи въ народѣ христіанства, независимо отъ колдуновъ и колдуній (Zobern und Hexen), которыхъ было очень много въ средѣ Пруссковъ, еще долгое время въ деревняхъ существовали вайдлы (мужскаго и женскаго пола), унаслѣдовавшіе свои познанія отъ вайделотовъ: они благословляли больныхъ людей и скотину, давали помощь селлянамъ въ разныхъ невзгодахъ. Это были большею частью бѣдные люди, а именно нищіе, пастухи, прядильщицы и т. п. L. David. Preuss. Chron. I, 37—38.

²⁾ Schleicher. Lit. Märch. 162.

³⁾ Strykowski. Kron. Pols. I. iv, 145, 146.

⁴⁾ (Mannh.) Lasicius. De diis Samog. 14.

нихъ же гаданіе принадлежало нерѣдко къ важнѣйшимъ обряднымъ дѣйствіямъ при служеніи богамъ).—Чрезвычайно интересно описанное Прэторіусомъ (XVII в.) чествованіе огня овина или риги, совершавшееся еще въ его время Пруссами, по окончаніи молотбы. Рѣзали чернаго или совершенно бѣлаго пѣтуха, при чемъ произносили: «Габіаугія ¹⁾, будь веселъ и милостивъ къ намъ!» Затѣмъ хозяйнѣ, по удаленіи всѣхъ женщинъ ²⁾, варилъ пѣтуха и, положивъ его на покрытую бѣлымъ платкомъ получетвериковую мѣру, созывалъ сыновей и работниковъ своихъ къ трапезѣ; при этомъ онъ обращалъ къ богу Габіаугію молитву слѣдующаго содержанія: «Благодаримъ тебя, боже Габіаугія, за то, что мы нынѣ можемъ выдѣлать твои благіе дары». Его благодарили за то, что онъ милостиво оградилъ молящихся отъ пожара, и просили объ еще болѣе обильномъ урожаѣ въ будущемъ, послѣ чего уже слѣдовало произнесеніе христіанскихъ молитвъ. Вслѣдъ за симъ, въ честь богини земли, Земиналы, выливали на землю пиво и затѣмъ уже приступали къ жертвенному пиру, къ которому допускались и женщины. За этимъ пиромъ каждый, кромѣ сваренной вмѣстѣ съ жертвеннымъ пѣтухомъ свинины и говядины, которыхъ могъ ѣсть сколько желалъ, получалъ по кусочку мяса этого пѣтуха. Все остававшееся отъ трапезы мясо и кости или отдавались на съѣденіе собакамъ, или же зарывались въ навозъ. Въ заключеніе торжества хозяйнѣ, взявъ въ руки чашу пива, произносилъ: «Любезный боже Габіаугія! мы прекрасно справили праздникъ, будь милостивъ, нашъ боженька, и благослови насъ, нашихъ дѣтей и домочадцевъ, нашъ домъ и дворъ, нашъ скотъ, хлѣба и т. д.» ³⁾. Описаніе этого праздника можетъ служить живой иллюстраціей короткихъ и отрывочныхъ извѣстій о существованіи въ древней Руси обряда поклоненія огню подъ овиномъ, обряда рѣзанія куръ (или пѣтуховъ) ⁴⁾ подъ овиномъ (ср. выше стр. 36, 54—55). Такое чествованіе въ древней Руси овиного огня вѣроятно тождественно съ упоминаемымъ Снегиревымъ празднованіемъ «именинъ овина» ⁵⁾,—торжествомъ, очевидно, въ свою очередь, тождественнымъ съ описаннымъ обрядомъ Пруссовъ: «Габіаугіансъ»—тор-

¹⁾ Gабіе называлось Жмудью божество огня ([Maunnh.] Lasicus. De diis Samog. 15); laugie=рига или овинъ. Gabjaugja или Gabjaugis=божество овиного огня у Пруссовъ (Тамъ же. 39, 40).

²⁾ Исключеніе женщинъ изъ участія въ служеніи нѣкоторымъ богамъ (въ данномъ случаѣ—богу огня)—черта весьма древняя. Извѣстно, что на торжество въ честь Ареса, Геркулеса и др. женщины обыкновенно не допускались; за то, въ свою очередь, онѣ имѣли свои праздники и служенія, изъ которыхъ исключены были мужчины.

³⁾ (Maunnh.) Lasicus. De diis Samog. 39—40.

⁴⁾ Пѣтухъ называется у Сербовъ кур, у Чеховъ—kuřek, у Поморскихъ (Балтійскихъ) Славянъ и Поляковъ—kur.

⁵⁾ Рус. пр. праз. I, 49.

жество въ честь бога Габіаугія, по словамъ Прэторіуса, «есть какъ бы праздникъ овиновъ» (*der Jaugien*)¹⁾. Огонь вообще игралъ немалую роль въ религиозныхъ обрядахъ Литовскихъ народовъ. Невѣста у Судиновъ, Курляндцевъ, Жмуди и Литвы, во время свадебнаго торжества, трижды обводилась кругомъ огня²⁾. Покидая родительскій домъ, она со слезами обращалась къ огню очага, со слѣдующимъ причитаніемъ: «о мой любезный, святой огонечекъ! кто будетъ носить тебѣ дровецъ, кто будетъ стеречь тебя?»³⁾ Во время жертвеннаго обряда, совершавшагося у Пруссовъ, по желанію частнаго лица, съ цѣлью излѣченія человѣка или скотины отъ болѣзни, или избавленія отъ другихъ невзгодъ, прежде всего разводился большой огонь, къ которому хозяинъ долженъ былъ принести все обѣщанное богамъ. Если обѣщанную жертву составлялъ козель, то онъ долженъ былъ привести его и держать морду животнаго близко къ огню. Въ это время вайделотъ вынималъ изъ огня горящую головню и, держа ее въ рукахъ, произносилъ молитву богамъ, въ которой, указывая на предлагаемое имъ угощеніе, просилъ, чтобы они исполнили желаніе жертвователя. Во все время молитвы хозяинъ держалъ голову козла близъ огня. Затѣмъ, по отсѣченіи головы козла, мясо туловища и внутренности варились и съѣдались, голова же полагалась къ огню⁴⁾. Въ этомъ обычаѣ нельзя не видѣть выраженія высокаго почитанія огня, которое было распространено между всѣми древне-Арійскими народами (ср. ниже ст.: «Огонь»), и участія его во всякомъ жертвоприношеніи. Наконецъ, по съѣденіи священнаго козлинаго мяса, прежде чѣмъ приступить къ питію пива, опять совершался обрядъ, относившійся до огня: вайделотъ бралъ обѣими руками изъ огня горящій уголь, кидалъ его себѣ на открытую голову, съ головы сбрасывалъ его опять въ руки, а изъ рукъ бросалъ его обратно въ огонь, потомъ касался рукой земли, произнося: «Лабба, лабба!» т. е. хорошо, хорошо! Примѣру его долженъ былъ слѣдовать каждый, вкусившій священной козлятины⁵⁾.

Земному богу, Пушкайту, представителю священныхъ деревьевъ и рощъ, обитавшему подъ бузиновымъ кустомъ (см. выше стр. 109), предлагались жертвы такимъ образомъ: подъ бузиновый кустъ приносили хлѣба, пива и другихъ яствъ, и молили бога, между прочимъ, о томъ, чтобы онъ послалъ подвластныхъ ему малорослыхъ Царстукровъ въ житницы, съ тѣмъ, чтобы они умножали тамъ хлѣбъ

¹⁾ (Mannh.) Lasicius. De diis Samog. 40.

²⁾ Тамъ же. 22.

³⁾ L. David. Preuss. Chron. 134.

⁴⁾ Тамъ же. 108—109.

⁵⁾ Тамъ же. 112.

и сохраняли его въ цѣлости. Въ честь же Парстуконъ приносили въ житницы на ночь столъ, на который ставили пиво, хлѣбъ, сыръ, масло и другія варенныя и жаренныя яства, какъ угощеніе божкамъ; затѣмъ запирали двери и уходили и на другой день съ большимъ вниманіемъ наблюдали, съѣдено ли что либо изъ предложеннаго угощенія, и, въ случаѣ замѣченной убыли, очень радовались, видя въ этомъ для себя залогъ будущаго благополучія¹⁾. Кругъ приводитъ изъ французскаго перевода какой-то *Visitatio Livonicar. eccles. facta an. 1613*, отрывокъ слѣдующаго содержанія, относящійся до Латышей, сохранявшихъ еще языческіе обычаи: «Они (Латыши) почитаютъ нѣкоторыя священныя деревья, около которыхъ собираются въ извѣстныя времена. Тамъ они приносятъ въ жертву чернаго быка, чернаго цѣтуха, дѣлаютъ возліянія пивомъ; по совершеніи жертвоприношенія, они ѣдятъ, пьютъ и пляшутъ въ честь своихъ боговъ»²⁾. Вѣроятно жертвы эти приносились Пушкайту, представителю деревьевъ, обитавшему подъ кустомъ, т. е. въ землѣ, такъ какъ (на это было обращено мною вниманіе уже раньше) животныя черной масти обыкновенно у языческихъ народовъ посвящались божествамъ земнымъ или подземнымъ.

Къ наиболѣе торжественнымъ богослужебнымъ обрядамъ Литовскихъ народовъ принадлежали, разумѣется, совершавшіеся въ главнѣйшіе общественныя годовыя праздники. Таковъ былъ прежде всего весенній праздникъ: «Въ день св. Георгія (т. е. 23 Апрѣля)—пишетъ Менецій (XVI в.)—они (Пруссы, Литва, Жмудь и пр.) имѣютъ обыкновеніе приносить жертву Пергрубіосу, котораго признаютъ богомъ цвѣтовъ и растений (по словамъ Луки Давида празднество это отправлялось при началѣ пахоты). Жертвоприношеніе происходитъ слѣдующимъ образомъ: жрецъ (*sacrificulus*), называемый вуршкайтъ, держитъ въ правой рукѣ чашу, наполненную пивомъ, и, призывая имя бога, поетъ хвалу его: «ты (Пергрубій)—возглашаетъ онъ—прогоняешь зиму, ты возвращаешь прелесть весны, ты зеленишь поля и сады, покрываешь листвою рощи и лѣса!» Пропѣвши эти слова (*hac cantilena finita*), онъ схватываетъ зубами чашу и, не прикасаясь до нея руками, выпиваетъ пиво, пустую же чашу бросаетъ назадъ черезъ голову. (Такой своеобразный способъ питья чаши вѣроятно вызванъ былъ обязательствомъ осушать чашу до дна, въ одинъ приемъ. Ср. выше, стр. 49, описаніе обряда служенія Святовиту Аргонскому, при которомъ жрецъ осушалъ рогъ

¹⁾ Menecius. De sacrif. 390.*—Strykowski. Kron. Pols. I. iv, 146.—L. David. Preuss. Chron. I, 127—128.

²⁾ См. у Гаркави. Сказ. Мусульм. 114.

въ честь идола «за одинъ разъ».) Чашу поднимають, вновь наливаютъ пивомъ, и изъ недъ пьютъ всѣ присутствующіе, воспѣвая при томъ гимнъ въ честь Пергрубія. Затѣмъ пируютъ цѣлый день и водятъ хороводы (*choreas ducunt*)¹⁾. Стрыйковскій, въ качествѣ очевидца, еще нѣсколько подробнѣе описываетъ этотъ праздникъ. По его словамъ, весною, когда сойдетъ снѣгъ, когда наступаетъ пора пахать и начинается показываться трава, поселяне сходятся въ какой нибудь просторный домъ, гдѣ вурнкайтъ беретъ чашу пива и, поднимая ее вверхъ, молитъ бога Пергрубія: «О всемогущій боже нашъ Пергрубій! ты прогоняешь неприятную зиму и размножаешь растенія, цвѣты и травы: мы просимъ тебя, умножай хлѣбъ нашъ засяпный и который мы еще будемъ сѣять, чтобы онъ росъ колосисто, а весь куколь вытопчи!» Выпивъ пиво описаннымъ у Менеція способомъ, жрецъ, по словамъ Стрыйковского, обращался къ другимъ богамъ: къ Перкуну съ молитвою о томъ, чтобы онъ отвратилъ отъ полей вредное дѣйствіе грома, града, молніи, дождя, бурь и тучъ; къ Свайкстиксу, богу свѣта, прося его свѣтитъ милостиво и ясно на хлѣба, луга, цвѣты и на скотъ; къ Пильвиту — съ мольбою, чтобы онъ далъ хорошо сжать и убрать въ гумно весь хлѣбъ. При этомъ онъ выпивалъ въ честь каждаго изъ призываемыхъ боговъ, «которыхъ у нихъ было пятнадцать» (вѣроятно этой цифрой ограничивалось число призывавшихся въ данномъ случаѣ боговъ), по чашѣ пива, держа чашу въ зубахъ, что дѣлали, слѣдуя его примѣру, и всѣ присутствовавшіе, а затѣмъ пѣли, «какъ будто были волки», пѣсню во хвалу боговъ²⁾. (Ср. у древнихъ Славянъ возліанія и питіе чашъ въ честь боговъ.)

Въ заключеніе приведу еще описаніе главнѣйшаго жертвоприношенія, бывшаго въ обычаѣ у народовъ Литовскихъ, именно закланія въ честь боговъ козла (или быка), совершавшееся обществомъ по окончаніи жатвы, иногда же сопровождавшее и частныя богослужебныя церемоніи. Обрядъ жертвоприношенія, по описанію Менеція, происходилъ такъ: когда приводили жертвеннаго козла, вурнкайтъ возлагалъ на него обѣ руки и призывалъ по порядку боговъ: Потримпа, Пильвита, Пергрубія и многихъ другихъ, послѣ чего присутствовавшіе поднимали козла и держали его высоко, при пѣніи гимна. Потомъ опускали его на землю. Тогда жрецъ обращался къ присутствовавшимъ съ увѣщаніемъ, чтобы они съ благоговѣніемъ совершали это торжественное жертвоприношеніе, благочестиво уста-

¹⁾ Menecius. De sacrif. 389. *

²⁾ Kron. Pols. I. iv, 148. — Ср. также описаніе этого праздника у L. David. Preuss. Chron. I, 89—91. — О жертвоприношеніяхъ, совершавшихся Латышами въ честь бога Усняя, см. ниже въ ст.: «Олицетворенія солнца» — Авсень.

новленное предками, и передали память о немъ своимъ потомкамъ, — а затѣмъ собственноручно заколалъ козла. Кровь, собранную въ чашу, онъ распръсыкивалъ, мясо же отдавалъ женщинамъ, которыя его варили. Въ то время, какъ варилось мясо, женщины приготовляли изъ пшеничной муки лепешки, которыя, однако, не клались въ печь, но стоявшими вокругъ огня мужчинами перебрасывались изъ рукъ въ руки, черезъ огонь, до тѣхъ поръ, пока такимъ образомъ не выпекались. Въ заключеніе цѣлый день и всю ночь ѣли и пили до рвоты (*usque ad vomitum*). Хмѣльные, выходили они на разсвѣтъ изъ дома и зарывали остатки отъ кушаній въ землю, въ надежномъ мѣстѣ, для того чтобы они не могли быть похищены какими либо птицами или звѣрями. Затѣмъ расходились по домамъ ¹⁾. Стрыйковскій описываетъ жертвоприношеніе козла или быка, совершавшееся, по его словамъ, въ весенній, Пергрубьевъ, праздникъ. «Вуршкайтъ, ихъ попь — говоритъ Стрыйковскій—по языческому обычаю, надѣвъ на главу свою вѣнокъ, полагалъ руку на козла или быка и просилъ всѣхъ боговъ, каждаго особенно, чтобы они милостиво приняли приносимую имъ торжественную жертву; взявъ быка или козла за рога, вели его въ гумно, и тамъ всѣ мужчины поднимали его вверхъ, между тѣмъ какъ вуршкайтъ, опоясавшись ручникомъ, снова призывалъ всѣхъ боговъ и произносилъ: «мы совершаемъ достохвальное жертвоприношеніе, заповѣданное отцами нашими, на умилоствленіе гнѣва боговъ.» Потомъ, съ шепотомъ обойдя трижды вокругъ быка, онъ заколалъ его; кровь жертвеннаго животнаго не проливалась на землю, но собиралась въ особенный сосудъ. Черная изъ этого сосуда ковшомъ или чаркой, вуршкайтъ окроплялъ кровью присутствовавшихъ, остатокъ же ея разливался въ горшечки, и всякій окроплялъ у себя дома свою скотину, какъ въ наше время—прибавляетъ Стрыйковскій—въ обычаѣ окроплять ее святой водой» ²⁾. По свидѣтельству Луки Давида, жертвенною кровью окропляли не только скотину, но и дома, скотные дворы, сараи ³⁾. Далѣе Стрыйковскій повторяетъ разсказъ Мененція о своеобразномъ способѣ печенія пшеничныхъ лепешекъ и прибавляетъ: «потомъ начинали ѣсть и пить, при чемъ пѣли пѣсни и играли на длинныхъ трубахъ въ теченіи цѣлой ночи». Остатки отъ пира, по словамъ Стрыйковскаго, рано утромъ зарывались на пере-

¹⁾ De sacrific. 390. *

²⁾ Ср. выше стр. 44—45, описаніе обряда закланія ягненка у Болгаръ, въ честь св. Георгія: старецъ-жертвователь поднимаетъ его вверхъ со словами: «св. Гѣрги, на ти ѣгне», кровь ягненка собирается въ чашку и употребляется на лѣченіе людей и животныхъ.

³⁾ Preuss. Chron. I, 103.

кресткахъ, съ тою же цѣлью, которую называетъ Менецій ¹⁾). Симонъ Грунау, случайно наткнувшійся въ 1520 году на козлиное жертвоприношеніе, совершавшееся, еще по древнему языческому обычаю, Пруссами, оставилъ описаніе этого обряда, въ общихъ чертахъ весьма сходное съ описаніями Менеція, Стрыйковскаго и другихъ. Замѣчательна, однако, новая черта въ его разсказѣ, а именно, по его словамъ, поселяне, послѣ молитвы вайдла, обращенной имъ къ разнымъ богамъ, еще до закланія козла, публично исповѣдывали грѣхи, совершенные ими противъ боговъ, а потомъ, въ то время какъ варилось мясо жертвеннаго животнаго, каждый изъ кающихся становился на колѣна передъ вайдломъ, который дралъ его за волосы и давалъ ему пощечину,—этимъ пріобрѣталось прощеніе грѣховъ, послѣ чего они въ свою очередь нападали на вайдла и дергали его за волосы: чѣмъ громче при этомъ вайдлъ кричалъ, тѣмъ болѣе они вѣрили въ послѣдовавшее прощеніе грѣховъ. Затѣмъ начиналась попойка, и каждый обязательно напивался до пьяна ²⁾). «Пока длится пиво—говоритъ Лука Давидъ—длится у нихъ и священнодѣйствіе и служеніе богамъ» и въ другомъ мѣстѣ: «И такъ ихъ религія и богослуженіе состояли въ жранныѣ и пьянствѣ» ³⁾).

Осеннее жертвоприношеніе въ честь Земенника, по словамъ Стрыйковскаго, еще въ его время отправлявшееся въ Литвѣ, Жмуди, Лифляндіи, Курляндіи и Русскихъ окраинахъ, происходило такъ: праздникъ въ честь Земенника имѣлъ мѣсто въ исходѣ октября. Жители трехъ или четырехъ селеній дѣлали складчину и сходились въ какойнибудь домъ, съ женами, дѣтьми и слугами. Столъ покрывали сѣномъ, иногда скатертью, и ставили на него нѣсколько хлѣбовъ, а на углахъ—четыре большіе горшка пива; потомъ приводили бычка и телку, барана и овцу, козла и козу, кабана и свинью, пѣтуха и курицу, гусака и гусыню и другихъ домашнихъ животныхъ и птицъ, попарно: самца и самку. Всѣхъ этихъ животныхъ и птицъ они убивали какъ жертвоприношеніе своему богу Земеннику. Сперва вѣдунъ или жрецъ, простой мужикъ, произнесъ молитвы, по древнему обычаю, начиналъ бить палкой котороенибудь изъ жертвенныхъ животныхъ, потомъ всѣ кругомъ стоявшіе также начинали ударять палками это животное по головѣ, брюху, хребту, шеѣ и ногамъ, произнося: «Тебѣ, Земенникъ, боже нашъ, приносимъ мы жертву и благодаримъ тебя за то, что ты насъ въ прошедшемъ году сохранилъ въ добромъ здоровьи, даровалъ намъ въ изо-

¹⁾ Kron. Pols. I. iv, 149.

²⁾ Grunau, Preuss. Chron. 90 - 91. *

³⁾ L. David. Preuss. Chron. I, 92, 104.